Д15 4/21

Русская Историческая Библіотека.
№ 12.

ОБЗОРЪ

ВАЖНѢЙШИХЪ ДОЗНАНІЙ

производившихся

въ жандармскихъ управленіяхъ

за 1902 годъ.

Цѣна 50 коп.

Складъ при
книгоиздательствѣ
„Донская Рѣчь".

D15 4/21

Обзоръ

важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ.

Типографія „Донская Рѣчь". Ростовъ на-Дону. 1906 г.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
466878
Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвен. № 466878
— — 193 г.

Обзоръ

важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ противоправительственнымъ движеніемъ въ Россіи почти всецѣло руководили соціалъ-демократы. Группируясь въ «Россійскую соціалъ-демократическую рабочую партію», они основали въ главныхъ фабрично-заводскихъ центрахъ мѣстные ея «комитеты», тѣсно связанные между собою какъ единствомъ программы, такъ и принципомъ взаимной поддержки. Подготовляя такимъ путемъ «мирную революцію»,—преимущественно на экономической почвѣ,—вожаки соціализма намѣтили рядъ необходимыхъ по ихъ мнѣнію реформъ, касающихся, главнымъ образомъ, законодательства о рабочихъ. Характеръ борьбы правительства съ этимъ движеніемъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его умѣренности, и серьезныя репрессіи примѣнялись лишь къ представителямъ болѣе крайнихъ направленій.

Тѣмъ не менѣе, еще въ 1900 г. стала замѣчаться въ нелегальныхъ сферахъ наклонность къ обостренію ихъ дѣятельности, а со второй половины 1901 г. явленіе это сдѣлалось уже совершенно наглядным. Усиленію революціонной тенденціи въ значительной мѣрѣ способствовали слѣдующія внѣшнія причины, помимо другихъ—органическихъ.

1. Еврейскій вопросъ. Среди населенія въ чертѣ еврейской осѣдлости накопилась подавляющая масса такой безысходной нищеты, которой, по относительной цифрѣ, никогда не было во всей Европѣ. Приписывая это отсутствію равноправности евреевъ съ остальнымъ населеніемъ,—игнорируя притомъ особенности своей расы,—еврейская интеллигенція чуть не поголовно примкнула къ разнымъ революціоннымъ группамъ, протестуя такимъ способомъ за положеніе единоплеменнаго ей пролетаріата; послѣдній же безотчетно послѣдовалъ указаніямъ вожаковъ, сознавая, что ухудшеніе его положенія въ будущемъ является невозможнымъ.

2. Движеніе среди учащейся молодежи. Ненормальныя условія образованія и внутренняго быта въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи уже давно обращали на себя вниманіе подлежащихъ сферъ, но и до сихъ поръ вопросъ этотъ не получилъ радикальнаго рѣшенія. По-

терявъ съ нѣкотораго времени значеніе академіи, университеты наши обратились въ школу, не отвѣчающую научнымъ потребностямъ молодежи. Съ другой стороны, оторванность студенчества отъ своихъ заведеній, какъ учрежденій объединяющихъ—была причиною упадка внѣшней дисциплины, а съ нею—и всякаго руководящаго режима. Все это натолкнуло молодежь на политику, увлеченіе которою, къ сожалѣнію, поддерживалось если не открытымъ сочувствіемъ, то благосклоннымъ молчаніемъ многихъ зрѣлыхъ элементовъ общества. Начались преслѣдованія такихъ политиковъ къ массѣ, наравнѣ со взрослыми агитаторами, а это вызвало озлобленіе въ средѣ, наиболѣе склонной къ крайностямъ.

3. Распространеніе уголовно-политическаго преслѣдованія по объему съ ослабленіемъ его интенсивности. Мѣра эта нивеллировала лицъ съ разной степенью виновности и была натуральнымъ послѣдствіемъ слишкомъ продолжительнаго и исключительнаго примѣненія въ области государственныхъ преступленій административной юрисдикціи въ ущербъ судебной. Такое уравненіе репрессій, въ большинствѣ чрезмѣрно снисходительныхъ, породило, тѣмъ не менѣе, нареканія на произволъ со стороны власти и повліяло на повышеніе уровня противоправительственнаго настроенія.

Сравнивая переживаемую эпоху съ концомъ 70-хъ и началомъ 80-хъ годовъ, представители революціонныхъ партій утверждаютъ, что за ними теперь стоятъ массы рабочихъ, уже подготовленныхъ къ борьбѣ съ правительствомъ, тогда какъ еще недавно они были на сторонѣ власти. Хотя заявленіе это въ значительной мѣрѣ утрировано, но не подлежитъ сомнѣнію, что настоящее время представляется серьезнымъ моментомъ: среди рабочихъ, между учащеюся молодежью и даже въ обществѣ накопилось не мало лицъ, враждебныхъ современному государственному строю. Они стремятся внести замѣшательство въ ряды органовъ власти и вызвать усиленныя репрессіи, которыя повлекли бы за собой рожденіе новыхъ сторонниковъ революціи. Такое напряженіе подпольныхъ силъ хотя и не угрожаетъ всей государственной и общественной организаціи, но всегда можетъ вызвать значительные безпорядки и посягательства на отдѣльныхъ лицъ.

Сверхъ того, въ послѣдніе года почти черезъ 40 лѣтъ послѣ неудачнаго «хожденія въ народъ» первыхъ русскихъ революціонеровъ, современные ихъ послѣдователи вновь обратили вниманіе на крестьянъ. Направляя свою дѣятельность въ мѣстности или пострадавшія отъ неурожая, или же находящіяся въ неблагопріятныхъ аграрныхъ условіяхъ—агитаторы эксплоатировали для своихъ цѣлей народную нужду, и, къ сожалѣнію—не безуспѣшно.

Къ началу 1902 года противоправительственная агитація въ Имперіи выражалась слѣдующими явленіями:

1) соціалъ-демократы стремились сплотить рабочихъ въ организаціи, ведущія борьбу съ капиталистами и приготовленныя къ требованію политической свободы. Задачи эти приведены уже отчасти въ исполненіе образованіемъ въ главныхъ районахъ заводской промышленности тайныхъ кружковъ, дѣйствующихъ подъ руководствомъ интеллигентныхъ пропагандистовъ и объединенныхъ «Рос-

сійскою соціалъ-демократическою рабочею партіею». Какъ сказано выше, соціалъ-демократы стали замѣтно переходить къ болѣе революціонному образу дѣйствій;

2) «соціалисты-революціонеры», также объединяя рабочихъ въ союзы, возбуждали трудящійся классъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ органовъ власти, причемъ стремленія эти съ 1901 г. уже неоднократно проявлялись въ бурныхъ демонстраціяхъ. Кромѣ того, «соціали ты-революціонеры» выдѣлили особую группу, назвавшуюся «Боевою организаціею партіи соціалистовъ-революціонеровъ», спеціально назначенную для выполненія порученій террористическаго характера, и

3) «народовольческіе» кружки проповѣдовали терроръ и распространяли въ обществѣ идеи о необходимости радикальнаго государственнаго переворота въ Россіи.

С.-Петербургъ. Во главѣ подпольнаго движенія въ Петербургѣ долгое время стояла одна изъ наиболѣе устойчивыхъ фракцій соціалъ-демократическаго направленія—«Спб. Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», который, благодаря умѣлому выраженію современныхъ задачъ, привлекъ въ свои ряды массу интеллигентной молодежи. Но и на этой, вначалѣ мирной, группѣ сказалось вліяніе крайнихъ революціонныхъ элементовъ: еще въ первой половинѣ 1900 г. появилось «Письмо къ петербургскимъ рабочимъ», призывавшее ихъ къ борьбѣ за политическую свободу. Осенью того же года «Союзъ» выпустилъ подробную программу предпринятой имъ обширной организаціи, причемъ впервые указалъ на необходимость «борьбы съ царскимъ произволомъ», а въ числѣ средствъ для этого рекомендовалъ образованіе «боевыхъ союзовъ», политическія демонстраціи при участіи рабочихъ и «временные союзы съ другими революціонными партіями». Такимъ образомъ, тактика господствовавшаго въ столицѣ «Союза борьбы» рѣзко измѣнилась и примкнула къ выработанной эмигрантами и другими революціонными кружками общей программѣ разрушенія самодержавнаго строя. Приэтомъ обществу, а также учащейся молодежи и рабочимъ, указывались слѣдующіе пріемы борьбы съ правительствомъ: 1) демонстративное празднованіе 1-го мая; 2) стачки; 3) насильственное освобожденіе арестованныхъ за участіе въ забастовкахъ; 4) уличныя манифестаціи по поводу разныхъ событій, какъ выраженіе гласнаго протеста противъ распоряженія правительства и 5) подача различныхъ коллективныхъ петицій и заявленій, которыя, пріучая оппозиціонные элементы къ сплоченности, даютъ возможность гласной оцѣнки мѣропріятій органовъ власти и ведутъ, мало-по-малу, къ вмѣшательству народа въ управленіе страною. Особое значеніе придавалось агитаціи въ фабричномъ населеніи столицы, такъ какъ въ ней живутъ Государь и министры, а потому, какъ говоритъ одно заграничное изданіе,—«здѣсь можетъ быть нанесено окончательное пораженіе царской власти».

Подъ вліяніемъ такихъ новыхъ вѣяній, цѣлый рядъ русскихъ «марксистовъ» сталъ формировать новыя сообщества, болѣе рево-

люціоннаго направленія, или же присоединяться къ группамъ того же характера, существовавшимъ ранѣе. Такое стремленіе ясно опредѣлилось уже въ 1900 г., когда въ Минскѣ образовалась «Рабочая партія политическаго освобожденія Россіи» съ террористическими цѣлями, а въ Петербургѣ составился отдѣлъ этого сообщества. Группы эти, приглашая рабочихъ праздновать день 1 мая, склоняли ихъ къ вооруженному сопротивленію властямъ; приэтомъ, несмотря на полное отрицаніе «Союзомъ борьбы» всякихъ насильственныхъ пріемовъ, многіе члены его приняли на себя распространеніе подобныхъ воззваній черезъ своихъ знакомыхъ рабочихъ. Кромѣ того, при содѣйствіи представителей «Союза борьбы» было распространено въ столицѣ множество экземпляровъ брошюры «Свобода», проповѣдующей систематическій терроръ противъ высшихъ представителей власти, признаваемыхъ партіею особенно вредными для ея интересовъ. Карповичъ указывалъ на знакомство свое съ упомянутыми произведеніями, а Лаговскій заявилъ, что его взгляды вполнѣ соотвѣтствуютъ основнымъ идеямъ, высказаннымъ въ «Свободѣ».

2-го апрѣля 1902 года, около часа дня, въ швейцарскую комитета министровъ вошелъ пріѣхавшій въ каретѣ офицеръ въ адъютантской формѣ и заявилъ, что онъ долженъ лично передать министру внутреннихъ дѣлъ имѣвшійся у него пакетъ отъ Великаго Князя Сергѣя Александровича. Послѣ отвѣта швейцара, что егермейстера Сипягина еще нѣтъ, офицеръ вышелъ, но тотчасъ вернулся, сказавъ, что будетъ ждать. Черезъ нѣсколько минутъ министръ пріѣхалъ и, при входѣ въ швейцарскую былъ встрѣченъ названнымъ офицеромъ, который двумя выстрѣлами изъ револьвера смертельно ранилъ егермейстера Сипягина.

При первомъ же осмотрѣ преступника было очевидно, что онъ не военный, и надѣлъ форму лишь для болѣе легкаго доступа въ Маріинскій дворецъ, а затѣмъ онъ и самъ назвалъ себя бывшимъ студентомъ Кіевскаго университета Степаномъ Валеріановымъ Балмашевымъ.*) Въ отобранномъ у послѣдняго портфелѣ оказалось еще два конверта, подобныхъ вышеупомянутому, съ надписями: министру внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурору святѣйшаго синода Побѣдоносцеву.

Отъ всякихъ объясненій по дѣлу Балмашевъ отказался, заявивъ, однако же, что министръ убитъ имъ по соображеніямъ политическаго характера.

На другой день въ Петербургѣ появились отпечатанныя циклостилемъ прокламаціи «ко всѣмъ подданнымъ русскаго Царя», подъ заглавіемъ «Казнь министра Сипягина», за подписью «Боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ».

Того же 3 апрѣля въ г. Саратовѣ появился называвшій себя дворяниномъ Петромъ Василевскимъ и впослѣдствіи оказавшійся

---

*) Въ декабрѣ 1900 г. за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, Балмашевъ былъ исключенъ изъ университета съ отдачею въ военную службу, но затѣмъ уволенъ изъ полка для поправленія здоровья.

Михаиломъ Михайловымъ Мельниковымъ*). Обращая на себя вниманіе крайне озабоченнымъ видомъ, онъ при встрѣчѣ съ ученикомъ Техническаго училища Иваномъ Крейнертомъ обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами, а затѣмъ поспѣшно направился къ почетному гражданину Георгію Харизоменову; оттуда онъ зашелъ къ мѣщанкѣ Еленѣ Аверкіевой и снова вернулся къ Харизоменову, куда передъ вечеромъ явился почетный гражданинъ Петръ Кадиксовъ**). Въ 9½ часовъ вечера Мельниковъ вышелъ отъ Харизоменова съ большимъ свертком, замѣтивъ же за собой наблюденіе, онъ бросилъ его, нанесъ полицейскому надзирателю нѣсколько ранъ въ голову и скрылся. Въ оставленной Мельниковымъ ношѣ оказалось: 25 фунтовъ шрифта, 32 экземпляра № 4 журнала «Революціонная Россія» и составленная Мельниковымъ пространная рукопись, въ которой говорилось объ убійствѣ егермейстера Сипягина, какъ о фактѣ совершившемся, причемъ убійца, обозначенный лишь буквой «Б.», названъ «новымъ соколомъ». Рукопись эта по ея размѣрамъ и разсчету времени могла быть написана Мельниковымъ только въ Саратовѣ, притомъ—именно у Харизоменова и въ присутствіи Кадиксова, отъ которыхъ онъ получилъ и оказавшіеся при немъ предметы.

Дознаніемъ установлено, что описанное убійство совершено по иниціативѣ упомятой «Боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ», при непосредственномъ участіи ея главнаго представителя, врача-бактеріолога Григорія Гершуни***). Не принимая личнаго участія въ террористическихъ актахъ, онъ разъѣзжалъ по Россіи и заграницей съ цѣлью пріобрѣтенія средствъ для названнаго сообщества и пріискивалъ людей, готовыхъ жертвовать собою. Съ рѣдкимъ умѣніемъ и ловкостью подчиняя своей волѣ намѣченныхъ имъ исполнителей его плановъ, онъ въ то же время неотступно слѣдилъ за поддержаніемъ въ такихъ лицахъ возбужденной экзальтаціи. Ближайшимъ помощникомъ Гершуни былъ Мендель Розенбаумъ, на остальныхъ же членовъ «Боевой организаціи» возлагалось «выслѣживаніе» или подготовительная работа по выполненію задуманныхъ предпріятій, какъ, напримѣръ: изученіе мѣстности, образа жизни извѣстныхъ лицъ, ихъ привычекъ и т. д.

Разслѣдованіемъ не выяснены всѣ дѣйствія Гершуни, предшествовавшія злодѣянію 2 апрѣля, но установлено, что незадолго до того онъ находился почти неотлучно при Балмашевѣ и проживалъ съ нимъ въ одной гостиницѣ въ гор. Выборгѣ подъ фамиліей «Брендова».

---

*) Мельниковъ въ 1890 г. привлекался къ дознанію въ Петербургѣ по дѣлу о «группѣ соціалистовъ-революціонеровъ»; по освобожденіи изъ-подъ стражи 5-го мая 1899 г. онъ скрылся и проживалъ затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ съ подложными документами почти до половины 1902 г. О Мельниковѣ возбуждено особое дознаніе.

**) Изъ названныхъ лицъ раньше привлекались къ дознаніямъ: Харизоменовъ въ 1898 г. въ Петербургѣ, Кадиксовъ въ 1896 и 1898 гг. въ Саратовѣ, Аверкіева же по приговору Особаго присутствія Правительствующаго Сената 1874 г. была сослана въ каторжныя работы.

***) Обз. XIX и XX, стр. 173, 462, Обз. XXV, стр. 156.

Еще раньше этого Гершуни просилъ своего знакомаго, поручика 33-й артиллерійской бригады Евгенія Григорьева, указать ему лучшую систему револьвера, а затѣмъ—купить ему 50 патроновъ. За нѣсколько дней до убійства егермейстера Сипягина, Гершуни разспрашивалъ Григорьева о способахъ надѣванія шпоръ на высокіе сапоги и пристегиванія аксельбантовъ. На вопросъ, зачѣмъ ему это знать—Гершуни отвѣтилъ, что истинный революціонеръ долженъ знать все. Въ послѣдніе дни передъ 2-мъ апрѣля, говоря съ Григорьевымъ, Гершуни не разъ намекалъ, что вскорѣ должно нѣчто совершиться, а 2 апрѣля онъ явился утромъ къ Григорьеву сильно взволнованнымъ, причемъ бывшая у него борода оказалась сбритою. На другой день Гершуни снова зашелъ къ Григорьеву и принесъ отпечатанную циклостилемъ прокламацію, подъ заглавіемъ «Казнь министра Сипягина». На разспросы Григорьева не онъ ли организовалъ это убійство, Гершуни самодовольно улыбнулся, замѣтивъ, что «работа чистая», и разсказалъ всѣ детали этого террористическаго акта. Гершуни тутъ же назвалъ фамилію Балмашева и сказалъ, что послѣдній пріѣхалъ изъ Саратова, что пули въ его револьверѣ были отравлены, что карету для него нанималъ какой-то «почтенный старецъ» и что Балмашевъ «долженъ былъ поразить или Сипягина или Побѣдоносцева». Въ послѣдующемъ разговорѣ Гершуни, между прочимъ, передалъ Григорьеву, что Балмашевъ забылъ въ Теріокахъ офицерскую шашку, вслѣдствіе чего едва не провалилось все дѣло, но Балмашевъ успѣлъ купить другое оружіе.

Тогда же рѣшено было, что Григорьевъ совершитъ 4-го апрѣля, во время похоронъ егермейстера Сипягина, покушеніе на жизнь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Побѣдоносцева. Полагая, что послѣдній будетъ слѣдовать за гробомъ въ каретѣ, Гершуни тщательно описалъ Григорьеву наружные ея признаки, также какъ и масть лошадей, и, вручивъ ему фотографическую карточку г. Побѣдоносцева, просилъ изучить черты его лица во избѣжаніе ошибки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гершуни старался поддержать въ Григорьевѣ повышенное настроеніе, рисовалъ передъ нимъ славу великаго народнаго героя-мученика, благодарность потомства и говорилъ, что этотъ актъ будетъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ, Григорьевъ, настоящій офицеръ. Гершуни увѣрялъ, что черезъ недѣлю послѣ этого покушенія новый «Исполнительный комитетъ» пришлетъ правительству ультиматумъ, послѣ чего послѣдуетъ рядъ систематическихъ покушеній, которыя должны потрясти всю Россію.

4-го апрѣля Гершуни далъ Григорьеву около 50 рублей для расходовъ на первое время, если бы тому удалось скрыться; въ этомъ случаѣ Григорьевъ долженъ былъ послать въ тотъ же день депешу въ Пензу до востребованія на имя «Алексѣя Ивановича», а затѣмъ и самъ туда ѣхать.

Утромъ того же 4 апрѣля Григорьевъ вышелъ съ револьверомъ системы Браунинга*), купленнымъ имъ въ магазинѣ, и па-

*) Той же системы, какъ и револьверъ, оказавшійся у Балмашева.

тронами, полученными отъ Гершуни, причемъ первыя три пули, вложенныя въ барабанъ, были отравлены. Находясь засимъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ похоронную процессію, Григорьевъ, однако же, условленнаго покушенія не совершилъ, такъ какъ, по его словамъ, у него «не хватило рѣшимости стрѣлять въ беззащитнаго старика». Гершуни, какъ потомъ оказалось, все время слѣдилъ за Григорьевымъ, и, придя къ нему на другой день, былъ видимо недоволенъ, когда тотъ сообщилъ ему, что г. Побѣдоносцева на похоронахъ не было. Не высказывая Григорьеву открыто своего неудовольствія за неисполненіе имъ принятаго на себя обязательства, Гершуни сталъ тутъ же составлять новые планы и высказалъ, что не лучше ли обратиться къ «апельсинамъ», подразумѣвая подъ этимъ мѣдныя бомбы, снаряженныя панкластитомъ.

Вскорѣ послѣ того Гершуни уѣхалъ, обѣщая прислать замѣстителя, который подготовитъ все необходимое для новаго покушенія. Передъ отъѣздомъ Гершуни сказалъ Григорьеву, что всѣ свѣдѣнія о немъ онъ можетъ получать отъ Людмилы Ремянниковой, съ которою онъ, Гершуни, будетъ переписываться.

Дней черезъ 5—7 послѣ отъѣзда Гершуни, къ Григорьеву явился неизвѣстный ему человѣкъ, въ фуражкѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и отрекомендовался Иваномъ Васильевичемъ Кузнецовымъ, сказавъ предварительно условленный между Гершуни и Григорьевымъ пароль: «Федоръ Петровичъ кланяется»*). Затѣмъ Кузнецовъ, оказавшійся впослѣдствіи вышеупомянутымъ Михаиломъ Мельниковымъ, объявилъ Григорьеву, что видѣлся въ Пензѣ съ Гершуни, отъ котораго узналъ всѣ подробности о немъ, Григорьевѣ. Послѣ того, Мельниковъ сталъ довольно часто заходить къ Григорьеву, и, однажды, въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1902 г., сказалъ ему, что постановленіемъ «Боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ» министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве приговоренъ къ смерти, вслѣдствіе чего необходимо разработать планъ покушенія. Мельниковъ заявилъ, что имъ было установлено наблюденіе за министромъ и опредѣлены улицы, по которымъ проѣзжаетъ его карета, но это не дало ему, Мельникову, никакой идеи для плана, почему онъ и предложилъ Григорьеву сдѣлать рекогносцировку министерской дачи. По словамъ Григорьева, онъ «ради курьеза, обошелъ вокругъ дачи, и, по возвращеніи домой, окончательно высмѣялъ планъ Мельникова, состоявшій въ томъ, чтобы напасть на Плеве въ то время, когда онъ пойдетъ въ купальню».

Дня черезъ два послѣ того Григорьевъ уѣхалъ въ имѣніе своей матери, не сообщивъ Мельникову о своемъ отъѣздѣ, а по возвращеніи въ Петербургъ въ сентябрѣ 1902 г. увѣдомилъ своихъ единомышленниковъ, черезъ названную Ремянникову, что не принимаетъ болѣе никакого участія въ ихъ революціонной дѣятельности.

---

*) При первомъ знакомствѣ съ Григорьевымъ Гершуни называлъ себя Федоромъ Петровичемъ Кочковскимъ.

29-го іюля 1902 г. въ г. Харьковѣ было совершено покушеніе на жизнь мѣстнаго губернатора князя Оболенскаго, причемъ случайно раненъ полиціймейстеръ. Злоумышленникъ отказался назвать себя, но впослѣдствіи установлено, что онъ крестьянинъ Ѳома Качуръ.

Разслѣдованіемъ выяснено, что еще въ апрѣлѣ 1901 г., во время уличной демонстраціи въ г. Екатеринославѣ, Качуръ случайно познакомился съ однимъ евреемъ, называвшимъ себя «Михаиломъ» и оказавшимся впослѣдствіи Арономъ Вейценфельдомъ*). Послѣдній замѣтно старался съ нимъ сойтись, разсказалъ, что принадлежитъ къ «партіи соціалистовъ-революціонеровъ» и сталъ снабжать его нелегальною литературою, давъ ему, между прочимъ, брошюру «Свобода», для ознакомленія съ программой «Боевой дружины». Поученія Вейценфельда убѣдили Качура въ пользѣ террора, какъ орудія борьбы, и Качуръ самъ пожелалъ принять непосредственное участіе въ террористическихъ дѣйствіяхъ. Вейценфельдъ обѣщалъ познакомить его съ «Кіевской группой боевой организаціи» и далъ ему адресъ въ Кіевѣ «Большая Подвальная, № 42, кв. 6., спросить студента медика Попова». Пріѣхавъ въ Кіевъ, Качуръ узналъ отъ дворника, что Поповъ переѣхалъ въ Нѣжинъ. Оставаясь затѣмъ въ Кіевѣ, Качуръ познакомился съ нѣсколькими революціонерами-евреями, и былъ даже арестованъ съ ними 21 апрѣля 1903 г., но черезъ мѣсяцъ выпущенъ на свободу.

Въ концѣ іюня того же года къ Качуру явился Вейценфельдъ и познакомилъ его съ какимъ то блондиномъ, однимъ изъ представителей «Боевой организаціи». Послѣдній предложилъ Качуру на другой день въ 10 часовъ утра зайти на бульваръ и спросить «который часъ» у господина, что будетъ сидѣть на скамейкѣ съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ и отвѣтитъ: «пора обѣдать». При такихъ условіяхъ Качуръ познакомился съ неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, оказавшимся впослѣдствіи вышеупомянутымъ Григоріемъ Гершуни; онъ сказалъ Качуру, что знаетъ о его готовности вступить въ «боевую организацію» и, предложивъ устроить въ Кіевѣ конспиративную квартиру, тутъ же далъ ему на это 50 рублей. При слѣдующемъ свиданіи Гершуни сообщилъ Качуру, что въ Петербургѣ состоялось постановленіе «Боевой организаціи» убить харьковскаго губернатора, князя Оболенскаго, за насильственныя дѣйствія надъ крестьянами, и что ему, Гершуни, поручено предложить Качуру исполнить этотъ приговоръ. Замѣтивъ колебаніе послѣдняго Гершуни въ сильныхъ выраженіяхъ началъ описывать жестокости губернатора и, когда Качуръ изъявилъ согласіе,—далъ ему 50 рублей, поручивъ отправиться въ Харьковъ и увидѣться тамъ съ какою-то личностью на вокзалѣ. Гершуни объяснилъ, что это лицо принадлежитъ къ «Развѣдочному бюро», сформированному изъ «кружка памяти Лаврова» и принявшему на себя выслѣживаніе людей, приговариваемыхъ «Боевою организаціей» къ смерти.

---

*) Вейценфельдъ привлеченъ къ дознанію въ Екатеринославѣ по дѣлу „соціалистовъ-революціонеровъ“; см. ниже стр.

По пріѣздѣ Качура 24-го іюля въ Харьковъ, на вокзалѣ встрѣтилъ его Гершуни и сказалъ, что «Развѣдочнымъ бюро» уже все сдѣлано, такъ что остается лишь купить оружіе и платье; при этомъ онъ далъ Качуру 30 рублей и,ославъ его въ магазинъ «Спортъ» купить револьверъ съ патронами системы Браунинга, самъ остался ждать его на улицѣ, а затѣмъ взялъ отъ Качура купленные предметы.

Послѣ того Гершуни ежедневно встрѣчался съ Качуромъ, говоря, что князя Оболенскаго «выслѣживаютъ», а 26-го іюля объявилъ, что онъ, Качуръ, долженъ написать письмо въ объясненіе предстоявшаго убійства. Качуръ находилъ это излишнимъ, но Гершуни настаивалъ, доказывая, что народъ и рабочіе должны знать о его побужденіяхъ къ такому поступку. Когда послѣдній согласился, Гершуни далъ ему всѣ письменныя принадлежности и сталъ диктовать письмо къ рабочимъ и крестьянамъ, прося писать четко, чтобы рукопись можно было потомъ размножить. Гершуни сказалъ, что приговоръ «Боевой организаціи» будетъ готовъ 28-го іюля, что на револьверѣ будетъ надпись:—«за пролитую крестьянскую кровь—смерть царскому палачу», и что пули будутъ отравлены, причемъ совѣтовалъ попасть первой пулей, такъ какъ на ней больше яда.

28 іюля Гершуни передалъ Качуру означенный приговоръ и заряженный револьверъ, отобравъ отъ него всѣ лишнія, по его мнѣнію, вещи, даже гребенку. Въ тотъ же день, въ одномъ изъ садовъ, указанныхъ Гершуни, Качуръ видѣлъ князя Оболенскаго, но стрѣлять въ него не рѣшился. На другой день Гершуни, встрѣтивъ Качура утромъ на улицѣ, предложилъ ему немедленно отправиться на ст. Веселая Лопань, куда выѣхалъ губернаторъ, и убить его на вокзалѣ или около дачи. Качуръ поѣхалъ туда и вернулся въ Харьковъ въ одномъ поѣздѣ съ княземъ Оболенскимъ, но опять не имѣлъ духа покуситься на его жизнь.

Вечеромъ Качуръ пошелъ въ садъ «Тиволи», надѣясь встрѣтить тамъ губернатора, причемъ желалъ, чтобы и на этотъ разъ не представилось удобнаго случая для покушенія; но въ саду его ждалъ Гершуни, повидимому все время за нимъ слѣдившій. Сѣвъ на скамейку, Гершуни сообщилъ Качуру, что князь Оболенскій находится въ театрѣ, и что данная минута представляется наиболѣе подходящею для убійства, которое должно быть совершено «теперь или никогда». Качуръ хотѣлъ было закурить папиросу, но Гершуни вырвалъ у него портсигаръ; въ тотъ же моментъ князь Оболенскій вышелъ изъ театра, направляясь въ ту сторону, гдѣ были Качуръ и Гершуни. Послѣдній быстро куда-то исчезъ, а губернаторъ, повернувъ назадъ, остановился у театра съ какой-то дамой. Качуръ прицѣлился въ князя и сдѣлалъ выстрѣлъ, но промахнулся, а затѣмъ у него стали вырывать изъ рукъ револьверъ, вслѣдствіе чего послѣдовало нѣсколько нечаянныхъ выстрѣловъ, однимъ изъ коихъ раненъ харьковскій полиціймейстеръ.

Дознаніемъ объ убійствѣ егермейстера Сипягина, между прочимъ, установлено, что для совершенія этого преступленія Балмашевъ прибылъ въ столицу изъ Саратова 26 марта того же года.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ выяснено, что, проживая въ Саратовѣ съ декабря 1901 г., Балмашевъ былъ тамъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ упомянутыми выше Харизоменовымъ, Кадиковымъ и Крейнертомъ, которые называли его «Плутонычемъ» и «Тишкой». Въ менѣе близкихъ отношеніяхъ съ Балмашевымъ находились: служившій въ саратовской городской управѣ дворянинъ Леонидъ Булановъ названная Аверкіева и бывшій студентъ Алексѣй Рыковъ, проживающій вмѣстѣ со своей сестрой, Фаиной Рыковой*).

Въ виду еще ранѣе имѣвшихся свѣдѣній, что Булановъ былъ иниціаторомъ возникновенія въ Саратовѣ центральной группы «партіи соціалистовъ-революціонеровъ», у названныхъ лицъ, какъ равно и у нѣкоторыхъ находившихся съ ними въ сношеніяхъ, были произведены обыски, причемъ у члена городской управы, Алексѣя Милашевскаго, въ одномъ изъ флигелей его дома, обнаружены: складъ изданій означенной партіи, состоявшій изъ 6000 экземпляровъ брошюръ, журналовъ, газетъ и воззваній; принадлежности для изготовленія подложныхъ паспортовъ; мѣдныя печати «партіи соціалистовъ революціонеровъ», «Саратовскаго комитета» той же партіи и «крестьянскаго союза», рукопись Балмашева, въ которой онъ излагаетъ мотивы своего рѣшенія «убить шефа русскихъ жандармовъ», и написанныя Алексѣемъ Рыковымъ и сыномъ священника Василіемъ Шиллеровымъ статьи и стихотворенія революціоннаго содержанія.

Въ упомянутомъ флигелѣ дома Милашевскаго, какъ удостовѣрено многими свидѣтелями, часто бывали вмѣстѣ съ Милашевскимъ и проводили по нѣсколько часовъ: названный Булановъ, сожительница его Вѣра Хатемкина**), ветеринарный врачъ городской управы Карпъ Соркинъ, фельдшерица Татьяна Здобнова и кухарка Милашевскаго, Анна Лабзина; причемъ во время пребыванія кого-либо изъ нихъ въ означенномъ помѣщеніи занавѣсы на окнахъ всегда тщательно закрывались. Вмѣстѣ съ тѣмъ, установлено, что Булановъ, Хатемкина, Харизоменовъ и мѣщанинъ Рафаилъ Цурвизовъ***) находились въ оживленныхъ сношеніяхъ какъ между собою, такъ и съ состоящимъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ, Павломъ Крафтомъ****).

По обыску въ квартирѣ Анны Крейнертъ найдены 408 экземпляровъ брошюръ и воззваній; 34 фунта типографскаго шрифта; пишущая машина; пять паспортныхъ бланковъ и девять паспортныхъ книжекъ съ подложными записями и отчасти вытра-

*) Булановъ въ 1878 г. по суду былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе; Алексѣй Рыковъ въ 1901 г. привлекался къ дознанію въ Казани, а Фаина Рыкова, за участіе въ демонстраціи 4 марта 1901 г., выслана изъ Петербурга.

**) Привлекалась въ 1898 г. къ дознанію въ Петербургѣ

***) Цурвизовъ изобличенъ въ производствѣ работъ въ пензенской тайной типографіи

****) Крафтъ привлекался къ дознаніямъ въ 1889 г. въ Москвѣ, въ 1891 г. въ Петербургѣ и въ 1899 г. въ Пензѣ, послѣ чего, до окончанія назначеннаго ему наказанія, скрылся.

в еннымъ текстомъ, причемъ фальшивыя записи сдѣланы въ одномъ паспортѣ Харизоменовымъ, а въ трехъ Кадиксовымъ; большое количество отгектографированныхъ, но еще не сброшюрованныхъ разныхъ революціонныхъ сочиненій, и рукописное воззваніе «къ оф церамъ русской арміи», составленное писцомъ саратовской губернской земской управы, Дмитріемъ Кремлевымъ*), пріятелемъ Харизоменова и Кадиксова. По заявленію Ивана Крейнерта, всѣ означенные предметы онъ помѣстилъ у своей матери, Анны Крейнертъ, получивъ ихъ для храненія отъ одного знакомаго, которому 3-го апрѣля 1902 г. была возвращена часть шрифта.

Хотя почти всѣ названные обвиняемые не пожелали дать по дѣлу объясненій, но вещественныя доказательства и показанія многочисленныхъ свидѣтелей, какъ равно и сопоставленіе данныхъ, обнаруженныхъ дознаніями о «партіи соціалистовъ-революціонеровъ» въ Кіевѣ и Екатеринославѣ несомнѣнно, указываютъ, что въ началѣ 1902 г. въ Саратовѣ сформировалась тайная группа, вошедшая въ составъ «партіи соціалистовъ-революціонеровъ». Слѣдуя террористической программѣ этого сообщества, она поставила своею задачею насильственное ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго строя и, «въ видѣ подготовительной дѣятельности» — занималась пропагандою соціально-революціонныхъ идей. Съ этою цѣлью члены группы составили, издали и распространили рядъ брошюръ и воззваній, коими населеніе призывалось къ возстанію противъ правительства и открытому бунту противъ Верховной власти. Одобряя совершенныя «Боевою организаціею» той же «партіи соціалистовъ-революціонеровъ» политическое убійство и покушеніе **), въ упомянутыхъ изданіяхъ доказывалась необходимость террора и въ будущемъ, какъ средства для устраненія лицъ, поставленныхъ во главѣ правительства и побужденія ихъ къ уступкамъ.

Обнаруженіе въ Саратовѣ печати «партіи соціалистовъ-революціонеровъ» и большого склада преступныхъ изданій, посылавшихся оттуда въ разные пункты, удостовѣряетъ, что тамъ находился «центръ» означеннаго сообщества; тотъ же саратовскій кружокъ завелъ и «цѣлое паспортное бюро» для изготовленія подложныхъ видовъ на жительство. Часть упомянутаго склада, какъ сказано выше, была у Ивана Крейнерта и передана ему Харизоменовымъ, а три чистыхъ паспортныхъ бланка и четыре заполненныхъ фальшивымъ текстомъ—оказались у Хатемкиной.

Затѣмъ, изъ переписки Крафта съ заграничными представителями «партіи соціалистовъ-революціонеровъ» видно, что онъ былъ въ Саратовѣ однимъ изъ ея главарей, работая вмѣстѣ со своими единомышленниками отъ имени всей организаціи ***). Живя на одной

---

*) Кремлевъ привлекался въ 1899 г. къ дознанію въ Уфѣ и въ 1902 г.—въ Саратовѣ.

**) Убійство егермейстера Сипягина и посягательство на жизнь харьковскаго губернатора.

***) Переписка эта велась по адресу служившей въ саратовской губернской земской управѣ Анны Добровольской.

квартирѣ съ Харизоменовымъ, Крафтъ находился въ постоянномъ общеніи съ Булановымъ, Хатемкиной и Крейнертомъ, а также пріѣзжалъ вмѣстѣ съ Булановымъ къ Тарасову, Цурвизову и Кулагину въ г. Пензу, наканунѣ перевозки тайной типографіи въ новое помѣщеніе *). По обыску у Крафта найдены: паспортъ на имя Короткова, записная книжка съ массой шифрованныхъ адресовъ, оставшихся неразобранными, заграничный адресъ для сношенія съ редакціею газеты «Революціонная Россія» и около десятка разныхъ соціалистическихъ сочиненій.

При отсутствіи прямыхъ указаній на иниціативу или подстрекательство, со стороны членовъ описанной саратовской группы въ дѣлѣ убійства егермейстера Сипягина, нельзя, однако же, не обратить вниманія на то, что въ одной изъ рукописей Балмашева, онъ, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до совершеннаго имъ преступленія, высказывалъ полное несочувствіе революціонной дѣятельности. Затѣмъ, все время, непосредственно предшествовавшее выѣзду его изъ Саратова въ Петербургъ для выполненія задуманнаго посягательства, онъ находился въ постоянномъ общеніи съ Харизоменовымъ, Кадиксовымъ, Булановымъ и Крейнертомъ, изъ коихъ съ первыми двумя состоялъ въ особой дружбѣ.

30 мая задержанъ въ г. Саратовѣ человѣкъ, назвавшійся Алексѣемъ Власовымъ и оказавшійся въ дѣйствительности крестьяниномъ Алексѣемъ Вшивковымъ; при немъ найдено нѣсколько революціонныхъ изданій и револьверъ съ патронами. Разслѣдованіемъ установлено, что учительница земской школы Пермской губерніи, Лидія Коробицына **) ввела Вшивкова въ тайный революціонный кружокъ, но затѣмъ, недѣли за двѣ до ареста, онъ уѣхалъ для пріисканія работы въ Саратовъ, получивъ отъ Коробицыной рекомендательное письмо къ Вѣрѣ Хатемкиной. Послѣдняя тотчасъ же познакомила его съ Булановымъ и Михаиломъ Олениным, а вскорѣ Булановъ направилъ Вшивкова къ ученику земледѣльческаго училища, Алексѣю Пискареву ***), давъ записку, написанную непонятными для Вшивкова буквами, послѣ чего Пискаревъ, до того времени совершенно не знавшій Вшивкова, далъ ему нѣсколько революціонныхъ брошюръ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, Хатемкина познакомила Вшивкова съ Алексѣемъ и Фаиной Рыковыми, въ квартирѣ которыхъ онъ провелъ два дня, причемъ видѣлъ у нихъ сундукъ, наполненный нелегальными изданіями, и тогда же получилъ отъ Алексѣя Рыкова тѣ сочиненія, которыя оказались у Вшивкова при обыскѣ. У Рыковыхъ онъ встрѣчалъ Антонину Шимбареву и сожителя ея, Александра Гурьянова ****), который, поселивъ Вшивкова у себя, предложилъ ему заняться разбрасываніемъ на улицахъ прокламацій. При провѣркѣ этого послѣдняго обстоятельства выяснено, что жена Алексѣя Милашевскаго, Марія Милашевская, равно какъ и упомянутая Лабзина—были

*) Стр. настоящаго Обзора.
**) Коробицына привлечена къ дознанію въ г. Перми.
***) Оленинъ и Пискаревъ привлечены къ дознанію въ Саратовѣ.
****) Шимбарева и Гурьяновъ привлечены къ дознанію въ Саратовѣ.

вполнѣ посвящены въ его революціонную дѣятельность, и сами занимались пропагандою среди своихъ знакомыхъ. Милашевская до допроса скрылась, самовольно выѣхавъ за-границу.

Изъ вещественныхъ доказательствъ, обнаруженныхъ у Рыковыхъ, обращаютъ на себя вниманіе черновыя рѣчи революціоннаго содержанія и программа лекцій о значеніи крестьянскихъ бунтовъ, написанныя почеркомъ Алексѣя Рыкова; у Фаины же Рыковой, среди множества революціонныхъ изданій, оказалась памятная книжка съ большимъ числомъ зашифрованныхъ адресовъ, оставшихся неразобранными.

Въ виду установленныхъ сношеній нѣкоторыхъ лицъ съ обвиняемыми, были произведены обыски: у служащихъ въ саратовской губернской земской управѣ—Николая Россова, Николая Нарбекова и Василія Серебрякова, у ветеринарнаго врача городской управы, Григорія Оболдуева, у супруговъ Ивана и Евгеніи Старынкевичъ и у литератора Александра Корнилова *), причемъ у Оболдуева, Серебрякова и Нарбекова ничего предосудительнаго не найдено, у остальныхъ же оказались разныя соціалистическія и революціонныя сочиненія; особенно большое количество ихъ обнаружено у Корнилова. Затѣмъ нѣсколько изданій «партіи соціалистовъ-революціонеровъ» найдено у мѣщанина Михаила Васильева и вышеупомянутаго Шиллерова.

По прибытіи чиновъ полиціи для обыска названнаго ветеринарнаго врача Сорокина, онъ не пожелалъ открыть дверь и сдѣлалъ это лишь спустя нѣкоторое время. Комната оказалась наполненною дымомъ, а въ большой кучѣ еще тлѣвшаго пепла оказалось нѣсколько уцѣлѣвшихъ кусковъ, изъ которыхъ представилось возможнымъ разобрать: 1) гектографированный текстъ «Устава рабочей кассы саратовскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ», 2) написанную почеркомъ Сорокина «программу оппозиціонной политической дѣятельности», въ которой, между прочимъ, значится: «организоваться», «продолжать политическую агитацію въ трудящейся массѣ», «придать этой агитаціи болѣе широкіе размѣры», «распространять по возможности и на сельское населеніе» и 3) имъ же, Сорокинымъ, написанныя революціонныя стихотворенія. Кромѣ того, у него обнаружены принадлежности мимеографа со слѣдами фіолетовой краски.

2-го марта 1902 г., въ С.-Петербургѣ, во дворѣ одного изъ домовъ на Васильевскомъ островѣ былъ случайно поднятъ свертокъ, въ которомъ оказалось большое количество преступныхъ изданій и письмо изъ Парижа на имя «Бориса Макаровича», отъ 30 января 1902 года.

Разслѣдованіемъ установлено, что въ означенное время по указанному адресу проживалъ студентъ горнаго института Борисъ

---

*) Изъ нихъ раньше привлекались къ дознаніямъ: Россовъ—въ 1884 и 1885 гг. въ Петербургѣ, Серебряковъ — въ 1899 г. въ Орлѣ, Оболдуевъ—въ 1897 г. въ Саратовѣ, Нарбековъ—въ 1890 г. въ Петербургѣ, Евгенія Старынкевичъ—въ 1890 г. въ г. Читѣ и Иванъ Старынкевичъ, по приговору военнаго суда въ Москвѣ, въ 1881 г. сосланъ въ каторжную работу на 20 лѣтъ.

Макаровъ Васютинскій, у котораго при обыскѣ найдены принадлежности гектографа и мимеографа, значительное число революціонныхъ брошюръ, газетъ и воззваній и письмо изъ Парижа, написанное въ октябрѣ 1901 г. студентомъ горнаго института, Всеволодомъ Филатовымъ. Послѣдній въ письмѣ этомъ, между прочимъ, говоритъ: «Въ Парижѣ, благодаря прежнимъ связямъ, я вошелъ въ «группу освобожденія труда», представителями которой служатъ Плехановъ, Засуличъ, Аксельродъ, а литературные органы—«Искра» и «Заря»; эти редакціи особенно стремятся распространять литературу, а съ другой стороны мнѣ извѣстно, что въ институтѣ желаютъ имѣть нелегальную библіотеку; ваше дѣло доставить чистый адресъ и деньги, а уже тутъ позаботятся о переправкѣ.....» Эксперты признали, что многія изъ найденныхъ у Васютинскаго прокламацій писаны его почеркомъ, а затѣмъ обнаружено, что упомянутое письмо (отъ 30 января 1902 г.) получено Васютинскимъ черезъ Марію Золотареву отъ подруги ея Лидіи Комендантовой, находившейся въ Парижѣ. Въ письмѣ этомъ Комендантова сообщаетъ о Филатовѣ слѣдующее: «Онъ существуетъ здѣсь подъ другой фамиліей, такъ какъ открыто выступилъ въ нелегальной работѣ....»

Послѣ обыска у Васютинскаго, въ квартиру послѣдняго явился братъ Лидіи Комендантовой, Леонидъ Комендантовъ, у котораго оказались замѣтки и стихи противоправительственнаго характера, такъ называемая «гизовская трафаретка» для конспиративной переписки и нѣсколько писемъ. Въ квартирѣ Комендантова найдены революціонныя воззванія, изданныя «Союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и «Партіей соціалистовъ-революціонеровъ», а также разная переписка. Изъ корреспонденціи, взятой у Леонида Комендантова, заслуживаютъ вниманія письма сестры его Лидіи, изъ коихъ видно, что она примкнула къ существующимъ заграницею русскимъ кружкамъ «соціалъ-демократовъ» и «соціалистовъ-революціонеровъ» и, войдя въ сношенія съ лицами, проживавшими въ Россіи, получала отъ нихъ корреспонденціи для газеты «Искра», журналовъ «Заря», «Вѣстникъ русской революціи» и другихъ. Изъ такихъ корреспондентовъ обнаружены—Леонидъ Комендантовъ и студентъ с.-петербургскаго университета, Алексѣй Золотаревъ. Въ одномъ изъ писемъ Лидіи Комендантовой, между прочимъ, говорится: «Съ прошлаго года вышло снова убѣжденіе, которое въ настоящее время все растетъ, что необходима пропаганда во всѣхъ слояхъ общества, а иначе долго придется ждать свободы, добытой силой только пролетаріата»... «Во всѣхъ изданіяхъ с.-рев. много горячей увѣренности въ близости побѣды, въ растущемъ не по днямъ, а по часамъ народномъ сознаніи о необходимости политической свободы, и, если вѣрить этому, такъ значитъ и на самомъ дѣлѣ—въ рудникахъ подъ землею, за станкомъ и на полѣ, вездѣ раздаются ужъ пѣсни о волѣ».

Кромѣ писемъ Лидіи Комендантовой, у ея брата Леонида отобрано письмо на имя «Бернарда Эрнестовича», въ которомъ сообщается о движеніи среди рабочихъ и студентовъ; нѣкоторыя слова въ этомъ письмѣ умышленно замазаны чернилами. Разслѣдова-

ніемъ установлено, что письмо это написано проживавшею въ Екатеринославѣ дворянкою Валентиною Журавскою мировому судьѣ С.-Петербурга, Бернарду Кетрицу. Въ квартирѣ послѣдняго найдены два свертка съ большимъ количествомъ нелегальной литературы и разныхъ воззваній *), причемъ большинство ихъ — въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Эти два свертка принесла къ Кетрицу дочь генералъ-лейтенанта, Наталья Мельницкая; а затѣмъ въ книжномъ шкафу и письменномъ столѣ Кетрица обнаружено нѣсколько нелегальныхъ изданій и рукописей, принадлежащихъ самому хозяину. Въ квартирѣ Мельницкой оказались воззванія, тождественныя съ найденными въ упомянутыхъ свертках.

Дознаніемъ выяснено, что Васютинскій былъ посвященъ въ нелегальную дѣятельность Лидіи Комендантовой и Филатова, и поддерживалъ съ ними сношенія въ цѣляхъ революціонной пропаганды, имѣя у себя большое количество запрещенной литературы, исключительно для ея распространенія. Кетрицъ также находился въ общеніи съ лицами, занимающимися противоправительственной агитаціей, и передалъ Комендантову письмо о происходившей въ г. Екатеринославѣ уличной демонстраціи.

Кромѣ поименованныхъ лицъ, къ дознанію привлечены Владимиръ Бенешевичъ и Павелъ Климовскій, у которыхъ найдены разныя подпольныя изданія.

5-го ноября 1892 г., на станціи «Бѣлоостровъ» Финляндской желѣзной дороги, были задержаны городской учитель Иванъ Скаличевъ, дочь купца Марія Неберо и дочь чиновника Евфросинія Грекова, при попыткѣ ихъ провезти черезъ границу большой транспортъ новѣйшей нелегальной литературы, всего въ количествѣ 811 экземпляровъ **). Затѣмъ, между печатными брошюрами оказались конспиративныя письма и рукописи преступнаго содержанія.

Дознаніемъ выяснено, что названныя лица, дѣйствуя въ цѣляхъ «Партіи соціалистовъ-революціонеровъ», приняли на себя доставленіе изъ Финляндіи въ С.-Петербургъ транспорта изданій упомянутаго сообщества.

Отъ всякихъ объясненій по дѣлу обвиняемые отказались.

Въ апрѣлѣ 1902 г., въ г. Кронштадтѣ, машинистъ 19 флотскаго экипажа, Василій Севастьяновъ представилъ по начальству рукописную пѣсню революціоннаго содержанія, подъ заглавіемъ «Марсельеза», которую онъ отобралъ у содержавшагося вмѣстѣ съ нимъ въ карцерѣ матроса Александра Пинегина.

---

*) Какъ напримѣръ: „Ко всѣмъ“, за подписью „Старые радикалы“, «Офицерская памятка», „Статья по поводу убійства короля Гумберта“, „Къ рабочимъ“, «8 февраля 1902 г.», «Письмо къ либераламъ» и др.

**) Въ числѣ ихъ брошюры: „Записки революціонера“, Кропоткина, „Ко всему русскому крестьянству отъ крестьянскаго союза партіи соціалистовъ-революціонеровъ“, „Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго соціализма въ Россіи“, „Крестьянскіе союзы въ Сициліи“, „Подъ солнцемъ Юга“, „Подпольная Россія“, „Царское правительство и рабочій народъ“, „Что дѣлать?“, „Вѣстникъ русской революціи“, „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“, „Горе русскаго пахаря“, „Политика и офицеры“ и другія; затѣмъ найдено до ста номеровъ газеты „Революціонная Россія“.

Гос. Истор. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 466878
— 193 г.

Дознаніемъ установлено, что 2-го апрѣля 1902 г. въ общій карцеръ 7 и 19 флотскихъ экипажей, въ которомъ уже находилось 12 нижнихъ чиновъ, были заключены названные Пинегинъ и Севастьяновъ, а также матросы Степанъ Каменевъ и Василій Санниковъ. Вскорѣ Пинегинъ и Каменевъ, имѣвшіе при себѣ упомянутую пѣсню, стали передавать ее другимъ находившимся въ карцерѣ нижнимъ чинамъ, причемъ матросамъ Федору Лайвѣ, Михаилу Богданову и Федору Кузьмину пѣсня очень понравилась, и они переписали ее, каждый въ двухъ экземплярахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пинегинъ, Каменевъ, Лайва, Богдановъ, Кузьминъ и кочегаръ 19 флотскаго экипажа, Христоферъ Мельбартъ неоднократно пѣли въ карцерѣ «Марсельезу» хоромъ. Кромѣ того, Пинегинъ разъяснялъ всѣмъ арестованнымъ смыслъ пѣсни и говорилъ, что въ Россіи трудящійся классъ населенія крайне угнетенъ; что Государь обложилъ народъ непосильными налогами и незаконно установилъ всеобщую воинскую повинность, и что вслѣдствіе этого войскамъ «слѣдуетъ взбунтоваться». Разговорамъ этимъ особенно сочувствовали Мельбартъ и Каменевъ, выражая увѣренность, что въ Россіи образъ правленія скоро измѣнится, и будетъ учреждена республика. Для достиженія такой цѣли, матросы, по ихъ мнѣнію, должны «перестрѣлять все начальство» и «идти на врага—Государя и Правительство—съ оружіемъ». Затѣмъ, Мельбартъ, Пинегинъ и Каменевъ обсуждали разные способы противоправительственной пропаганды и въ сухопутныхъ войскахъ.

Несмотря на аресты представителей «СПБ. Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса *)», группа эта пополнялась новыми членами, продолжая свою дѣятельность во второй половинѣ 1901 г. и въ 1902 году. При задержаніи 8 февраля и 3 марта 1902 г. нѣкоторыхъ дѣятелей «Союза», одинъ изъ главныхъ его представителей, сынъ чиновника, Николай Медвѣдковъ, былъ оставленъ на свободѣ въ розыскныхъ цѣляхъ. Въ началѣ апрѣля онъ поселился въ Смоленскѣ, но вскорѣ выѣхалъ въ Петербургъ и вернулся 19 мая, оставивъ въ багажѣ привезенный съ собою чемоданъ.

20 мая по обыску у Медвѣдкова найдены разныя революціонныя изданія и гектографъ со всѣми его принадлежностями, причемъ до входа чиновъ полиціи Медвѣдковъ, повидимому, успѣлъ сжечь какія-то бумаги. Въ упомянутомъ чемоданѣ оказалось до 400 брошюръ, газетъ и листковъ революціоннаго содержанія **)—многіе въ нѣсколькихъ экземплярахъ—и полный приборъ для мимеографированія. Во время препровожденія Медвѣдкова въ Петербургъ, онъ старался внушить сопровождавшему его жандармскому унтеръ-офицеру соціалистическія идеи и необходимость борьбы съ правительствомъ посредствомъ террористическихъ пріемовъ.

Формальное разслѣдованіе лишь отчасти подтвердило имѣвшіяся ранѣе свѣдѣнія объ участіи въ «Союзѣ борьбы» лицъ, при-

*) Обз. XXV, стр. 15, 16, 19, 20, 23, 24, 39—44.

**) „Кто чѣмъ живетъ“, „Чему учитъ Никольская стачка“, „Царская казна“, „Обуховцы“, „Рабочее движеніе въ Харьковѣ“, «Царскій опричникъ», „Рабочее дѣло“, „Рабочая мысль“, „Южный рабочій“, „Искра“ и др.

влеченныхъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ. Тѣмъ не менѣе, выяснено, что химикъ Павелъ Смиттенъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей этого сообщества и, въ видахъ конспираціи, назывался въ нелегальной средѣ «Семеномъ Семеновичемъ». Руководя агитаціей въ фабричномъ населеніи, онъ собиралъ деньги изъ кружковыхъ кассъ въ «центральную» и предлагалъ на обсужденіе «раіонныхъ» представителей сообщества о сліяніи «Союза» съ организаціей «Искра». Студентъ-технологъ Борисъ Смирновъ былъ тоже виднымъ дѣятелемъ «Союза», что подтверждается какъ показаніями свидѣтелей о сношеніяхъ его съ рабочими, такъ и найденнымъ у него собственноручнымъ его конспектомъ рѣчи агитаціоннаго характера.

Дворянка Ольга Звягина *) и курсистка Екатерина Шиловцева, Таисія Вѣтвинова и Ольга Леонтовичъ были неоднократно замѣчены въ сношеніяхъ съ рабочими, а студентъ Спб. университета Анатолій Циммерманъ, называясь «Прокофіемъ Николаевичемъ», являлся въ трактиръ для свиданія съ фабричными, причемъ былъ одѣтъ въ статское платье.

Мѣщанинъ Михаилъ Васильевъ оказывалъ услуги Медвѣдеву въ его конспиративныхъ сношеніяхъ, что доказывается шифрованнымъ письмомъ послѣдняго, найденнымъ у Васильева и оставшимся не вполнѣ разобраннымъ.

Относительно участія рабочихъ въ дѣятельности означеннаго сообщества выяснено, что Михаилъ Калининъ былъ на Бердовскомъ и Обуховскомъ заводахъ представителемъ рабочихъ кружковъ, входившихъ въ составъ «Союза борьбы», завѣдывалъ кассой этой группы, поддерживалъ непосредственныя сношенія съ главарями сообщества и, въ видахъ агитаціи, устраивалъ ихъ связи съ фабричными. Алексѣй Павловъ, Михаилъ Соломянко, Игнатій Красовскій, Никита Борзиковъ и Иванъ Карчевскій, проживая на одной квартирѣ, постоянно принимали у себя интеллигентныхъ лицъ, причемъ послѣднія иногда переодѣвались въ платье рабочихъ. Михаилъ Затонскій и Михаилъ Эндриксонъ поддерживали сношенія съ упомянутымъ студентомъ Борисомъ Смирновымъ, а Эндриксонъ, сверхъ того, занимался подстрекательствомъ рабочихъ къ предъявленію хозяевамъ различныхъ требованій.

Что касается обвиняемыхъ Лидіи Бархатовой, Наталіи Архангельской, Панкратія Задорожнаго, Василія Панова и Михаила Виноградова, то принадлежность ихъ къ «Союзу борьбы» дознаніемъ не установлена; но всѣ они хранили у себя различныя преступныя сочиненія, которыхъ у Бархатовой оказалось 248 экземпляровъ.

Всѣ названные обвиняемые при допросахъ дали уклончивыя показанія, а Звягина отказалась отъ всякихъ объясненій.

Виновность остальныхъ привлеченныхъ къ дознанію, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, осталась недоказанною.

---

*) Звягина привлекалась въ 1898 и 1899 гг. къ двумъ дознаніямъ въ Петербургѣ.

Въ февралѣ 1902 года по рукамъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга стали ходить мимеографированные подпольные листки, за подписью образовавшейся въ Спб. университетѣ тайной группы, подъ названіемъ «Кассы радикаловъ». Изъ программы этой организаціи, какъ равно и изъ выпущенныхъ ею листковъ, видно, что она сформировалась въ концѣ января 1902 г., поставивъ своей задачей поддерживать возникшее въ послѣдніе годы среди учащейся молодежи противоправительственное движеніе.

При обыскѣ заподозрѣнныхъ лицъ, у большинства оказалось значительное количество разныхъ преступныхъ изданій, а у Соломона Копельмана найдено 1736 мимеографированныхъ воззваній «Кассы радикаловъ» «Къ обществу» и болѣе 1200 печатныхъ революціонныхъ брошюръ заграничнаго изданія.

Дознаніе вполнѣ подтвердило вышеупомянутую цѣль названнаго сообщества, которое, помимо воздѣйствія на учащуюся молодежь, стремилось убѣдить и другіе слои общества въ необходимости изверженія существующаго въ Россіи государственнаго строя.

Изъ состава «Кассы радикаловъ» дознаніемъ обнаружены студенты: Николай Бахметьевъ, Иванъ Ляховецкій, Викторъ Сибиряковъ и Филиппъ Лебедевъ. Принимая дѣятельное участіе въ изданіи подпольныхъ произведеній, Бахметьевъ передавалъ Ляховецкому рукописи воззваній, далъ ему пишущую машину и деньги на бумагу, а затѣмъ Ляховецкій, Сибиряковъ и Лебедевъ воспроизводили отпечатанное на мимеографѣ, которымъ воззванія и размножались. Особую энергію въ этомъ дѣлѣ проявилъ Ляховецкій, изготовивъ въ Петербургѣ и селѣ Клопицы, Петергофскаго уѣзда, нѣсколько тысячъ оттисковъ прокламацій. Кромѣ того, Ляховецкій отпечаталъ указаннымъ способомъ огромное количество воззваній къ народнымъ учителямъ, переданное ему въ рукописи почетнымъ гражданиномъ Петромъ Храмовымъ; часть такихъ листковъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими революціонными брошюрами, Ляховецкій передалъ народному учителю Федору Степухину.

Названный Храмовъ *), а также Прасковья и Михаилъ Кузнецовы, зная о принадлежности Ляховецкаго къ «Кассѣ радикаловъ», помогали ему въ с. Клопицы печатать листки отъ имени этого сообщества. Сверхъ того, Храмовъ предоставилъ Ляховецкому для означенной работы свою квартиру и далъ нѣсколько запрещенныхъ сочиненій Степухину.

Бывшій студентъ Горнаго института Борисъ Сажинъ**), будучи посвященъ въ преступную дѣятельность упомянутаго Сибирякова, помогалъ ему въ устройствѣ мимеографа и передалъ ему три подпольныя брошюры.

Дочь капитана Варвара Лаврова послала по почтѣ учителю Чутову экземпляръ воззванія къ народнымъ учителямъ, и однажды въ Губаницкой школѣ, Петергофскаго уѣзда, стала выска-

*) Храмовъ привлекался въ 1881 г. къ дознанію въ Петербургѣ.

**) Сажинъ принималъ участіе въ демонстраціи 3 марта 1902 г. въ Петербургѣ.

зывать своимъ ученикамъ рѣзкія противоправительственныя сужденія.

Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, къ дознанію были привлечены Евгенія и Глафира Курзины, хранившія у себя большое количество женевскихъ изданій и газеты «Искра».

Въ концѣ того же февраля получены были указанія на то, что проживавшія въ С.-Петербургѣ дочь статскаго совѣтника Александра Пріѣзжева и почетный гражданинъ Борисъ Бартольдъ занимаются изданіемъ и распространеніемъ нелегальной литературы. Въ виду этого, какъ они, такъ и находившаяся съ Пріѣзжевою въ безпрерывныхъ сношеніяхъ Лея Крепсъ были подвергнуты обыскамъ, вмѣстѣ съ оказавшимися въ квартирѣ послѣдней студентами Спб. университета Іосифомъ Кобецкимъ и Николаемъ Барсуковымъ.

У Пріѣзжевой найдено: 1) два гектографа съ имѣющимися на массѣ одного изъ нихъ, исполненными отъ руки печатными буквами, прокламаціи подпольнаго «Крас аго креста»; 2) 84 оттиска этого воззванія; 3) приготовленные для гектографа оригиналы воззваній отъ имени «Кассы радикаловъ» «Къ обществу» и «Ко всѣмъ», написанные отъ руки печатными буквами, и 252 оттиска съ нихъ; 4) 8 подлинныхъ статей и стихотвореній преступнаго содержанія, писанныхъ рукой Пріѣзжевой; 5) копіи двухъ прокламацій «Кассы радикаловъ», 6) 24 мимеографныхъ экземпляра прокламацій 14 наименованій, и множество переписанныхъ статей и стихотвореній революціоннаго характера.

У Крепсъ, Кобецкаго и Барсукова также оказались разныя нелегальныя сочиненія и прокамаціи, въ большинствѣ тождественныя съ найденными у Пріѣзжевой.

Въ квартирѣ Бартольда а также въ его столѣ въ помѣщеніи Правленія Русскаго Общества пароходства и торговли обнаружено: 1) большое количество принадлежностей для гектографа и мимеографированія; 2) два листа тонкой бумаги съ отпечатаннымъ пишущей машиной воззваніемъ «Московскаго исполнительнаго комитета объединенныхъ землячествъ и организацій»; 3) 87 листовъ, на которыхъ воспроизведены прокламаціи «Письмо къ рабочимъ», «Къ обществу» и другія; 4) 307 гектографированныхъ прокламацій 45-ти наименованій, изданныхъ большею частью соціалъ-демократическою организаціею «Дѣло»; 5) нѣсколько экземпляровъ газеты и другихъ изданій «Искры»; 6) печатныя воззванія «Спб. Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», а затѣмъ—большое число рукописей, статей и замѣтокъ, указывающихъ на обширную нелегальную дѣятельность Бартольда. Въ квартирѣ послѣдняго оказался студентъ Сергѣй Богдановъ, у котораго найдено нѣсколько прокламацій, тождественныхъ съ оказавшимися у Бартольда.

При обыскѣ находившагося въ сношеніяхъ съ Бартольдомъ почетнаго гражданина Анатолія Дюбуа обнаружено много революціонныхъ брошюръ и воззваній, а также замѣтокъ конспиративнаго характера.

Послѣдующее дознаніе выяснило, что во второй половинѣ 1901 и въ началѣ 1902 г. въ Петербургѣ существовало два тай-

ныхъ сообщества, называвшихся «Группою сочувствующихъ» и соціалъ-демократическою организаціею «Дѣло». Намѣтивъ развитіе въ обществѣ противоправительственнаго движенія, оба названные кружка агитировали посредствомъ изданія и распространенія преступной литературы. Въ сформированіи «Группы сочувствующихъ» непосредственно участвовала Пріѣзжева, занимавшаяся составленіемъ и гектографированіемъ разныхъ нелегальныхъ произведеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ она бывала на тайныхъ собраніяхъ членовъ названной группы и доставляла на эти сходки революціонныя сочиненія, а весною 1901 г. водворила изъ-за границы въ Россію большой транспортъ подпольныхъ изданій. Будучи, по собственному признанію, сторонницею террористическихъ пріемовъ въ борьбѣ съ правительствомъ, Пріѣзжева вносила крайнія тенденціи въ составляемыя ею статьи и прокламаціи. Кобецкій, Барсуковъ и Кренсъ оказывали содѣйствіе «Группѣ» какъ въ дѣлѣ изданія ея произведеній, такъ и въ широкомъ ихъ распространеніи.

Бартольдъ былъ выдающимся дѣятелемъ организаціи «Дѣло», принимая на себя изготовленія изданій и для другихъ сообществъ. Въ качествѣ члена «Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ», онъ дѣлалъ въ его пользу сборы и, повидимому, издавалъ отчеты о его дѣятельности.

Независимо отъ вышеизложеннаго, при дознаніи получены указанія, что нѣкто Зигмундъ Бидель нѣсколько лѣтъ тому назадъ работалъ въ одной изъ русскихъ революціонныхъ типографій, за границей, а въ послѣдніе два-три года посвятилъ себя исключительно водворенію въ Россіи нелегальной литературы; транспорты ея онъ ежегодно, весною и осенью, доставлялъ въ г. Витебскъ, откуда развозилъ и разсылалъ изданія по другимъ городамъ Имперіи. Кромѣ Биделя, водвореніемъ запрещенныхъ изданій въ Россію занимался его знакомый студентъ женевскаго университета Бородкинъ.

Бартольдъ отъ всякихъ объясненій по дѣлу отказался, остальные обвиняемые дали уклончивыя показанія, а Бидель и Бородкинъ, за нахожденіемъ за границею, не допрошены.

Въ концѣ февраля 1902 г. «С.-Петербургскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и другія революціонныя организаціи выпустили прокламаціи, приглашавшія населеніе столицы собраться 3-го марта въ полдень на Невскомъ проспектѣ и открыто заявить требованія «политической свободы», ограниченія самодержавія и другія.

Дѣйствительно, въ указанный день, между Большою Конюшенною и Садовою улицами, съ 11-ти часовъ утра стали собираться кучки воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній и, повидимому, рабочихъ. Къ 12 часамъ толпа заняла все пространство между троттуарами, вслѣдствіе чего движеніе экипажей и трамваевъ прекратилось. Въ то же время изъ группъ молодежи раздавались крики «долой самодержавіе», «да здравствуетъ политическая свобода», и надъ толпой было поднято нѣсколько красныхъ флаговъ съ преступными надписями, которые, однако, тотчасъ же были отобраны чинами полиціи. Изъ числа лицъ, державшихъ флаги, удалось

задержать студентовъ: С.-Петербургскаго университета Александра Ракова, Бориса Неудачина и Дмитрія Сверчкова; Горнаго института—Владислава Дзержановскаго; Института гражданскихъ инженеровъ—Бориса Вендерова и рабочихъ Ивана Машистова и Венедикта Арцишевскаго. Принятыми вслѣдъ затѣмъ мѣрами манифестанты были разсѣяны и порядокъ на улицахъ возстановленъ.

При дознаніи цѣлымъ рядомъ показаній свидѣтелей очевидцевъ вполнѣ установлено, что названныя лица принимали выдающееся участіе въ означенной демонстраціи, причемъ Вендеровъ, обращаясь къ задержавшимъ его людямъ, между прочимъ, сказалъ: «не все ли вамъ равно—будетъ ли у васъ президентъ или государь?» и «хотя мы бунтуемъ и вы насъ забрали, но потомъ сами будете насъ благодарить».

Зимою 1902 г. изъ Петербурга въ Москву пріѣзжалъ студентъ Спб. университета Никита Концевичъ и видѣлся тамъ съ нѣсколькими представителями «Московскаго соціалъ-демократическаго комитета». Вслѣдствіе этого онъ и проживавшій съ нимъ студентъ того же университета Викторъ Задлеръ были подвергнуты обыску, причемъ у Концевича оказался листъ бумаги съ слѣдующимъ печатнымъ заголовкомъ: «Приступая къ организаціи внутри Россіи нелегальной типографіи, мы обращаемся ко всѣмъ сочувствующимъ нашему дѣлу за самою широкою матеріальною помощью. Отчетъ о всѣхъ пожертвованіяхъ будетъ помѣщенъ при выпускѣ первыхъ изданій». «Издательская группа Рабочій». Кромѣ того, у Концевича найдено наставленіе для поддѣлки паспортовъ. Въ комнатѣ Задлера оказались части типографскаго станка, болѣе 10 фунтовъ гектографной массы и написанное печатными буквами воззваніе, подъ заглавіемъ «Законы о рабочихъ».

Весною 1903 г., когда Концевичъ уже содержался подъ стражею, въ Петербургѣ было замѣчено массовое распространеніе печатныхъ воззваній къ рабочимъ, подъ заглавіемъ «Листки соціалъ-демократической революціонной группы Рабочій», съ оттисками печати «Комитета рабочей организаціи С.-Петербургскаго Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Вслѣдъ затѣмъ были получены указанія, что приведенная выше мысль объ устройствѣ въ Петербургѣ тайной типографіи была осуществлена въ февралѣ 1903 г. и что типографія находится въ квартирѣ аптекарскаго помощника Георгія Карпенко. Разслѣдованіемъ выяснено, что у послѣдняго, кромѣ его жены Анны Карпенко, проживали мѣщанинъ Александръ Мунгаловъ и, въ качествѣ служанки, Евдокія Орлова.

При обыскѣ 24 марта 1903 года въ комнатѣ Мунгалова дѣйствительно оказалась типографія, въ изобиліи снабженная всѣмъ необходимымъ для печатанія небольшихъ брошюръ. Около внутренней стѣны помѣщался типографскій станокъ, на которомъ лежалъ укрѣпленный въ рамѣ наборъ № 5 «Листка рабочаго», представляющаго собою воззваніе къ рабочимъ о ниспроверженіи существующаго въ Россіи самодержавнаго образа правленія. Тутъ же находились 670 экземпляровъ этого «Листка», большое количество другихъ преступныхъ изданій, 8 стопъ чистой бумаги и студенческій

сюртукъ, въ карманѣ котораго было письмо на имя упомянутаго Виктора Задлера. У супруговъ Карпенко найдены разныя брошюры, воззванія и рукописи преступнаго содержанія.

Дознаніемъ обнаружено, что въ концѣ 1902 года въ Петербургѣ образовалось тайное сообщество, назвавшееся «Соціалъ-демократическою революціонною группою Рабочій» и поставившее своею ближайшею цѣлью устройство въ Петербургѣ типографіи для надобностей «Спб. Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Къ означенной группѣ «Рабочій» принадлежали студенты Спб. университета: Леонидъ Баратынскій, Владиміръ Погодицкій, Андрей Ельницкій, Сергѣй Ососковъ и упомянутые Концевичъ, Задлеръ, Мунгаловъ, Георгій и Анна Корпенко и Орлова; изъ нихъ Баратынскій и Мунгаловъ были главными руководителями сообщества: при содѣйствіи Погодицкаго и супруговъ Карпенко, они весной 1903 года устроили въ конспиративной квартирѣ послѣднихъ тайную типографію, въ которой Мунгаловъ напечаталъ огромное количество прокламацій, озаглавленныхъ «Листки рабочаго», распространенныхъ засимъ въ фабричной средѣ столицы. Для цѣлей «Группы» Баратынскій помѣстилъ у Карпенко въ качествѣ прислуги упомянутую Орлову, посвященную во всѣ замыслы партіи и принимавшую участіе въ пріобрѣтеніи необходимыхъ для типографіи матеріаловъ.

Концевичъ собиралъ по подписному листу пожертвованія на устройство группою «Рабочій» типографіи, велъ переговоры съ членами «Московскаго соціалъ-демократическаго комитета» и намѣренъ былъ заняться фабрикаціей подложныхъ паспортовъ. Ельницкій и Ососковъ, поддерживая близкія сношенія съ Баратынскимъ, занимались устною пропагандою среди рабочихъ; особую энергію проявлялъ Ельницкій, произнося на собраніяхъ рабочихъ возмутительныя рѣчи и подстрекая ихъ къ уличной демонстраціи, задуманной «Группою студентовъ соціалъ-демократовъ». Къ числу выдающихся агитаторовъ относился и студентъ Спб. университета Казиміръ Чапинскій, у котораго, между прочимъ, оказались собственноручно имъ зашифрованные адреса нѣкоторыхъ интеллигентовъ, причастныхъ къ революціонному движенію.

Затѣмъ, у обвиняемыхъ Николая Хохлова, Василія Макарова, Ивана Желудкова, Евгеніи и Лидіи Косовыхъ, Іоанна Джапаридзе, Герасима Махарадзе, Зельмана Ясвонскаго и Евгенія Карпенко обнаружены разныя революціонныя изданія и рукописи преступнаго содержанія, причемъ особенно много ихъ найдено у Джапаридзе и Махарадзе. Изъ числа рабочихъ, посѣщавшихъ сходки, организованныя Ельницкимъ, выяснены Матвѣй Піусъ и Алексѣй Клепиковъ; прикосновенность же къ упомянутому сообществу остальныхъ привлеченныхъ къ дознанію, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, разслѣдованіемъ не выяснена.

Въ августѣ 1902 г. были получены указанія, что въ г. Пензѣ у присяжнаго повѣреннаго Бориса Тарасова устроена тайная типографія. При обыскѣ его квартиры обнаружены всѣ принадлежности для печатанія, а также бывшій въ употребленіи готовый на-

боръ нѣсколькихъ страницъ брошюры «О податяхъ и налогахъ» *), драмы «Ткачи» и журнала «Жизнь», издаваемаго въ Лондонѣ. Въ квартирѣ Тарасова оказалась дворянка Ольга Красильникова.

При дальнѣйшемъ осмотрѣ означеннаго помѣщенія найдено много нелегальныхъ сочиненій и воззваній, изданныхъ революціонными сообществами разныхъ направленій.

Разслѣдованіемъ выяснено, что въ означенной типографіи, кромѣ Тарасова и Красильникова, работалъ и Рафаэль Цурвизовъ, онъ-же Цурвизьянцъ, проживавшій въ Пензѣ съ февраля 1902 г. подъ именемъ канцелярскаго служителя Александра Германова. Цурвизовъ, по ремеслу наборщикъ, въ январѣ 1902 г., самовольно выѣхалъ изъ Тамбова, гдѣ онъ состоялъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, и, пріобрѣтя паспортъ на имя Германова, сдѣлалъ на немъ подложную надпись объ увольненіи его въ отставку. Принадлежности типографскаго станка были по частямъ заказаны Цурвизовымъ**) разнымъ столярамъ, источникъ же полученія шрифта остался не обнаруженнымъ.

Послѣдующимъ дознаніемъ установлена принадлежность названныхъ обвиняемыхъ къ какому-либо организованному сообществу. По объясненію Тарасова и Красильниковой, они не придерживались опредѣленной революціонной программы и, печатая означенныя произведенія, удовлетворяли этимъ «свою потребность высказаться», въ виду б зпомощнаго положенія народныхъ массъ и рабочихъ. Отъ ближайшихъ объясненій своей дѣятельности они, однако же, отказались, какъ равно далъ уклончивыя показанія и Цурвизовъ.

Въ октябрѣ 1902 г. въ С.-Петербургѣ стали распространяться гектографированныя изданія отъ имени подпольнаго кружка, присвоившаго себѣ названіе «Впередъ»; произведенія эти были озаглавлены: «Письмо къ соллату», «Основныя положенія программы соціалистовъ-революціонеровъ», «Ко всему русскому народу» и т. д. Одновременно было задержано 11 конвертовъ съ листками названнаго сообщества, адрессованные въ разные города, причемъ въ одномъ изъ нихъ, направленномъ въ Москву Евгенію Сомову, заключалось наставленіе о способахъ гектографированія. Наставленіе это было написано тѣмъ же почеркомъ, какъ и нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ изданій.

Возбужденнымъ дознаніемъ установлено, что Валентина и Нина Сомовы, а также Клавдія Бороздина, вмѣстѣ съ лицами, разслѣдованіемъ не обнаруженными, составили во второй половинѣ 1902 г. въ Петербургѣ тайный кружокъ «Впередъ», для содѣйствія преступной агитаціи распространіемъ нтиправительственныхъ сочиненій. Съ этой цѣлью члены кружка перепечатывали на гектографѣ разныя революціонныя произведенія, которыя и распространяли затѣмъ въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Алексѣй Борозз-

*) Брошюра эта была ранѣе издана „Партіей соціалистовъ-революціонеровъ".

**) Цурвизовъ въ 1899 г. привлекался къ дознанію въ Новочеркасскѣ и въ 1901 г.—въ Саратовѣ.

динъ, хотя и не принималъ непосредственнаго участія въ издательской дѣятельности названнаго кружка, но, получая отъ своей дочери, обвиняемой Клавдіи Бороздиной, воспроизведенныя нелегальныя произведенія, передавалъ ихъ для дальнѣйшаго распространенія рабочимъ Ивану Іоанниди и Константину Коротченко, причемъ внушалъ имъ соціалистическія идеи. У Клавдіи Тиминцевой найдено при обыскѣ нѣсколько запрещенныхъ изданій, но въ дѣлѣ нѣтъ указанія на ихъ распространеніе.

Принадлежность обвиняемаго Евгенія Сомова къ кружку «Впередъ» дознаніемъ не установлена, какъ не доказано и то, что полученныя имъ по почтѣ нѣкоторыя изданія кружка присылались ему съ его вѣдома.

Произведенные въ концѣ 1901 г. въ Петербургѣ и Вильнѣ аресты главныхъ представителей русской группы сообщества «Искра» на нѣкоторое время прекратили ея дѣятельность *). Въ февралѣ же 1902 г. были получены достовѣрныя указанія на то, что оставшіеся на свободѣ члены упомянутой организаціи вновь сгруппировались, поставивъ своей цѣлью широкую и энергичную агитацію. Продолжительнымъ наблюденіемъ свѣдѣнія эти вполнѣ подтвердились, и въ началѣ ноября 1902 г. у намѣченныхъ лицъ были сдѣланы обыски, причемъ обнаружено:

1) У Ивана Радченко, назвавшагося при задержаніи его на вокзалѣ въ г. Псковѣ Алексѣемъ Маторинымъ: а) паспортъ на имя послѣдняго, съ большимъ числомъ различныхъ явочныхъ отмѣтокъ; б) написанный рукою Радченко проектъ организаціи группы для транспортированія революціонной литературы; в) шифрованное письмо на имя Антона Этлинга; г) заклеенный конвертъ безъ адреса, съ конспиративнымъ письмомъ на еврейскомъ языкѣ отъ имени «Цивке»; д) написанная химическими чернилами записка на имя «Бавеля», съ просьбою оказать содѣйствіе «нелегальному человѣку, чтобы повидать Давида для улаженія извѣстныхъ дѣлъ» и е) желѣзнодорожный билетъ на проѣздъ отъ Пскова до Кіева; 2) у Пантелеймона Лепешинскаго—писанный его рукой конспектъ программы съѣзда революціонныхъ группъ, отчетъ о принятыхъ этимъ съѣздомъ рѣшеніяхъ и телеграмма изъ Кіева о «необходимости присутствія Янушки»; 3) у Нафтолія Шнеерсона, при задержаніи его въ Кіевѣ: а) двѣ рукописи для газеты «Искра», начинающіяся словами: «пишетъ Конрадъ»; б) два письма конспиративнаго содержанія, одно—«Этлингу» отъ «Эд. Краузе», въ которомъ послѣдній проситъ, какъ можно скорѣе, выслать товаръ г. Василевскому, предупреждая, что если Василевскій останется доволенъ, то будетъ «постояннымъ покупателемъ»; во второмъ письмѣ авторъ—женщина сообщаетъ, что «Гос. В. уже объявилъ о своей фирмѣ очень дѣльно, и на будущее время у него очень широкіе планы, которые онъ, вѣроятно, осуществитъ, такъ какъ работаетъ безъ устали. Старые друзья наши перешли на его сторону, и кромѣ того у него масса связей новыхъ, гдѣ онъ орудуетъ всѣми мѣрами и очень успѣшно...»; в) восемь номеровъ газеты «Искра»;

*) Обз. XXV, стр. 34—39.

4) въ совмѣстной квартирѣ Георгія Калишевича, Николая Конопацкаго и Ивана Поплавскаго въ г. Кіевѣ: а) нѣсколько подпольныхъ брошюръ и революціонныхъ воззваній отъ имени «Кіевскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» и другихъ подобныхъ организацій и б) двѣ шифрованныя записи, значеніе коихъ не выяснено; 5) у фельдшерицы Варвары Штремеръ, урожденной Кожевниковой, задержанной въ зданіи Колмовской, Новгородскаго уѣзда, психіатрической больницы: а) нѣкоторыя части типографскаго станка, 14 фунтовъ новаго шрифта и неоткупоренныя банки типографской краски, и б) бывшія въ частомъ употребленіи клише, съ изображеніемъ цифры «1901» и словъ «Рабочій Листокъ» — органа «Центральной группы союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса»; 6) у Николая Штремера—написанное его рукою письмо отъ лица неизвѣстной женщины, съ обращенною къ «дорогимъ товарищамъ» просьбою организовать правильную присылку «Искры» «непосредственно оттуда»; 7) у Владимира Краснухи — часть сожженнаго зашифрованнаго письма; 8) у Ревекки Вейсблитъ—три чистыхъ паспортныхъ бланка, и 9) у Вѣры Шапошниковой и Людмилы Левитской — разныя революціонныя сочиненія, газеты и прокламаціи, которыхъ особенно много оказалось у послѣдней изъ нихъ.

Дознаніемъ установлено, что въ 1902 г. дѣятельность существовавшаго въ Имперіи сообщества «Искра» была направлена, главнымъ образомъ, къ объединенію его съ другими соціалъ-демократическими организаціями и къ прочной постановкѣ дѣла водворенія изъ-за границы нелегальной литературы. Лѣтомъ означеннаго года произошло сліяніе названнаго сообщества съ «Союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», а осенью—состоялся съѣздъ представителей «Искры» и другихъ соціалъ-демократическихъ группъ, на которомъ собравшіеся делегаты пришли къ соглашенію относительно объединенія всѣхъ упомянутыхъ фракцій въ одну партію, съ принятіемъ для нея общей программы «Искры». Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ разсмотрѣнъ вопросъ объ организаціи правильной доставки въ Россію подпольныхъ изданій, и рѣшено возложить это на особую «транспортировочную группу», которая вскорѣ и была сформирована Иваномъ Радченко. Послѣдній былъ выдающимся дѣятелемъ упомянутаго сообщества и, въ интересахъ конспираціи, назывался «Аркадіемъ» и «Касьяномъ». Онъ поддерживалъ какъ съ проживающими въ Россіи, такъ и съ заграничными своими единомышленниками обширную переписку по дѣламъ партіи, а въ частности—относительно водворенія въ Имперію запрещенныхъ изданій. На вышеупомянутомъ съѣздѣ представителей разныхъ организацій Радченко былъ делегатомъ «Искры» и иниціаторомъ нѣкоторыхъ революціонныхъ предпріятій, обсужденныхъ съѣздомъ. Виднымъ членомъ означеннаго сообщества былъ и Лепешинскій *), также принимавшій живое участіе въ описанномъ съѣздѣ, причемъ, какъ сказано выше, онъ составилъ программу съѣзда и отчетъ объ его рѣшеніяхъ. Названный Шнеерсонъ, зная о принадлежности къ

*) Лепешинскій въ 1895 г. привлекался къ дознанію въ Петербургѣ.

организаціи «Искра» Лепешинскаго, Радченко и необнаруженнаго дознаніемъ лица, именовавшагося вымышленною фамиліей «Маклаева», оказывалъ имъ существенное содѣйствіе въ ихъ преступной дѣятельности. Такъ, по просьбѣ «Маклаева», онъ въ сентябрѣ 1902 г. передалъ полученный имъ отъ послѣдняго пакетъ съ 200 экземплярами газеты «Искра» неизвѣстному человѣку. По порученію того же «Маклаева», Шнеерсонъ неоднократно переписывалъ его шифрованныя письма, адресованныя въ разныя мѣста Россіи и заграницу. Затѣмъ онъ принялъ отъ «Маклаева» на храненіе свертокъ съ революціонными изданіями и рукописями, часть коихъ доставилъ въ г. Псковъ какому-то господину, получивъ отъ него въ свою очередь для передачи «Маклаеву» нѣсколько номеровъ «Журнала для всѣхъ», съ написанными на нихъ при помощи химическихъ чернилъ конспиративными адресами. Въ октябрѣ 1902 г. Шнеерсонъ ѣздилъ въ Орелъ и Курскъ для принятія революціонной литературы отъ «Маклаева», но послѣдняго тамъ не встрѣтилъ. Около того же времени Шнеерсонъ исполнилъ конспиративное порученіе Радченко, отвезя въ Кіевъ какому-то доктору пакетъ, переданный ему, Шнеерсону, Лепешинскимъ.

Далѣе, изъ названныхъ выше лицъ Вѣра Шапошникова служила посредницею, чрезъ которую Радченко и нѣкоторые другіе члены группы «Искра» получали и отсылали свою корреспонденцію, завѣдомо для обвиняемой относившуюся къ дѣятельности этой тайной организаціи. Объясненіе Ревекки Вейсблитъ, будто бы обнаруженные у нея паспортные бланки случайно подняты ею на линіи желѣзной дороги, представляется явно несообразнымъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что бланки эти предназначались для нелегальныхъ цѣлей.

Наконецъ, при дознаніи выяснено, что бывшій студентъ Харьковскаго технологическаго института Вигдоръ Копъ *), состоя подъ особымъ надзоромъ полиціи, скрылся изъ г. Екатеринослава и проживалъ съ подложнымъ паспортомъ на имя Викентія Заблоцкаго.

Прикосновенность къ вышеупомянутому сообществу остальныхъ обвиняемыхъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, дознаніемъ не установлена, по обыскамъ же у нихъ ничего относящагося къ дѣлу не обнаружено.

Г. Москва. Въ концѣ 1901 г.—свѣдѣнія о противоправительственномъ движеніи въ фабричныхъ мѣстностяхъ Владимирской и Ярославской губерній указывали на существованіе тамъ центральной организаціи, направляющей дѣятельность отдѣльныхъ группъ. Ближайшее наблюденіе отмѣтило лицъ, состоявшихъ, повидимому, во главѣ этихъ кружковъ, о коихъ вслѣдъ затѣмъ и было возбуждено дознаніе при московскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи. Установлено, что во второмъ полугодіи 1901 г., послѣ съѣзда соціалъ-демократовъ Ярославской, Владимирской и Костромской губерній, образовался «Сѣверный рабочій союзъ Россійской

*) Копъ привлекался къ дознанію въ Екатеринославѣ.

соціалъ-демократической рабочей партіи» или «Сѣверный рабочій союзъ». Основной цѣлью его было объединеніе революціонной борьбы и руководительство соціалъ-демократическимъ движеніемъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Въ составъ «союза» входили комитеты: Ярославскій, Костромской, Владимирскій, Иваново-Вознесенскій и Воронежскій, а «центральный комитетъ союза» состоялъ изъ представителей мѣстныхъ комитетовъ: Ольги Варенцовой, Евгенія Дюбюкъ, Екатерины Новицкой, Хаима Вайсмана, Михаила Багаева и Николая Панина *).

Дѣятельность «союза» не успѣла за короткое время развернуться, и проявилась лишь установленіемъ связи съ мѣстными комитетами, снабженіемъ ихъ нелегальною литературою, пріобрѣтеніемъ типографскаго станка, а также — сношеніями съ заграничнымъ центромъ партіи «Искры» и ея агентами.

Работа мѣстныхъ комитетовъ выразилась пропагандою среди рабочихъ, сборомъ денегъ для своихъ цѣлей, организаціей рабочихъ кружковъ и гектографированіемъ разныхъ преступныхъ листковъ.

Центромъ всей организаціи былъ Ярославль, гдѣ съ особой энергіей дѣйствовала Новицкая, по компетентнымъ отзывамъ—«женщина опытная, съ большимъ политическимъ прошлымъ и бывавшая заграницей въ конспиративныхъ цѣляхъ». Къ ней являлся изъ Воронежа по революціоннымъ дѣламъ Валеріанъ Рутковскій; у нея же былъ послѣ партійнаго съѣзда въ г. Бѣлостокѣ представитель «Искры» Федоръ Гурвичъ, сначала направленный Ольгою Дидрикиль къ Варенцовой. Послѣдняя, живя въ Ярославлѣ, стояла во главѣ Ярославскаго и центральнаго комитетовъ. У нея обнаруженъ заграничный адресъ редакціи «Искры», она поддерживала сношенія съ Костромой и Иваново-Вознесенскомъ и дала Панину адресъ Николая Богданова, а также Александра и Василія Заваринныхъ, у которыхъ впослѣдствіи найдена въ г. Костромѣ типографія «союза». Съ Иваново-Вознесенскомъ Варенцова сносилась черезъ рабочихъ Василія Новикова и Дмитрія Яшина, привозившаго оттуда нелегальную литературу, причемъ и сама неоднократно бывала въ Иваново-Вознесенскѣ. Въ Ярославлѣ же находился и упомянутый Дюбюкъ, безпрестанно бывавшій у Новицкой и занимавшійся раздачею нелегальныхъ сочиненій, принадлежащихъ «союзу». Къ Ярославской группѣ, кромѣ названныхъ лицъ, принадлежали: Марія Дидрекиль, Александръ Локтинъ, Леонидъ Петровъ, Николай Трегубовъ, Борисъ Трефелевъ, Александръ Доливо Добровольскій, Софья Кувшинская, Григорій Глазуновъ, Василій Моргуновъ и Василій Новиковъ.

Кострома была центромъ пропаганды среди рабочихъ, которою занимались, вмѣстѣ съ Лужанскимъ и Зараховичемъ, Иванъ и Марія Александровы, а также—названные Богдановъ и Вайсманъ. Они образовали большіе рабочіе кружки и въ изобиліи снабжали ихъ революціонными изданіями, которыя расходились затѣмъ въ фабричной средѣ. Въ Костромѣ же помѣщалась типогра-

*) Панинъ привлекался къ дознанію во Владимирѣ.

фія, гдѣ въ качествѣ наборщика работалъ Вайсманъ *). Послѣдній, съ подложнымъ паспортомъ на имя Александра Волоха, мѣсяца полтора жилъ въ Ярославлѣ, гдѣ познакомился съ членами центральнаго комитета «Сѣвернаго рабочаго союза». Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Кострому и жилъ тамъ конспиративно на квартирѣ Семена Колокольцева. Въ это время онъ неоднократно бывалъ въ Ярославлѣ и Иваново-Вознесенскѣ, и поддерживалъ сношенія съ названными Иваномъ Александровымъ, Богдановымъ, братьями Завариными и Маріей Александровой. Помимо упомянутыхъ обвиняемыхъ, къ Костромскому кружку «союза» принадлежали: Софья Загайная, Анна Третьякова, Василій Буяновъ, Василій Лебедевъ, Семенъ Потѣхинъ, Николай Родіоновъ, Дмитрій Катковъ, Константинъ Морозовъ, Василій Петровскій и Василій Галочкинъ.

Дѣятельность «союза» въ г. Владимирѣ, за отсутствіемъ тамъ рабочаго населенія, была направлена исключительно въ среду интеллигенціи, служащей въ земской управѣ. Районный представитель «союза» Багаевъ и окончившій курсъ с.-петербургскаго университета Николай Дубровскій въ короткое время организовали правильный сборъ денегъ, взамѣнъ чего раздавали для чтенія подпольныя изданія. Владимирскій кружокъ устраивалъ вечеринки, на которыхъ велись соотвѣтственныя цѣлямъ «союза» бесѣды, а однажды, Багаевъ прочелъ въ квартирѣ Михаила Тихомирова рефератъ «О роли интеллигенціи въ освободительномъ движеніи рабочаго класса», вызвавшій оживленныя пренія. Во Владимирѣ большого спроса на революціонную литературу не было, вслѣдствіе чего Багаевъ развозилъ ее въ рабочіе центры губерніи. Кромѣ названныхъ лицъ, къ Владимирскому кружку принадлежали: Александръ Панкратовъ, Леонидъ Александровъ, Александръ Черный, Алексѣй Анфиногеновъ, Владиміръ Пригара, Николай Мамадышскій, Андрей Гвоздецкій и Викторъ Анисимовъ.

Связь «союза» съ Иваново-Вознесенскомъ выразилась сношеніями центра съ руководителемъ Иваново-Вознесенскаго комитета Панинымъ, у котораго отобрана программа «союза», посланная ему изъ Ярославля для ознакомленія. Сверхъ того, Панинъ составлялъ, печаталъ и распространялъ прокламаціи и другія изданія комитета.

Дѣятельность Воронежской группы, или такъ называемыхъ «американцевъ», дознаніемъ мало выяснена; тѣмъ не менѣе, есть указанія, что въ интересахъ «союза» она была весьма продуктивна, въ смыслѣ направленія на сѣверъ какъ людей, такъ и подходящей литературы. Въ составъ Воронежской группы, кромѣ упомянутыхъ Рутковскаго и Гурвича, входили: Левъ Карповъ, Дмитрій Кастеркинъ, Алексѣй Любимовъ, Николай Кардашевъ и Николай Талановъ. У послѣдняго найдены по обыску два чемодана съ двойнымъ дномъ, въ которыхъ оказалась революціонная литература въ числѣ 511 экземпляровъ разныхъ изданій, альбомъ съ тайнымъ помѣщеніемъ въ корешкѣ и двѣ каучуковыя печати: «Сѣ-

*) Вайсманъ привлекался къ дознанію въ Одессѣ, какъ выдающійся революціонный дѣятель.

вернаго рабочаго союза Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» и «Костромского комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи».

Изъ поименованныхъ обвиняемыхъ у 11-ти найдены при обыскахъ нелегальныя изданія, рукописи или компрометирующая переписка.

Личный составъ «союза» обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что большинство установленныхъ дознаніемъ его членовъ принадлежитъ къ привиллегированнымъ сословіямъ, и въ числѣ ихъ всего 8 крестьянъ. Затѣмъ, болѣе половины участниковъ получили высшее образованіе и многіе изъ нихъ служили въ земскихъ учрежденіяхъ. Наконецъ, за исключеніемъ четырехъ, всѣ 47 обвиняемыхъ находятся въ зрѣломъ возрастѣ.

Дѣятельность «союза» констатирована весьма тщательно, при дознаніи же почти всѣ обвиняемые отъ всякихъ объясненій по дѣлу отказались.

Въ концѣ того-же 1901 г. были получены свѣдѣнія, что среди рабочихъ московскихъ фабрикъ и заводовъ существуетъ тайный кружокъ, организованный «интеллигентами» въ цѣляхъ противоправительственной агитаціи.

При обыскахъ указанныхъ лицъ, у студента московскаго университета Владимира Алексѣева обнаруженъ значительный складъ нелегальныхъ изданій *), часть которыхъ—въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ. Затѣмъ революціонная литература найдена у дворянина Чеслава Струмилло-Петрашкевича, учительницы Евгеніи Фортунатовой, учителя Семена Апенченко и у рабочихъ: Акима Болотина, Владимира Шендевицкаго, Константина Копылова и Петра Яркова. У студента технического училища Бориса Веселовскаго, кромѣ нѣсколькихъ подпольныхъ брошюръ, оказался гектографированный «Планъ организаціи московской группы Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи (изданіе второе).» Планъ этотъ распредѣляетъ членовъ названной организаціи на три группы, изъ коихъ первую составляютъ кружки «сознательныхъ рабочихъ», вторую — «пропагандисты-руководители» и третью—«комитетъ». На послѣдній возлагалось храненіе «стачечной» и центральной кассъ, пріобрѣтеніе и распространеніе «литературы», сношенія съ соціалъ-демократическими группами въ Россіи и заграницей, издательская дѣятельность, рѣшеніе вопросовъ о демонстраціяхъ и т. п. Обязанностью кружковъ рабочихъ, въ составѣ не болѣе 5-ти человѣкъ, поставлялось собраніе свѣдѣній о настроеніи рабочихъ и распространеніи «литературы».

Дознаніемъ выяснено, что въ 1901 г. группой интеллигентныхъ лицъ было образовано въ Москвѣ сообщество для пропаганды соціалистическихъ идей среди рабочихъ посредствомъ сформированія

*) Брошюры „Десятилѣтіе Морозовской стачки“, „Обвинительный актъ по дѣлу о майскихъ безпорядкахъ“, „Въ защиту иваново-вознесенскихъ рабочихъ“, „Женщина-работница“, „Уставъ братства для защиты народныхъ правъ“, „Очередной вопросъ революціоннаго дѣла“, „Красное знамя въ Россіи“, „Вопросъ русской жизни“ и др., газеты „Искра“, большое количество разныхъ воззваній и проч.

кружковъ. Особое участіе въ организаціи послѣднихъ принимали: студентъ Александръ Унксовъ, рабочій Иванъ Кольцовъ и названные Алексѣевъ и Веселовскій. Обвиняемымъ Апенченко были составлены два сочиненія преступнаго характера, изъ коихъ одно, повидимому, предназначалось для изданія. Изъ упомянутыхъ лицъ Струмилло-Петрашкевичъ, Фортунатова, Ярковъ и Копыловъ, а также Павелъ Мельниковъ и Герасимъ Канкоринъ занимались распространеніемъ преступныхъ изданій.

Въ началѣ 1902 г. стали появляться въ Москвѣ мимеографированныя прокламаціи «Московскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи». По результатамъ наблюденія, у курсистки Екатерины Зиминой 12 апрѣля былъ произведенъ обыскъ, которымъ обнаружены нѣкоторыя принадлежности гектографа, а также запрещенныя брошюры и прокламаціи *). Затѣмъ, 21 апрѣля была задержана цѣлая серія лицъ, замѣченныхъ въ нелегальной дѣятельности, причемъ у большинства изъ нихъ найдены революціонныя изданія, переписка и другіе предметы, указывающіе на преступныя сношенія ихъ съ разными лицами.

Дознаніемъ установлено, что въ 1902 г. въ Москвѣ существовалъ упомянутый «комитетъ», преслѣдовавшій тѣ же самыя цѣли, какъ и другія, подобныя ему организаціи. Членами его были: Гершонъ Хинчукъ, Лидія Канцель, урожденная Цедербаумъ, Екатерина Житкова, Татьяна Тихенко, Сергѣй Сахаровъ, Анна Жебровская, Михаилъ Никольскій и Владиміръ Синакевичъ. Изъ нихъ Хинчукъ и Канцель, подъ именами «Федорова» и «Тани», находились въ сношеніяхъ съ проживающими заграницей дѣятелями партіи «Искры»; у Житковой и Тихенко были учреждены квартиры для явокъ по дѣламъ «комитета», а у Сахарова, Жебровской и Синакевича находились чековыя книжки сообщества.

Что касается остальныхъ обвиняемыхъ, то хотя непосредственное участіе ихъ въ предпріятіяхъ названнаго «комитета» дознаніемъ не выяснено, но не подлежитъ сомнѣнію, что почти всѣ они болѣе или менѣе были о нихъ освѣдомлены. Такъ, на имя Сергѣя Скирмунта былъ выписанъ транспортъ прокламацій; на имя Ольги Канцель и Владимира Шулятикова получалась для передачи другимъ лицамъ корреспонденція по дѣламъ «комитета», причемъ они знали какъ о характерѣ этой переписки, такъ и о политической неблагонадежности лицъ, которымъ она предназначалась. У Бориса Савинкова Лидія Канцель останавливалась въ Вологдѣ и видѣлась тамъ съ Александрой Брановицкою и Клавдіей Штейнъ, изъ коихъ у Брановицкой найдено большое количество подпольной литературы. Въ квартирѣ Николая Беззубова, Андрея Дмитріева и Василія Круглова была устроена сходка рабочихъ и найдено много нелегальныхъ изданій, повидимому, назначенныхъ для распространенія; на этой сходкѣ присутствовалъ, въ

*) Въ томъ числѣ „Русскій политическій строй и рабочіе“, „Поворотный пунктъ въ исторіи европейскаго движенія“, „Судъ надъ бряпскими рабочими“, „Академики и соціализмъ“, „Что такое государственный преступникъ“, „Докладъ о русскомъ соціалъ-демократическомъ движеніи“ и друг.

числѣ другихъ, Андрей Пупковъ, занимавшійся раздачею запрещенныхъ сочиненій какъ рабочимъ, такъ и другимъ лицамъ.

Затѣмъ, разслѣдованіемъ не установлена принадлежность къ названному сообществу обвиняемыхъ: Леопольда Сулержицкаго Ольги Поль, Ивана Боголѣпова, Льва Вагина, Евлампія Кутузова, Анны Гавриловичъ, Любови Заславской-Нейфельдъ, Меланіи Житковой, Анастасіи Потоцкой и упомянутой Зиминой, но у нихъ оказались при обыскахъ революціонныя изданія, хотя въ дѣлѣ и нѣтъ указаній на ихъ намѣренное распространеніе.

Кромѣ вышеупомянутыхъ обвиняемыхъ, къ дознанію привлечены лица, указанныя въ прилагаемомъ спискѣ и находившіяся съ ними въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ.

Одновременно съ «Московскимъ комитетомъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» была ликвидирована группа лицъ, занимавшихся въ Москвѣ противоправительственною пропагандою. По обыскамъ у Вячеслава и Маріи Зворыкиныхъ, Василія Иванова, Дарьи Лобачевой, Ольги Дементьевой, Екатерины и Михаила Поповыхъ, Николая Столыпина, Виктора Вальтера, Николая Жбанова и Константина Овсѣенко были найдены различныя преступныя изданія и тенденціозныя рукописи.

Послѣдующихъ дознаніемъ не установлено, чтобы названныя лица составляли какой-либо организованный кружокъ; тѣмъ не менѣе выяснено, что Зворыкины, Попова, Жбановъ и Дементьева занимались распространеніемъ нелегальныхъ изданій.

Въ февралѣ 1902 г. получены указанія, что рядовой квартирующаго въ Москвѣ лейбъ-гренадерскаго екатеринославскаго Императора Александра III полка Александръ Альшанскій вербуетъ своихъ товарищей въ тайное сообщество, которое занимается революціонною пропагандою въ войскахъ.

Разслѣдованіемъ установлено существованіе въ Москвѣ въ концѣ 1901 и 1902 гг. тайнаго кружка, поставившаго себѣ задачей, путемъ устной пропаганды и распространенія преступныхъ изданій, склонять нижнихъ чиновъ московскаго гарнизона къ неисполненію приказаній начальства во время всякаго рода демонстрацій. Далѣе имѣлось въ виду убѣдить солдатъ присоединиться къ противоправительственному движенію съ конечною цѣлью измѣнить существующій въ Имперіи государственный строй. Къ составу упомянутаго сообщества, кромѣ Альшанскаго, принадлежали: рядовой названнаго полка Вольфъ Гольдблатъ, студентъ техническаго училища Николай Никольскій, курсистка Екатерина Батурина и фельдшерица Инна Соколова *). Всѣ они дѣйствовали по взаимному согласію и опредѣленному плану, собираясь на совѣщанія и организуя пропаганду въ войскахъ.

Получая отъ Соколовой и Батуриной разныя революціонныя изданія, Альшанскій распространялъ ихъ между нижними чинами и приводилъ ихъ въ квартиру Батуриной на общія бесѣды. Затѣмъ Альшанскій составилъ воззваніе, за подписью «Русскіе граждане-

*) Батурина, Соколова и Никольскій принимали участіе въ демонстраціяхъ, происходившихъ въ Москвѣ въ февралѣ 1902 года.

солдаты» *), далъ его для просмотра Соколовой и, послѣ одобренія Никольскимъ—оно было отгектографировано Батуриною въ количествѣ 80 экземпляровъ, которые Альшанскій и роздалъ солдатамъ.

О пропагандѣ въ полку было хорошо извѣстно фельдфебелю Александру Аносову, который увольнялъ Альшанскаго со двора безъ вѣдома начальства, причемъ зналъ откуда и какія книги тотъ приноситъ.

По рекомендаціи Альшанскаго, сталъ бывать у Соколовой и Батуриной означенный рядовой Гольдблатъ, который относительно пропаганды среди нижнихъ чиновъ былъ вполнѣ солидаренъ съ Альшанскимъ, но говорилъ, что раньше, чѣмъ давать солдатамъ революціонную литературу, необходимо развивать ихъ въ этомъ направленіи, что онъ, Гольдблатъ, по его собственнымъ словамъ, уже и началъ дѣлать.

По подозрѣнію въ сношеніяхъ съ Альшанскимъ былъ обысканъ запасный унтеръ-офицеръ Александръ Касаткинъ, у котораго найдено много нелегальныхъ изданій и упомянутая прокламація за подписью «Русскіе граждане— солдаты», но принадлежность его къ тайному сообществу дознаніемъ не обнаружена.

Въ февралѣ 1902 г. въ московскомъ учительскомъ институтѣ, во время спектакля въ память Гоголя и Жуковскаго, были розданы гектографированныя воззванія «Къ русскому обществу» и рѣчь Клары Цеткиной «За права женщины». Прокламація оканчивается призывомъ «сбросить съ своихъ плечъ тяжелое иго самодержавія и проложить себѣ дорогу къ свободѣ и просвѣщенію». При разслѣдованіи начальствомъ института означеннаго случая, воспитанникъ Григорій Тесленко заявилъ, что всѣ упомянутыя произведенія онъ одинъ составилъ, отгектографировалъ и распространилъ. Дознаніемъ выяснено, что прокламаціи и рѣчь Цеткиной писаны рукою Тесленко, а гектографировалъ онъ вмѣстѣ съ воспитанникомъ Павломъ Чегодаевымъ.

Далѣе обнаружено, что бывшій воспитанникъ того же учительскаго института Алексѣй Гастевъ распространялъ среди рабочихъ какъ составленное Григоріемъ Тесленко воззваніе, такъ и другія преступныя сочиненія. По обыску у Гастева найдено большое количество нелегальныхъ изданій**), рукописей и писемъ конспиративнаго содержанія. Въ одномъ изъ такихъ писемъ крестьянинъ Александръ Марзеевъ, между прочимъ, сожалѣетъ по поводу неудачи студенческаго движенія и говоритъ: «Отчаяніе было недалеко: готовы были сорваться съ языка слова: я не вѣрю въ революцію, но мысль о рѣшительныхъ лицахъ, благопріятныя вѣсти изъ Питера и Кіева не даютъ упасть духомъ... А каковъ институтъ? еще двоихъ забрали!!» Въ другомъ письмѣ Марзеевъ сообщаетъ, что «исполнительный комитетъ работаетъ самымъ жи-

*) Прокламація эта въ крайне рѣзкой формѣ призываетъ нижнихъ чиновъ къ открытому бунту съ оружіемъ въ рукахъ.

**) Въ числѣ ихъ: отпечатанныя Тесленко воззванія и брошюры „За права женщины“, стихотвореніе „Порогъ“, брошюра „Красное знамя“, воззваніе Къ пироговскому съѣзду“, „Выстрѣлъ Карповича“, „Письмо Государю“ и др.

зненнымъ образомъ: каждый день выходятъ прокламаціи и бюллетени... Къ счастію, теперь мы завели довольно оживленныя сношенія съ студентами и курсистками. Замѣчается усиленный наплывъ нелегальной литературы, помимо прокламацій. Жить можно. Фрукты созрѣли».

По содержанію писемъ, отобранныхъ у Гастева, привлеченъ къ дознанію сынъ чиновника Михаилъ Андреевъ, но по обыску у него ничего относящагося къ дѣлу не найдено; изъ переписки же съ нимъ Гастева видно, что послѣдній сообщилъ Андрееву о противоправительственномъ движеніи и, въ частности—объ отношеніи къ этому движенію рабочаго Марзеева. Затѣмъ въ одномъ изъ писемъ Гастевъ говоритъ: «Въ послѣднее время институтъ начинаетъ принимать къ сердцу современныя событія. Небольшая группа воспитанниковъ объединилась, вошла въ сношенія со студентами, курсистками и отчасти съ рабочими; активное же участіе въ движеніи выразилось въ томъ, что воспитанники завели три гектографа (по одному для каждаго класса) и печатали брошюры и прокламаціи. Все это находило себѣ сбытъ; между прочимъ, воспитанники раздавали прокламаціи во время пресловутаго Гоголевскаго вечера. До чего нѣкоторые отдались этой цѣли—можно судить изъ обѣщанія Чегодаева дать денегъ на содержаніе типографскаго станка».

Осенью 1902 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что заграничный центръ революціонной организаціи «Искра» командировалъ въ Москву своего представителя, для возстановленія «Московскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», прекратившаго свою дѣятельность послѣ арестовъ весною того же года. По нѣкоторымъ даннымъ, такимъ представителемъ была женщина, прибывшая въ Москву въ половинѣ сентября съ паспортомъ дочери священника Юліи Лепешинской, которая сразу завязала оживленныя сношенія съ личностями, извѣстными своимъ нелегальнымъ направленіемъ. 28 ноября 1902 г. у лицъ этихъ былъ произведенъ обыскъ, причемъ Лепешинская, бывшій студентъ Иванъ Теодоровичъ, мѣщанинъ Семенъ Вайнштейнъ и инженеръ Николай Мещеряковъ были застигнуты на тайномъ засѣданіи въ квартирѣ Елизаветы Аннараудъ, а фельдшерица Леонтія Бирontъ*) задержана въ квартирѣ Теодоровича.

На столѣ, за которымъ сидѣли названныя лица въ квартирѣ Аннараудъ, оказались нѣкоторыя журналы, газеты и прокламаціи**), въ большинствѣ изданные организаціей „Искра“, а также рукописный проектъ воззванія «Къ товарищамъ», съ исправленіями, сдѣланными карандашемъ. Лично при Вайнштейнѣ оказалось нѣсколько черновыхъ проектовъ воззваній, а въ квартирѣ его найдено огромное количество рукописей, замѣтокъ, черновиковъ прокламацій, записей конспиративнаго характера и т. п. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе воспроизведенное миміографомъ по-

*) Мещеряковъ привлекался въ 1886 г. къ дознанію въ Рязани, а Бирontъ въ 1894 и 1898 г.г. въ Москвѣ.

**) Какъ напр., „Впередъ“, „Къ офицерамъ“, „Письмо къ рабочимъ“ „Письмо къ товарищамъ“, „Судъ надъ крестьянами“ и др.

становленіе «Московскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», признающее «Заграничную лигу русской революціонной соціалъ-демократіи» своимъ заграничнымъ представителемъ, а газету «Искра»—своимъ руководящимъ органомъ. Проектъ этого постановленія, какъ равно и большинство другихъ рукописей, написаны Вайнштейномъ. Цѣлая серія писемъ, частью зашифрованныхъ, указываютъ на близость названныхъ лицъ къ центру означенной преступной организаціи. У Теодоровича, Бирontъ и Аннараудъ обнаружены разныя изданія подпольной печати, а затѣмъ всякаго рода преступныя сочиненія, прокламаціи, рукописи и письма оказались у Зои Юнѣевой, Сергѣя Шубина, Анны Рыжковой, Маріи Олигеръ, Вѣры Петровой, Вѣры Осиповой, Гали Гоштовтъ, Елены Нагурской, Александры Яковенко, Григорія Лунца и Петра Покровскаго; изъ нихъ у Осиповой найдено 536 воззваній о «терроръ», отпечатанныхъ въ типографіи «Южный рабочій», а у Петровой найдена обширная конспиративная переписка съ представителями другихъ тайныхъ сообществъ.

Разслѣдованіемъ выяснено, что личность, задержанная подъ именемъ Лепешинской, въ дѣйствительности—жена лекаря Вѣра Гурвичъ*), урожденная Кожевникова. Точно также и арестованная подъ именемъ Зои Юнѣевой оказалась дочерью купца Глафирою Окуловою**). Сверхъ того обнаружено, что въ дѣятельности Московскаго соціалъ-демократическаго комитета живое участіе принимали: Софія Штаденъ, Марія Манасевичъ, Нина Баумштейнъ, Лина Гефтеръ, Николай Плетневъ, Михаилъ Гузѣевъ, Вячеславъ Виноградовъ, Валеріанъ Шмидтъ, Иванъ Карпачевъ и Алексѣй Финиковъ***); кромѣ Шмидта, Финикова и Плетнева, у всѣхъ этихъ лицъ найдены при обыскахъ различные нелегальные предметы.

Послѣдующее дознаніе вполнѣ подтвердило изложенныя данныя о сформированіи въ Москвѣ осенью 1902 г. «Московскаго комитета соціалъ-демократической рабочей партіи», который, слѣдуя принципамъ группы «Искра», задался измѣненіемъ въ Россіи современнаго государственнаго и общественнаго строя. Съ этою цѣлью, какъ личною пропагандой въ фабричной средѣ, такъ и распространеніемъ массы воззваній въ разныхъ слояхъ общества, «комитетъ» стремился возбудить недовольство существующимъ порядкомъ. Главными организаторами этого «комитета» были Гурвичъ и Окулова, а наиболѣе дѣятельными его членами—Вайнштейнъ, Теодоровичъ, Мещеряковъ и Бирontъ. Не подлежитъ сомнѣнію и причастность къ «комитету» Маріи Олигеръ, Рыжковой, Петровой, Маріи Манасевичъ, Шмидта, Шубина, Осиповой и Лунца.

Принадлежность остальныхъ обвиняемыхъ къ составу упомя-

---

*) Гурвичъ привлекалась въ 1901 г. къ дознанію въ Петербургѣ.

**) Окулова привлекалась къ дознанію въ Кіевѣ, а Рыжкова—въ 1894 г. въ Петербургѣ.

***) Финиковъ привлекался въ 1900 г. къ дознанію въ Москвѣ.

нутаго «комитета» дознаніемъ не установлена, хотя нѣкоторые изъ нихъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вожаками сообщества.

Г. Ярославль. Подъ вліяніемъ движенія, возникшаго въ духовныхъ семинаріяхъ Имперіи, вслѣдствіе недовольства современнымъ положеніемъ семинаристовъ, въ 1900—1901 учебномъ году среди воспитанниковъ Ярославской семинаріи образовался тайный кружокъ самообразованія, порѣшившій составить библіотеку изъ нелегальныхъ изданій, очевидно съ цѣлью пропаганды. Вскорѣ кружокъ этотъ образовалъ изъ себя, для веденія мѣстныхъ семинарскихъ дѣлъ, «Организаціонный комитетъ ярославскихъ семинаристовъ», а затѣмъ, лѣтомъ 1901 г., приступлено къ изданію гектографированнаго семинарскаго журнала „Звено", который долженъ былъ развивать въ семинаристахъ «духъ противленія своему начальству»... Первый номеръ этого журнала посвященъ былъ обсужденію чисто академическихъ и литературныхъ вопросовъ; но уже со второго номера, по требованію главныхъ его редакторовъ Дмитрія Крылова, Федора Торопова и Дмитрія Розанова—онъ получилъ политическую окраску. Затѣмъ, въ номерѣ четвертомъ изданія «Звено» приняло вполнѣ революціонное направленіе, помѣстивъ статьи изъ журнала „Искра", касавшіяся рабочихъ безпорядковъ, студенческихъ волненій и порицанія дѣйствій правительства. Наконецъ, принимались мѣры къ распространенію среди семинаристовъ противоправительственныхъ изданій, такъ какъ при обыскахъ названныхъ Крылова, Торопова, Розанова, а также Николая Черемовскаго были найдены революціонныя произведенія крайнихъ оттѣнковъ, какъ, напр., журналъ „Работникъ", „Искра", „Революціонная Россія", воззванія „Боевой организаціи соціалистовъ-революціонеровъ", „Спб. союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса" и т. п.

Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ были членами кружка самообразованія, а затѣмъ „Организаціоннаго комитета": Александръ Савинскій, Арсеній Моревъ, Александръ Смирновъ, Всеволодъ Колокольцовъ, Михаилъ Грѣховъ, Петръ Колокольцовъ, Сергѣй Козьмодемьянскій, Василій Пшеницынъ, Александръ Добровольскій, Петръ Соколовъ, Сергѣй Бѣляевъ, Виталій Покровскій, Леонидъ Скворцовъ, Николай Воскресенскій и Алексѣй Орловъ; изъ нихъ у Смирнова и Орлова найдены при обыскахъ разныя преступныя изданія.

Обвиняемый Константинъ Крыловъ, находясь въ Юрьевскомъ университетѣ, снабжалъ брата своего Дмитрія нелегальною литературою и составилъ для № 4 журнала „Звено" статью революціоннаго содержанія подъ заглавіемъ „Наши задачи".

Наконецъ, Михаилъ Лебедевъ, Леонидъ Сухопрудскій и Сергѣй Добронравинъ предоставляли свои квартиры для собраній „организаціоннаго комитета", а Александръ Верховскій распространялъ переснятую имъ фотографическимъ способомъ картину, изображающую въ видѣ пирамиды угнетеніе народа правительственною властью.

20 января 1902 г., во дворѣ ярославской большой мануфактуры были разбросаны печатныя и гектографированныя революціонныя воззванія отъ имени «Союза русскихъ соціалъ-демократовъ», «С.-Петербургскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и «Ярославскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи»; прокламаціи были озаглавлены: «Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ», «Ко всѣмъ ярославскимъ рабочимъ», «Обѣщанія капиталистовъ и фабричные законы» и «Письма про наши порядки и непорядки».

Вслѣдствіе ранѣе имѣвшихся свѣдѣній о существованіи на означенной мануфактурѣ тайныхъ кружковъ, у намѣченныхъ лицъ были произведены обыски, по которымъ у Зальмана Зараховича и Константина Рабиновича обнаружено нѣсколько революціонныхъ изданій и въ томъ числѣ—газета «Искра» за ноябрь 1901 г.

Во время предварительнаго разслѣдованія о дѣятельности упомянутыхъ кружковъ, въ г. Ярославлѣ былъ выпущенъ отъ имени «Ярославскаго студенческаго комитета» и «Ярославскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» рядъ прокламацій «Къ обществу», «Къ ярославскимъ студентамъ», «Къ профессорамъ» и «Къ рабочимъ», которыя разбрасывались по фабрикамъ, расклеивались по городу и разсылались по почтѣ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ—офицерамъ мѣстнаго гарнизона.

Вскорѣ было выяснено, что въ Ярославлѣ образовалось противоправительственное сообщество, съ цѣлью сплотить мѣстные революціонные элементы и организовать уличныя демонстраціи при участіи рабочихъ. При обыскахъ заподозрѣнныхъ лицъ были найдены различныя нелегальныя изданія у студентовъ мѣстнаго Юридическаго лицея: Семена Кузнецова, Евгенія Просяниченко, Леонида Тучапскаго, Сергѣя Петровскаго, Эмиля Рихтера, Вячеслава Вершинскаго и Валеріана Завадскаго, а также у статистиковъ губернскаго земства: Константина Гавемана, Григорія Тихомирова и Александра Абкина, причемъ у послѣдняго оказался цѣлый складъ подпольной литературы*). У студента Бориса Клирикова ничего преступнаго не обнаружено, у сестры же его Ольги Клириковой найдена печатная прокламація «группы народовольцевъ», отъ 1 марта 1899 г. и рукопись тенденціознаго содержанія.

Дознаніемъ обнаружено, что въ концѣ 1901 и въ началѣ 1902 г. въ Ярославлѣ были организованы два тайныхъ сообщества, не имѣвшія между собою никакой внутренней связи: 1) кружокъ студентовъ Демидовскаго юридическаго лицея, назвавшійся «Ярославскимъ студенческимъ комитетомъ и ярославскимъ комитетомъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», и 2) сообще-

*) Въ томъ числѣ: „Что же дальше?“, „Обвинительный актъ по дѣлу о майскихъ безпорядкахъ на Обуховскомъ заводѣ“, „Первый годъ Николая II“, „Шахтеры“, „Майскіе дни въ Харьковѣ“, „Судъ надъ Карповичемъ и Лаговскимъ“, „Русскій политическій строй и рабочіе“, „О современныхъ задачахъ русской соціалъ-демократіи“, „Самодержавіе и земство“, „Голоса изъ Россіи“, „Стачка лжи“, „Что дѣлаютъ русскіе цари для народа“ и множество другихъ изданій „Искры“, „Южнаго рабочаго“ и пр.

ство среди рабочихъ ярославской большой мануфактуры, въ свою очередь образовавшее два отдѣльныхъ кружка.

Студенческая организація сначала преслѣдовала лишь чисто академическіе вопросы, вызванные общимъ движеніемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи; но затѣмъ, подъ вліяніемъ различныхъ революціонныхъ партій, стала проявлять уже прямо революціонную дѣятельность. Цѣлый рядъ прокламацій отъ имени названнаго сообщества указываетъ, что оно домогалось объединенія студентовъ съ рабочими на почвѣ борьбы съ современнымъ государственнымъ строемъ и «злѣйшимъ врагомъ рабочихъ—Царемъ».

Выдающимися членами означеннаго сообщества были упомянутые студенты лицея: Клириковъ, Кузнецовъ и Вершинскій; изъ нихъ Клириковъ, руководя кружкомъ, настоятельно требовалъ устройства уличныхъ демонстрацій. Затѣмъ членами этого кружка состояли лицеисты: Константинъ Капачелли, Николай Зезюлинскій, Владиміръ Покровскій, Афанасій Гладкій, Михаилъ Кедровъ, Яковъ Першинъ и названные Просяниченко и Петровскій. Всѣ они занимались печатаніемъ и распространеніемъ воззваній, а Капачелли, Гладкій, Завадскій и Тихомировъ, кромѣ того, расклеивали ихъ по улицамъ.

Прикосновенность къ сообществу остальныхъ обвиняемыхъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, дознаніемъ не установлена, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ Тучапскій, Рихтеръ, Гаваманъ и Абкинъ—являются виновными лишь въ храненіи запрещенныхъ произведеній.

Относительно тайныхъ организацій на Ярославской большой мануфактурѣ выяснено, что во второй половинѣ 1901 г. тамъ образовались два кружка, дѣйствовавшіе вполнѣ независимо одинъ отъ другого. Оба они имѣли цѣлью пропаганду среди рабочихъ путемъ распространеіня въ ихъ средѣ сочиненій, направленныхъ къ возбужденію недовольства настоящимъ ихъ матеріальнымъ и соціальнымъ положеніемъ. Въ одномъ изъ этихъ кружковъ руководителемъ былъ корректоръ мѣстной газеты «Сѣверный край» крестьянинъ Александръ Лаптевъ, который созывалъ членовъ кружка на собранія, устраивалъ сходки рабочихъ и раздавалъ революціонныя сочиненія*). Членами этого кружка были: Евстафій и Павелъ Соглачаевы, Романъ Лушниковъ, Михаилъ и Константинъ Смирновы, Михаилъ Труниловъ, Вячеславъ Сусловъ, Василій Крашенинниковъ, Александръ Мочаловъ, Павелъ Рицковъ, Иванъ Малютинъ, Семенъ Потѣхинъ, Александръ Невзоровъ, Андрей Ромашевъ, Демьянъ Ермолинъ, Иванъ Рябцовъ, Васисилій Ивановъ, Михаилъ Булычевъ и Датъ Трековъ. Всѣ они бывали на сходкахъ, получали и передавали другимъ нелегальныя произведенія, вербуя притомъ и новыхъ членовъ. На нѣкоторыхъ собраніяхъ присутствовалъ бывшій студентъ Ярославскаго лицея

*) Какъ, напримѣръ: „Кто чѣмъ живетъ“, „Новыя правила для рабочихъ“, „Народное знамя“, „Студенческое движеніе въ Россіи“, „Что нужно знать и дѣлать каждому рабочему“, „Что такое государственный преступникъ и революціонеръ“, „Стачка лжи“, „Десятилѣтіе Морозовской стачки“, „Рабочее знамя“, „1 мая 1901 г.“ и др.

Александръ Леоновъ, поднявшій вопросъ объ устройствѣ кружковой кассы.

Второй кружокъ рабочихъ въ упомянутой мануфактурѣ организованъ мѣщаниномъ Хаимомъ Вайсманомъ и названнымъ Зараховичемъ. Проживая въ г. Ярославлѣ по чужимъ паспортамъ подъ фамиліями Лужанскаго и Гаврилова, Зараховичъ въ первыхъ числахъ января 1902 г. далъ Герасиму Колесникову и Федору Калинину по нѣсколько сотъ экземпляровъ воззваній, часть коихъ и была потомъ разбросана на фабрикѣ. Вайсманъ жилъ подъ фамиліей Александра Волоха и, въ качествѣ интеллигента, занимался пропагандою среди рабочихъ вмѣстѣ съ Зараховичемъ.

Въ февралѣ 1902 г. Вайсманъ скрылся и впослѣдствіи былъ задержанъ въ Костромѣ. Большую энергію въ распространеніи прокламацій проявилъ и Василій Варакинъ, получавшій ихъ отъ Зараховича, Вайсмана и Колесникова.

Кромѣ названныхъ лицъ, членами означеннаго второго кружка рабочихъ были: Николай Рыжковъ, Александръ Бѣловъ, Александръ Озеровъ, Павелъ и Василій Морозкины, Николай Усоевъ, Василій Гаринъ, Сергѣй Родіоновъ. Прикосновенность остальныхъ обвиняемыхъ, въ томъ числѣ и упомянутаго Константина Рабиновича, къ этому кружку разслѣдованіемъ не подтвердилась.

Смоленскъ. Въ половинѣ февраля 1902 г. въ Рославльскомъ и Ельнинскомъ уѣздахъ, Смоленской губерніи, стали распространяться между крестьянами въ большомъ числѣ воззванія за подписью: „Отъ насъ, вашихъ братьевъ, друзей и помощниковъ“, въ которыхъ дерзкими выраженіями порицается государственный строй въ Россіи, призывая весь народъ къ насильственному упраздненію монархическаго образа правленія. Прокламаціи эти одновременно появились и среди нижнихъ чиновъ квартирующихъ вблизи войскъ.

Дознаніемъ вполнѣ установлено существованіе въ г. Рославлѣ съ конца 1901 г. по іюнь 1902 г. тайнаго революціоннаго сообщества, образовавшагося преимущественно изъ евреевъ, подъ предлогомъ стремленія „къ улучшенію положенія нашей родины ижизни русскаго народа“. Въ этихъ видахъ, судя по программѣ, изложенной въ запискѣ Іоселя Гинцбурга, рекомендовался терроръ, какъ „популяризація идей соціалъ-революціонной борьбы и призывъ къ нападенію на самодержавіе“. Затѣмъ, въ письмѣ Павла Турчанинова на имя Раисы Вихманъ говорится, что для избавленія „стонущей“ Россіи изъ-подъ гнета деспотизма необходимъ систематическій, а не единичный терроръ, который только и способенъ уничтожить самодержавіе. Далѣе Турчаниновъ развиваетъ программу организаціи въ центральныхъ и губернскихъ городахъ Россіи террористическихъ кружковъ, назначеніе которыхъ должно состоять въ покушеніяхъ на «главу государства съ его чадами и и домочадцами», на министровъ и другіе органы правительственной и законодательной власти. Конечною цѣлью такихъ кружковъ должно быть введеніе въ Россіи конституціи.

Такимъ образомъ, разновременное обнаруженіе у нѣсколькихъ обвиняемыхъ совершенно аналогичныхъ программъ ихъ революціонной дѣятельности вполнѣ убѣждаетъ какъ въ наличности самаго сообщества, такъ и въ террористическихъ его задачахъ, не чуждыхъ посягательства на верховную власть.

Организаторами и главными руководителями упомянутаго сообщества были названные Турчаниновъ и Іосель Гинзбургъ, а также врачъ Михаилъ Ривкинъ; въ составъ же кружка, въ качествѣ болѣе или менѣе дѣятельныхъ участниковъ, входили: Тема Блувштейнъ, Моисей Гинзбургъ, Владиміръ Фридолинъ, Фанни Ривкина, Клавдія Марциновская, Израиль Гинзбургъ, Абрамъ Мерлинъ, и Хаимъ Липкинъ.

Хотя означенный кружокъ и не успѣлъ проявить себя на почвѣ террора, но это можетъ быть объяснено лишь кратковременностью его существованія, такъ какъ еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности онъ уже сочувствовалъ террористическимъ фактамъ въ Россіи. Такъ, убійство министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина привѣтствовалось въ кружкѣ обоюдными поздравленіями, а Турчаниновъ въ письмѣ къ Вихманъ говоритъ, что онъ приступитъ къ работѣ въ намѣченномъ (т. е. террористическомъ) смыслѣ тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы, высказывая надежду: «можетъ дѣло и выйдетъ».

До весны 1902 г. дѣятельность кружка выразилась устройствомъ конспиративныхъ собраній и составленіемъ прокламацій, которыя, какъ выше сказано, въ огромномъ количествѣ циркулировали въ означенный періодъ. Собранія происходили въ квартирахъ Ривкина, Турчанинова и Моисея Гинзбурга; на нихъ читались произведенія нелегальной литературы, получаемыя изъ-за границы Іоселемъ Гинзбургомъ, и обсуждались вопросы революціоннаго движенія, въ томъ числѣ и способы распространенія нелегальной литературы. На сходкахъ у Турчанинова, кромѣ членовъ кружка, бывало много молодыхъ евреевъ и рабочихъ, причемъ сборища эти бывали иногда такъ многочисленны, что не хватало мебели и даже мѣста.

Дознаніемъ по этому дѣлу, между прочимъ, обнаружено, что Иванъ Павловъ, Родіонъ Малафѣевъ, Дороѳей Ермачковъ и Василій Панковъ занимались распространеніемъ преступныхъ воззваній, а Андрей Бруевъ распускалъ ложные слухи, имѣющіе вредную политическую цѣль.

Что касается обвиняемаго Дмитрія Авдѣенко, то хотя онъ, повидимому, не посѣщалъ собраній кружка Турчанинова и Ривкина, но солидарность его съ этимъ кружкомъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Въ этомъ убѣждаетъ явка его на станцію Починокъ за полученіемъ присланной изъ Петербурга корзины съ цѣлой библіотекой революціонныхъ произведеній, большинство коихъ было во многихъ экземплярахъ, очевидно, предназначенныхъ для распространенія. Кромѣ того, Авдѣенко взялъ на ст. Починокъ билетъ для поѣздки въ г. Рославль, и при немъ найдены два письма Іоселя Гинзбурга, въ одномъ изъ которыхъ послѣдній называетъ Авдѣенко своимъ товарищемъ.

Г. Тамбовъ. При дознаніи въ 1901 г. о группѣ «Рабочее знамя», у мѣщанина Василія Гаврилова, въ г. Тамбовѣ, задержанъ дворянинъ Владиміръ Захаревскій, причемъ въ квартирѣ Гаврилова найденъ деревянный типографскій станокъ съ каучуковымъ шрифтомъ*).

Разслѣдованіемъ выяснено, что Гавриловъ раньше жилъ съ Алексѣемъ Гладилинымъ, который хотя и перешелъ мѣсяца черезъ три на другую квартиру, но продолжалъ весьма часто бывать у Гаврилова, куда одновременно являлись: Иванъ Невѣровъ, Митрофанъ Бабуринъ, Александра Попова, упомянутый Захаревскій и нѣкоторые другіе**).

Обыскомъ названныхъ лицъ въ квартирѣ Гладилина, въ г. Тамбовѣ, обнаружено: 1) желѣзный ручной типографскій станокъ системы «Бостонъ» со всѣми принадлежностями для печатанія, около $2^1/_2$ пудовъ типографскаго шрифта и немного каучуковаго; 2) нѣкоторыя принадлежности гектографа и мимеографа; 3) болѣе ста преступныхъ брошюръ и воззваній, и 4) рукописныя тетради съ замѣтками и статьями революціоннаго характера.

У Невѣрова, переѣхавшаго въ г. Кирсановъ, найдено 28 революціонныхъ брошюръ и 11 листковъ съ замѣтками того же направленія, причемъ въ одной изъ нихъ говорится о необходимости организовать новую газету, «задачею которой должно быть успѣшно воздѣйствіе на народъ съ цѣлью превращенія цѣлаго ряда мѣстныхъ движеній въ единое общерусское». У Поповой въ г. Елатьмѣ оказалось нѣсколько преступныхъ брошюръ и рукописей.

Дознаніемъ установлено, что Гавриловъ, Гладилинъ, Невѣровъ и Захаревскій составили сообщество, направленное къ измѣненію существующаго въ Россіи образа правленія. Съ этой цѣлью они распространили сочиненія, дерзко порицающія Верховную власть, и устроили тайную типографію для печатанія такихъ произведеній.

Кромѣ названныхъ лицъ, къ дознанію были привлечены бывшіе студенты: С.-Петербургскаго технологическаго института Александръ Трифоновъ и Московскаго университета Николай Ростовцевъ, у которыхъ найдены при обыскахъ разныя нелегальныя изданія.

Зимой 1901—1902 гг. въ г. Тамбовѣ и ближайшихъ къ нему уѣздахъ были въ большихъ количествахъ распространяемы различныя противоправительственныя изданія**), тенденціозно и дерзко трактующія о бѣдности крестьянъ и рабочихъ. Причина этой бѣдности объяснялась эксплоатаціей труда высшими сословіями, правительствомъ и Государемъ, вслѣдствіе чего низшій классъ дол-

---

*) Изъ нихъ раньше привлекались къ дознаніямъ: Захаревскій въ 1901 г. въ Петербургѣ, Невѣровъ въ 1900 г, въ Москвѣ, Попова въ 1902 г. въ г. Тамбовѣ.

**) Въ числѣ такихъ брошюръ были: „Письмо къ русскому крестьянству“ съ „Уставомъ братства для защиты народныхъ правъ“, „Какъ и откуда пошло крестьянское разоренiе“, „О Венгріи и венгерцахъ“, „19 февраля. Вторая воля“, „Изъ-за чего студенты бунтуютъ“ и др.

женъ дать насильственный отпоръ своимъ угнетателямъ, а въ частности—обратить въ народную собственность государственныя и частныя земли и заводы.

Кромѣ этихъ изданій, въ ночь на 26 марта 1902 года въ различныхъ мѣстахъ г. Тамбова было расклеено воззваніе «Къ обществу», касающееся чисто мѣстныхъ вопросовъ. Появленіе этого воззванія подтверждало предположеніе, что распространяемыя изданія,—въ большинствѣ гектографированныя и написанныя, повидимому, однимъ и тѣмъ же почеркомъ,—изготовлялись въ Тамбовѣ. Поэтому было обращено вниманіе на проживающихъ тамъ политически-неблагонадежныхъ лицъ: Алексѣя, Анастасію и Наталію Сладкопѣвцевыхъ, Нину Андрюкову, Ивана, Петра и Любовь Бабякиныхъ, Александра Толмачева и Михаила Вольскаго *).

У Ивана Бабякина найдено много брошюръ преступнаго характера, а во дворѣ квартиры Вольскаго подняты клочки вышеупомянутой прокламаціи «Къ обществу». У Сладкопѣвцевыхъ оказались революціонныя изданія и шифрованная переписка, ключъ которой не обнаруженъ. Затѣмъ, въ перепискѣ Сладкопѣвцевой и Любови Бабякиной оказались письма, очевидно, условнаго содержанія.

Осмотръ помѣщенія Петра Бабякина показалъ, что тамъ происходило гектографированіе и, между прочимъ, найдены обрѣзки бумаги съ текстомъ революціоннаго изданія «Какъ министръ заботится о крестьянахъ».

Возбужденнымъ дознаніемъ обнаружено, что Алексѣй, Анастасія и Наталія Сладкопѣвцевы, Иванъ, Петръ и Любовь Бабякины и Нина Андрюкова составляли тѣсно сплоченный кружокъ, хорошо освѣдомленный о всѣхъ рабочихъ и студенческихъ волненіяхъ. Называясь «Братствомъ для защиты народа» и задавшись цѣлью противодѣйствія правительству, члены кружка пріобрѣтали, составляли и распространяли сочиненія, преслѣдующія эти принципы. Въ квартирѣ Сладкопѣвцевыхъ разновременно скрывались нѣкоторыя лица, разыскиваемыя полиціей и, между прочимъ, Алексѣй Кудрявцевъ.

При экспертизѣ почерковъ, которыми писаны гектографированныя изданія и другія бумаги, отобранныя при обыскахъ, оказалось, что письмо изъ тюрьмы, послужившее матеріаломъ для прокламаціи «Къ обществу», написано Павломъ Сербариновымъ, а Иваномъ Бабакинымъ писаны рукописи: «Пора пробудиться», «Братья-крестьяне», «Слушайте», «О Венгріи и венгерцахъ», воззваніе «Къ обществу» и нѣкоторыя другія.

---

*) Изъ нихъ раньше привлекались къ дознаніямъ:

Алексѣй Сладкопѣвцевъ въ 1900 г. въ Петербургѣ, Любовь Бабякина —въ 1900 г. въ Новочеркасскѣ, Толмачевъ—въ 1900 г. въ Петербургѣ, Андрюкова въ 1901 г. въ Петербургѣ, Сербариновъ—въ 1899 г. въ Рязани и въ 1901 г. въ Тамбовѣ; Вольскій за участіе въ безпорядкахъ въ 1901 году исключенъ изъ Московскаго университета. Затѣмъ, Толмачевъ, Сладкопѣвцевъ, Андрюкова, Иванъ и Петръ Бабякины привлечены къ дознанію о безпорядкахъ въ тамбовскомъ театрѣ 8 ноября 1901 г.

25 мая 1902 г., по поводу самоубійства въ г. Тамбовѣ бывшаго студента Варываева, появились гектографированныя воззванія, сообщавшія о его революціонной дѣятельности, съ пожеланіемъ, чтобы „смерть его увеличила число борцовъ за свободу, зажгла сердца ихъ ненавистью къ престолу и съ большей энергіей повела на борьбу съ нимъ".

Вслѣдствіе имѣвшихся свѣдѣній, что означенныя прокламаціи отпечатаны въ общей квартирѣ проживавшихъ въ г. Тамбовѣ бывшаго семинариста Филиппа Агапова и фельдшерицъ Елены Левковичъ и Варвары Карпинской, у нихъ былъ произведенъ обыскъ, которымъ обнаружено: у Агапова—замѣтка „Мишкѣ Ф. 2 экземпляра, Филькѣ, Левкѣ, Карпушкѣ, Гришкѣ, Аркадію, Козыревой, Власовымъ два экз., Григорьеву, Кузьмичу, Ильичу, „Мигуэлю"; у Карпинской—полотно съ вышитыми фамиліями Агапова, Левковича, Павперова, Мигуэля, Нестерова и надписями „Да здравствуетъ революція" и „Дружно, товарищи, въ ногу"*), и у Левковичъ—письма Александра Набатова, указывающія на принадлежность ея къ противоправительственному кружку. Одновременно съ Агаповымъ, Левковичъ и Карпинскою были обысканы явившіеся къ нимъ на квартиру фельдшерица Софья Власова и бывшій семинаристъ Михаилъ Любвинъ, называвшійся „Мигуэлемъ", у которыхъ найдены революціонныя брошюры, газеты и частью зашифрованное письмо, сообщавшее о пропагандѣ въ Рязанской духовной семинаріи, съ просьбой выслать нелегальныя сочиненія для семинаристовъ и крестьянъ.

Дознаніемъ установлено, что съ начала 1902 г. въ Тамбовѣ образовался, по иниціативѣ Елены Левковичъ, кружокъ, съ цѣлью распространенія среди учащейся молодежи революціонныхъ идей, для чего въ ея квартирѣ происходили тайныя собранія. На послѣднихъ, кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, бывали: Михаилъ Павперовъ, Григорій Нестеровъ, Василій Шлаевъ, Евграфъ Александровъ Леонидъ Васильевскій, Александръ Самохинъ, Дмитрій Петровъ, Иванъ Соколовъ и Пелагея Фокина**). У послѣдней обнаруженъ значительный складъ подпольной литературы, повидимому, принадлежащій названному кружку, а у Павперова, Васильевскаго, Петрова, Соколова и Александрова оказалось по нѣсколько запрещенныхъ изданій.

Далѣе выяснено, что мѣщанка Александра Попова и названный Самохинъ***) занимались воспроизведеніемъ на гектографѣ преступныхъ сочиненій, а Иванъ Кораблевъ составилъ рукопись, возбуждающую неуваженіе къ Особѣ Государя Императора. Затѣмъ, у крестьянина Константина Симонова найдены разныя преступныя сочиненія, данныя ему крестьяниномъ Дмитріемъ Полосинымъ, который получилъ ихъ отъ Фокиной.

Изъ рукописей революціоннаго содержанія, оказавшихся у Фокиной, нѣкоторыя, по заключенію экспертовъ, написаны Нестеровымъ, Александровымъ, Шалаевымъ, Поповою и Самохинымъ, а изъ

*) Фраза эта составляетъ начальную строфу революціонной пѣсни.
**) Васильевскій привлекался въ 1901 г. къ дознанію въ Петербургѣ.
***) Попова и Самохинъ привлекались къ дознанію въ Тамбовѣ.

числа писемъ на имя Елены Левковичъ два, за подписью «Мишка« —писаны Михаиломъ Сладкопѣвцевымъ.

Г. Саратовъ. Осенью 1901 г. въ нѣсколькихъ селахъ и деревняхъ Балашовскаго уѣзда, Саратовской г., началась пропаганда, склонявшая крестьянъ къ самовольному захвату земель частныхъ владѣльцевъ. Въ началѣ февраля 1902 г. у намѣченныхъ наблюденіемъ лицъ были произведены обыски, причемъ у крестьянина Владимира Авдѣева найдены нелегальныя брошюры*) и подписной листъ «въ память Викторина Арефьева». Въ квартирѣ учителя земской школы Матвѣя Кухранова обнаружена переписка, указывающая, что онъ сообщалъ знакомымъ о существованіи въ Балашовскомъ уѣздѣ «политическихъ кружковъ», во главѣ которыхъ стоитъ докторъ В. Д. Ченыкаевъ.

Разслѣдованіемъ выяснено, что Владиміръ Ченыкаевъ, Марія Обухова, Роза Бархина, Севастьянъ и Павелъ Арефьевы, Владиміръ и Иванъ Авдѣевы, Матвѣй Кухрановъ, Петръ Сбоенковъ, Ерофей Безруковъ, Григорій Кирѣевъ и Григорій Молокановъ принадлежали къ сообществу, задавшемуся цѣлью измѣнить существующій въ Россіи государственный и экономическій строй. Для этого они устраивали тайныя сходки, гдѣ читали противоправительственныя сочиненія, а также распространяли подобныя изданія среди лицъ, не принадлежавшихъ къ упомянутому кружку. Изъ названныхъ обвиняемыхъ врачъ Ченыкаевъ имѣлъ особенно вредное вліяніе на мѣстное населеніе; это наглядно выразилось въ подговорѣ имъ глѣбовскихъ крестьянъ силою отобрать надѣлы у арендаторовъ и въ подстрекательствѣ чириковскихъ крестьянъ къ захвату помѣщичьей земли.

Затѣмъ, къ дознанію привлечена дворянка Елизавета Дьяченко, у которой по обыску найдена газета «Искра».

5 мая 1902 г. въ г. Саратовѣ, около полудня, стала собираться на верхнемъ базарѣ молодежь обоего пола, видимо, не принадлежавшая къ обычнымъ посѣтителямъ этого рынка, причемъ у большинства были въ рукахъ какіе то свертки. Вскорѣ раздался свистокъ, послѣ котораго отдѣльныя группы быстро соединились, поднявъ надъ толпою три красныхъ и одинъ черный флаги. Затѣмъ толпа, болѣе 150 человѣкъ, двинулась по улицамъ съ криками «ура» и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, разбрасывая дорогой прокламаціи. На Нѣмецкой улицѣ между демонстрантами и собравшимися мелкими торговцами началась драка, прекращенная лишь по прибытіи усиленнаго отряда полиціи, которая оттѣснила часть толпы въ одинъ изъ дворовъ.

Дознаніемъ выяснено, что 15 августа 1902 г. въ окрестностяхъ Саратова происходила сходка, на которой было до 60 человѣкъ, причемъ говорили о положеніи рабочихъ и обсуждали устройство манифестаціи. Въ ночь на 5-е мая въ разныхъ мѣстахъ

---

*) „О правдѣ и кривдѣ“, „Голосъ труда“, „Бесѣда о землѣ“, О Венгріи и венгерцахъ“, „Уголовные и политическіе преступники“, „Изъ-за чего студенты бунтуютъ“, „Попъ“ и „Крестьянское дѣло“.

города было разбросано множество воззваній партіи «соціалистовъ-революціонеровъ», подъ заглавіемъ «1-ое мая», въ которыхъ рабочіе приглашались толпою выходить на улицы съ красными знаменами и съ громкимъ крикомъ «долой капиталистовъ, долой полицію, долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода для всѣхъ!» На оборотѣ воззваній было напечатано: «Саратовскіе рабочіе переносятъ празднованіе 1-го мая на воскресеніе. Въ этотъ день они приглашаютъ всѣхъ товарищей, всѣхъ безправныхъ и угнетенныхъ на демонстрацію на Соборную площадь въ 12 часовъ дня. Саратовскій комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. Объединенная группа соц.-рев. и соц.-дем. Сарат. Ремесленный соц.-дем. Союзъ».

Далѣе обнаружено, что упомянутые флаги, переходившіе изъ рукъ въ руки, послѣдовательно держали: Василій Ефимовъ, Иванъ Бочкаревъ, Надежда Архангельская, Евдокія Сарапулова, Пелагея Бударина, Варвара Дьякова, Амалія Григорьева, Анисья Чубаровская, Сергѣй Фофоновъ и Василій Фоминыхъ. Изъ нихъ Бударина и Чубаровская во время шествія толпы бросали прокламаціи, вмѣстѣ съ Еленой Ошаниной и Петромъ Воеводинымъ.

Пѣніемъ толпы управляли шедшіе впереди Станиславъ Косовичъ и упомянутый Фофоновъ, а въ центрѣ демонстрантовъ тоже дѣлали Ѳедосья Батракова.

Названный Ефимовъ ударилъ нѣсколько разъ городового балясиной, а затѣмъ, выхвативъ у него изъ ноженъ шашку, ранилъ двухъ чиновъ полиціи и одного крестьянина.

На означенныхъ флагахъ были слѣдующія надписи: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Долой постоянныя арміи! Работы для безработныхъ! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ народное правленіе! Восьмичасовой рабочій день! Вѣчная память герою Балмашеву!»

Кромѣ названныхъ обвиняемыхъ, къ дознанію привлечены лица, поименованныя въ прилагаемомъ спискѣ, участіе коихъ въ манифестаціи установлено частію ихъ собственными показаніями, или же заявленіями многихъ свидѣтелей. Тѣмъ не менѣе, Ефимовъ и Яковъ Сисенковъ отказались отъ всякихъ объясненій по дѣлу, а Владимиръ Соколовъ, Николай Самсоновъ, Лидія Маркова, Александра Рылова, Марія Бердичевская, Александра Титова, Марія Познякова и названныя Дьякова, Ошанина и Чубаровская, признавая свое участіе въ демонстраціи, дальнѣйшихъ показаній дать не пожелали. Большинство остальныхъ привлеченныхъ къ дознанію дали уклончивыя объясненія.

Во второй половинѣ 1902 г. наблюденіемъ за проживавшими въ г. Саратовѣ неблагонадежными въ политическомъ отношеніи лицами было выяснено, что нѣкоторыя изъ нихъ образовали сообщество, назвавшееся «соціалъ-демократическою рабочею организаціею». Членами этой группы было выпущено нѣсколько тысячъ воззваній озаглавленныхъ: «Къ рабочимъ по поводу суда надъ саратовскими демонстрантами», «Братья-солдаты», «Что дѣлать?», «За землю и волю», а также два номера журнала «Народная доля».

Эти изданія воспроизводились частію на печатномъ станкѣ, частію —каучуковымъ шрифтомъ «Побѣда», а затѣмъ—гектографомъ и литографированіемъ.

1-го ноября 1902 г. были произведены обыски у намѣченныхъ лицъ, причемъ обнаружено: у крестьянина Владимира Потапова—разныя части типографскаго станка, по заключенію экспертизы, пригодныя для печатанія ручнымъ способомъ, и приложеніе къ № 5 газеты «Революціонная Россія», подъ заглавіемъ «Памяти героевъ 1-го марта 1881 г.», съ красною печатью «Партіи соціалистовъ-революціонеровъ»; въ квартирѣ крестьянина Михаила Карева—нѣсколько жестяныхъ коробокъ съ передвижными каучуковыми буквами «Побѣда», двѣ брошюры: «Голодъ и самодержавіе или по чьей винѣ голодаетъ русскій народъ» и «Воля царская и воля народная», изданія «Аграрно-соціалистической лиги», и 14 печатныхъ брошюръ, изданныхъ за-границей; у матери Карева, Ефросиньи Каревой—нѣсколько коробокъ каучуковаго шрифта и около 500 отдѣльныхъ буквъ съ множествомъ разныхъ принадлежностей для печатанія этимъ шрифтомъ; бумага и краска для мимеографа; краска для металлическихъ и каучуковыхъ печатей; негативы портретовъ Желябова, Перовской, Балмашева и многихъ другихъ государственныхъ преступниковъ; большое число печатныхъ воззваній «Братья-солдаты», «Къ русскому обществу», «Ко всему русскому народу» и др.; затѣмъ найдены различныя нелегальныя изданія у Петра Полянскаго, Альберта Ретлинга, Александра Ефимова и Самуила Бендерскаго.

Дознаніемъ обнаружено существованіе въ Саратовѣ тайнаго соціалъ-демократическаго сообщества, къ которому принадлежали: Иванъ Мокруевъ, Василій Громовъ, Анастасія Кудряшева, Петръ и Вѣра Гусевы, Александръ Архангельскій, Степанъ Даниловъ, Александръ Морозовъ, Андрей Ивановъ, Елизавета Попова, Николай Огневъ, Антонина Шамбарева, Евдокія Замотаева, Николай Максимовъ и упомянутые Каревъ, Ефимовъ, Полянскій, Ретлингъ, Потаповъ и Бендерскій*). Изъ нихъ Мокруевъ, Каревъ, Морозовъ, Вѣра Гусева, Шамбарева и Замотаева устраивали конспиративныя собранія, на которыхъ Ефимовъ раздавалъ нелегальныя сочиненія, Петръ Гусевъ, Архангельскій и Даниловъ говорили противоправительственныя рѣчи, а Громовъ, Кудряшева, Полянскій, Ретлингъ, Ивановъ, Потаповъ, Попова, Огневъ, Бендерскій и Максимовъ участвовали въ обсужденіи вопросовъ объ агитаціи въ мѣстномъ населеніи. Кромѣ того, Мокруевъ, Каревъ и Громовъ воспроизводили разныя революціонныя сочиненія, направленныя противъ существующаго государственнаго порядка, а Ефимовъ, Кудряшева, Ивановъ, Потаповъ, Шамбарева и Замотаева въ

*) Мокруевъ привлекался къ дознаніямъ въ г. Владимирѣ въ 1897 и 1901 гг., Ефимовъ—въ Петербургѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Саратовѣ въ 1899, 1901 и 1902 гг., Попова и Ретлингъ—въ Саратовѣ въ 1902 г., Морозовъ—въ Тулѣ и Москвѣ въ 1900 г., Огневъ—въ 1901 и 1902 гг. въ гор. Владимирѣ, Екатеринославѣ и Саратовѣ, Шамбарева—въ 1902 г. въ Саратовѣ, Петръ Гусевъ и Максимовъ—въ 1902 г. въ Саратовѣ, Даниловъ—въ 1901 г. въ Саратовѣ, Архангельскій—въ Петербургѣ и Саратовѣ въ 1902 г.

огромныхъ количествахъ раздавали такія изданія крестьянамъ и рабочимъ. Распространеніемъ подпольной литературы въ меньшихъ размѣрахъ занимался и Михаилъ Болдыревъ, хотя онъ и не принадлежалъ къ составу тайнаго кружка. У Захара Кабанова хранились запрещенныя сочиненія, но распространеніе ихъ дознаніемъ не установлено.

Виновность привлеченнаго къ дознанію Владимира Обухова*) по разслѣдованію не подтвердилась.

Г. Владиміръ. Въ концѣ 1901 г., среди фабричныхъ въ с. Орѣховѣ, Покровскаго уѣзда, образовался тайный кружокъ, собиравшійся у нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, что 23-го декабря назначена сходка этого кружка у рабочихъ Алексѣя Захарова и Климента Лапина, къ нимъ явились чины полиціи и застали тамъ, кромѣ хозяевъ квартиры: разыскиваемаго департаментомъ полиціи Ивана Бабушкина и рабочихъ: Сергѣя Сельдякова, Ивана Ерошина, Федора Скворцова и Андрея Воробьева. Передъ Бабушкинымъ лежали различныя нелегальныя изданія и записныя книжки.

По разслѣдованію оказалось, что на собраніяхъ означеннаго кружка, называвшагося «Орѣхово-Богородицкой организаціей Россійской соціалъ-демократической рабочей партіей», кромѣ названныхъ лицъ, бывали рабочіе: Николай Симоновъ, Федоръ Шпіоновъ, Иванъ Каракозовъ, Игнатій Бугровъ, Иванъ Рубцовъ, Асафъ Павловъ, Алексѣй Барышниковъ, Ефимъ Барулинъ и Матвѣй Годуновъ. Кружокъ имѣлъ цѣлью распространеніе соціалъ-демократическихъ идей среди мѣстнаго рабочаго населенія, возбужденіе его противъ владѣльцевъ фабрикъ и устройство стачекъ. Главнымъ руководителемъ кружка былъ Бабушкинъ, Воробьевъ же и Сильдяковъ вербовали въ него новыхъ членовъ. Программа дѣятельности организаціи и воззваніе къ рабочимъ были составлены Бугровымъ и найдены у него при обыскахъ въ рукописяхъ.

Изъ упомянутыхъ рабочихъ у Павлова и Шпіонова обнаружены разныя нелегальныя изданія. Снабженіемъ кружка преступной литературой занимался Бабушкинъ, доставлявшій изъ Москвы сочиненія, трактующія преимущественно объ измѣненіи существующаго въ Россіи государственнаго строя.

Затѣмъ установлено, что крестьянинъ Максимъ Рудаковъ**) возбуждалъ мѣстныхъ рабочихъ противъ хозяевъ, подстрекая ихъ къ стачкамъ. Рудаковъ до привлеченія къ дознанію скрылся.

Въ началѣ 1902 г. было замѣчено, что возвратившійся въ с. Кохму, Шуйскаго уѣзда, изъ административной высылки крестьянинъ Иванъ Китаевъ сталъ вновь заниматься пропагандою среди рабочихъ, подговаривая къ тому же и другихъ. Поэтому

---

*) Привлекался къ дознанію въ Петербургѣ въ 1897 г. по дѣлу о „Группѣ народовольцевъ“.

**) Рудаковъ и Бабушкинъ привлекались въ 1897 г. къ дознаніямъ въ Петербургѣ, а Бабушкинъ, кромѣ того, привлеченъ и въ Екатеринославѣ.

25-го января 1902 г. были произведены обыски заподозрѣнныхъ лицъ, причемъ у Алексѣя Кувенева, Василія Шапкина, Григорія Афонина, Александра Кирякина и Ивана Ноговицына обнаружены разныя преступныя сочиненія, большею частію изданныя редакціею газеты «Искра».

Дознаніемъ вполнѣ установлено, что въ 1901 и началѣ 1902 гг. въ с. Кохмѣ и г. Иваново-Вознесенскѣ образовались тайные кружки, съ цѣлью пропаганды соціалъ-демократическихъ принциповъ среди мѣстныхъ рабочихъ. Агитація велась, какъ устно, такъ и посредствомъ соціалистической литературы, проповѣдующей измѣненіе современнаго государственнаго строя въ Россіи и возбуждающей рабочихъ къ волненіямъ и стачкамъ. Въ с. Кохмѣ такой кружокъ былъ составленъ упомянутымъ Китаевымъ и Игнатомъ Найденовымъ, а членами его были: Алексѣй Тюринъ, Флегонтъ Шибаевъ, Поликарпъ Трупиковъ, Александръ Евстроповъ, Иванъ Яревицынъ, Федоръ Щаповъ, Сергѣй Мольковъ, Ефимъ Сотинъ, Константинъ Серебрянниковъ и названные Кувеневъ и Афонинъ. Кружокъ этотъ имѣлъ тѣсную связь и общаго руководителя съ иваново-вознесенскимъ кружкомъ, который былъ организованъ Николаемъ Панинымъ. Къ этому кружку принадлежали: Дмитрій и Василій Шубины, Клавдія Кирякина, Степанъ Лисинъ, Елизавета Володина, Гавріилъ Гужовъ, Иванъ Коротковъ, Иванъ Семенухинъ, Осипъ Куреневъ, Михаилъ Красильниковъ, Василій Кузнецовъ, Федоръ Скворцовъ, Василій Маевъ, Дмитрій Розовъ, Владиміръ Бардовъ, Марія Дьяченко, Иванъ Котоминъ, Абрамъ Франкфуртъ, Екатерина Іевлева*) и упомянутые Афонинъ, Шапкинъ и Кирякинъ. Почти всѣ они занимались распространеніемъ преступной литературы не только между своими товарищами, но и во всемъ обширномъ районѣ сосѣднихъ фабрикъ.

Несмотря на описанную ликвидацію тайныхъ рабочихъ кружковъ въ Иваново-Вознесенскомъ раіонѣ, весною 1902 г они стали вновь формироваться. 26 мая, вблизи г. Иваново-Вознесенска, произошла сходка выборныхъ Иваново-Вознесенской соціалъ-демократической партіи на которой читали нелегальныя изданія, обмѣнивались ими и обсуждали вопросы дальнѣйшей пропаганды въ означенномъ раіонѣ.

Разслѣдованіе обнаружило, что основали новое сообщество рабочіе Михаилъ Красильниковъ и Дмитрій Розовъ. По освобожденіи ихъ изъ-подъ стражи по предыдущему дознанію, они рѣшили продолжать свою прежнюю дѣятельность и, при энергичномъ содѣйствіи Алексѣя Киселева, начали устраивать среди рабочихъ кружки, въ которыхъ велась пропаганда по обычной системѣ всѣхъ подобныхъ организацій. Къ числу наиболѣе активныхъ чле-

*) Изъ названныхъ обвиняемыхъ ранѣе привлекались къ дознаніямъ Тюринъ и Китаевъ во Владимирѣ въ 1898 г., Найденовъ тамъ же—въ 1901 г., Александръ Кирякинъ и Володина—тамъ же въ 1900 г., Розовъ тамъ же—въ 1901 г., Коротковъ и Семенухинъ—въ 1901 г. въ Ярославлѣ, и Панинъ въ 1897 г. въ Петербургѣ и въ 1902 г.—въ Москвѣ (см. 36 стр. настоящаго обзора).

новъ сообщества принадлежали Дмитрій Скороходовъ и Михаилъ Муловъ, а затѣмъ въ составѣ его находились: Василій Федоровъ и Василій Петровъ Кузнецовы, Василій Шапкинъ, Александръ Андроновъ, Иванъ Воробьевъ, Василій Малковъ, Борисъ Дмитріевъ, Степанъ Червяковъ, Михаилъ Лебедевъ, Александръ Начинкинъ, Никифоръ Сотовъ и Иванъ Соловьевъ. Принадлежность къ кружку Владимира Бардова, Федора Бондырева, Сергѣя Касаткина и Петра Козлова разслѣдованіемъ не доказана; но первые двое распространяли подпольныя изданія въ рабочей средѣ, а Касаткинъ и Козловъ хранили у себя подпольную литературу.

Г. Кострома. Въ ночь на 1 января 1902 г. по г. Костромѣ были разбросаны гектографированныя прокламаціи отъ имени «Костромского комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» «Къ костромскимъ рабочимъ». Имъ предлагалось распространять среди товарищей революціонныя сочиненія, устраивать кассы на случай стачекъ и «съ краснымъ знаменемъ начать борьбу съ давящимъ ихъ царскимъ правительствомъ». 19 февраля въ городѣ вновь появились воззванія того же «комитета», съ указаніемъ, что при освобожденіи крестьянъ, вслѣдствіе малыхъ надѣловъ земли они попали въ «кабалу» къ фабрикантамъ. Чтобы избавиться отъ нея, рабочіе должны «тѣсно сплотиться въ дружную семью и добиться политической свободы путемъ упорной борьбы съ правительствомъ».

По обыскамъ у заподозрѣнныхъ въ пропагандѣ лицъ были обнаружены разныя нелегальныя изданія и прокламаціи у сотрудника статистическаго бюро Константина Невзорова, почетнаго гражданина Сергѣя Думаревскаго и крестьянина Алексѣя Ячменникова*).

Разслѣдованіемъ выяснено, что нѣкоторые изъ служившихъ въ статистическомъ бюро костромской губернской земской управы составляли обособленный кружокъ и часто собирались при конспиративной обстановкѣ. По обыску у намѣченныхъ лицъ найдено: 1) у Тихона Попова — обширная переписка, свидѣтельствующая о его политической неблагонадежности, и гектографъ; 2) у Семена Колокольцова—письмо съ сообщеніемъ, въ тенденціозной формѣ, о волненіяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Казани; 3) у Николая Граціанскаго—три нелегальныхъ брошюры, письмо его къ женѣ конспиративнаго содержанія и автобіографія, указывающая на принадлежность Граціанскаго къ тайному кружку, и 4) у Александра Заварина— типографскій станокъ и болѣе $2^1/_2$ пудовъ шрифта.

Вскорѣ послѣ этихъ обысковъ офицерамъ квартирующихъ въ г. Костромѣ войскъ были разосланы воззванія «Къ интеллигенціи», приглашавшія къ пожертвованіямъ въ пользу политическихъ заключенныхъ—«жертвъ царящаго у насъ азіатскаго самодержавія», какъ сказано въ прокламаціяхъ. Адресъ на конвертахъ,

*) Ячменниковъ привлекался въ 1897 г. къ дознанію въ Петербургѣ.

по заключенію экспертизы, написанъ почеркомъ служившей въ означенномъ статистическомъ бюро Маріи Александровой.

Затѣмъ, въ ночь на 1 мая 1902 г., полиціей былъ задержанъ сотрудникъ упомянутаго статистическаго бюро Алексѣй Загайный, въ то самое время, когда онъ разбрасывалъ по улицамъ прокламаціи, коихъ 89 экземпляровъ оказалось у него и въ карманѣ. Загайный объяснилъ, что въ качествѣ члена «Костромского комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» онъ принималъ участіе въ пропагандѣ этого сообщества среди мѣстнаго населенія, и что выработанный «комитетомъ» текстъ прокламаціи онъ размножилъ на гектографѣ, но никакихъ дальнѣйшихъ объясненій дать не пожелалъ.

Послѣдующимъ дознаніемъ обнаружено, что упомянутые Заваринъ, Загайный, Колокольцовъ, Александрова и Хаимъ Вайсманъ состояли членами образовавшагося въ 1901 г. въ Костромѣ «Комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи»; изъ нихъ Загайный и Александрова гектографировали воззваніе этого «комитета» и разбрасывали ихъ по городу, а Александрова разсылала ихъ по почтѣ. Вайсманъ, съ подложнымъ паспортомъ на имя мѣщанина Волоха, поселился въ Костромѣ для печатанія изданій названнаго «комитета» на типографскомъ станкѣ, хранившемся у Заварина. У Колокольцова происходили собранія «комитета» для обсужденія пріемовъ агитаціи и устройства стачекъ; онъ же скрывалъ у себя Вайсмана, зная хорошо цѣль, для которой тотъ прибылъ въ Кострому. На сходкахъ у Колокольцова почти всегда присутствовали Федоръ Коротаевъ и Михаилъ Удаловъ, которые возбуждали рабочихъ во время стачки на фабрикѣ Зотова.

Геннадій Прянишниковъ, Николай Родіоновъ, Дмитрій Катковъ и упомянутые Невзоровъ, Граціанскій и Поповъ, не составляя организованной партіи, принадлежали къ кружку лицъ, распространявшихъ среди рабочихъ г. Костромы соціалъ-демократическія ученія, причемъ Поповъ, Невзоровъ и Граціанскій имѣли у себя нелегальныя сочиненія, которыя найдены также и у Семена Кондратьева, Сергѣя Смирнова, Екатерины Удаловой и упомянутаго Ячменникова.

Затѣмъ, обвиняемые Александръ Гинзбургъ, Ипполитъ Сабанѣевъ и Артемій Мушенко оказались по дознанію вполнѣ неблагонадежными въ политическомъ отношеніи, хотя принадлежность ихъ къ какимъ-либо тайнымъ кружкамъ осталась недоказанною.

Г. Нижній-Новгородъ. Съ 1901 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ стали появляться разныя преступныя воззванія, озаглавленныя: «Къ Нижегородскому обществу», «Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ», «Къ русскимъ товарищамъ—рабочимъ отъ центральнаго комитета», «Резолюція сходки учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ» и т. п. Въ первыхъ числахъ мая 1902 г. появились воззванія, приглашавшія рабочихъ къ устройству демонстраціи 5 мая. Въ указанный день и часъ, дѣйствительно, собралась значительная группа, которая, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и криками «долой

самодержавіе», двинулась по улицѣ, выставивъ красное знамя. Вскорѣ, однако же, полиціи удалось окружить толпу и задержать нѣсколько ли ъ, выдѣлявш хся своимъ поведеніемъ.

Дознаніемъ установлено, что бывшій студентъ Сергѣй Моисеевъ, дочь священника Надежда Синева и домашняя учительница Анна Доброхотова 5 мая появились на улицѣ въ одеждѣ простолюдиновъ и вскорѣ вокругъ нихъ, по свистку, собралось около 30 человѣкъ; находившіеся при этомъ: сынъ чиновника Борисъ Альбицкій, бывшій студентъ Константинъ Дертевъ, дочь купца Анна Кислова и казачка Таисія Лѣнивова обращались къ гулявшей на бульварѣ публикѣ, приглашая ее присоединиться къ манифестантамъ. Мастеровой Гавріилъ Михайловъ вынулъ изъ кармана красный флагъ съ надписью «долой самодержавіе» и, съ помощью Вульфа Лубоцкаго, укрѣпилъ его на древкѣ, послѣ чего собравшіеся пошли съ пѣніемъ извѣстной пѣсни «Собирайся, рабочій народъ, подъ знамя свободы». Во время шествія толпы Лубоцкій вынулъ и изъ кармана и разбросалъ пачку воззваній, которыя были подняты чинами полиціи. Изъ числа демонстрантовъ, кромѣ названныхъ лицъ, обращали на себя вниманіе: сынъ діакона Михаилъ Георгіевскій, студентъ Николай Смирновъ, сынъ священника Александръ Никольскій, запасный канониръ Петръ Аненковъ, крестьянинъ Василій Софроновъ и мѣщанинъ Василій Плехановъ.

Упомянутыя лица продолжали пѣть и послѣ ихъ задержанія, а Моисеевъ нѣсколько разъ обращался къ нижнимъ чинамъ караула, говоря: „и вы, русское войско, противъ насъ,—не смотрите на этихъ грабителей—полицейскихъ, а не лучше ли—долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода! черезъ два года вы будете такими же крестьянами, какъ и были, а мы всецѣло проливаемъ кровь за крестьянъ и рабочій народъ». Затѣмъ Синева, Доброхотова, Лѣнивова, Кислова, Дертевъ и Моисеевъ, до размѣщенія ихъ по камерамъ, кричали солдатамъ: «зачѣмъ вы насъ окружили? бросьте ружья: неужели вы будете стрѣлять въ насъ—вашихъ братьевъ? Вѣдь вы—крестьяне, а мы стараемся для народа. Насъ заставляютъ работать по 12 часовъ въ сутки, а мы хотимъ работать по 8». При дознаніи Моиссевъ, Дертевъ, Георгіевскій Доброхотова и Синева отъ всякихъ объясненій отказались, другіе же обвиняемые дали уклончивыя показанія.

Въ концѣ 1901 г., въ с. Сормовѣ, Балахнинскаго уѣзда, и на сормовскихъ заводахъ, разновременно были найдены преступныя воззванія къ рабочимъ. Съ наступленіемъ 1902 г. появленіе прокламацій возросло, особенно съ приближеніемъ 1 мая, когда листки стали разбрасываться нѣсколькими сотнями. Воззванія заключали въ себѣ извращенное описаніе событій изъ фабричной и студенческой жизни, и, крайне дерзко отзываясь о самодержавной власти—побуждали всѣхъ рабочихъ стремиться къ измѣненію современнаго строя.

Обиліе упомянутыхъ листковъ и подпольныхъ газетъ вызвало 1 мая въ с. Сормовѣ тревожное настроеніе, усиленное еще и тѣмъ, что нѣкоторые рабочіе, дня за три до этого, получили приглаше-

ніе своихъ товарищей бросить работу. Въ 3-мъ часу пополудни стали появляться группы рабочимъ, изъ которыхъ выдѣлялся своимъ поведеніемъ Осипъ Матвѣичевъ, кричавшій «да здравствуетъ политическая свобода». По его задержаніи, у него въ карманѣ оказалось воззваніе „Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ", отпечатанное журналомъ „Искра" съ цѣлью вызвать демонстрацію 1 мая. Почти въ то же время было замѣчено, что Петръ Шишкинъ, переходя отъ одной группы къ другой, повидимому, дѣлалъ какія-то указанія, послѣ чего Иванъ Сутягинъ, Егоръ Наумовъ и Михаилъ Богатыревъ начинали кричать «да здравствуетъ политическая свобода». Приблизительно черезъ часъ, мастеровой Иванъ Шибаевъ, размахивая краснымъ платкомъ, привязаннымъ къ палкѣ, закричалъ: «сюда собирайтесь», и вскорѣ образовалась толпа до 2000 человѣкъ, изъ которыхъ раздавались свистъ, брань и крики: «долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода». Между тѣмъ, возбужденіе толпы росло, и оскорбленія наносились не только полиціи, но подвергся глумленію и проходившій съ иконою священникъ.

По окончаніи на заводѣ работъ, сборище быстро увеличилось и образовало общую толпу, которая, выкинувъ нѣсколько красныхъ платковъ, двинулась по улицѣ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и криками: «долой царя, да здравствуетъ политическая свобода». Впереди толпы шли: Михаилъ Самылинъ руководившій пѣніемъ, Алексѣй Быковъ, Петръ Заломовъ, Петръ Дружкинъ и упомянутый Наумовъ.

Спустя нѣкоторое время надъ толпой появилось красное знамя, которое несли Яковъ Полозовъ, Заломовъ и Дружкинъ. Часть буйной толпы направилась къ заводской конторѣ и, выбивъ оконную раму, стала выбрасывать на улицу дѣла и книги, а другая, послѣ неудачной попытки проникнуть на заводъ—снова собралась на улицѣ, продолжая кричать „долой самодержавіе". Вызванную полиціей часть войскъ буяны встрѣтили наступленіемъ, но вслѣдъ затѣмъ они были окружены, причемъ задержаны: Михаилъ Тимофѣевъ, Василій Милютинъ, Яковъ Загаринъ, Сергѣй Пасхинъ и названные Заломовъ и Дружкинъ.

Дознаніемъ установлено, что главными дѣятелями по осуществленію описанной демонстраціи были упомянутые: Заломовъ, Алексѣй Быковъ, Наумовъ, Дружкинъ, Богатыревъ, Михаилъ Самылинъ, Сутягинъ, Милютинъ, Тимофѣевъ, Шибаевъ, Полозовъ, Загаринъ, Пасхинъ, а также Алексѣй Ляпинъ, онъ же Буренкинъ, Василій Солдатовъ, Никифоръ Фроловъ и Михаилъ Быковъ. Изъ остальныхъ 11 лицъ Василій Самылинъ, Михаилъ Громовъ, Михаилъ Федоревъ, Петръ Шишкинъ, Павелъ Федоровъ, Дмитрій Углевъ, Алексѣй Барановъ, Наталія Вавилова и Александра Коржавина, хотя и участвовали в безпорядкахъ, но участіе ихъ проявилось не въ столь рѣзкой формѣ. Наконецъ, Константинъ Жузговъ и названный Матвѣичевъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, приняли кратковременное участіе въ манифестаціи:

Жузговъ—приглашеніемъ «постоять за свободу», а Матвѣичевъ—приведеннымъ выше крикомъ.

1 іюня 1902 г. въ с. Лысковѣ, къ мѣстному исправнику явился крестьянинъ Яковъ Полозовъ и, представивъ 11 воззваній центральнаго комитета «Бунда», заявилъ, что всѣ эти прокламаціи онъ получилъ въ с. Сормовѣ отъ мастера Дмитрія Углева*), который состоитъ представителемъ тайнаго кружка рабочихъ и просилъ раздать листки. Приэтомъ Полозовъ назвалъ нѣсколько мастеровыхъ, принадлежащихъ къ разнымъ тайнымъ кружкамъ въ Сормовѣ, при посредствѣ которыхъ была тамъ устроена демонстрація 1 мая. Дознаніемъ, однако же, не добыто фактовъ, несомнѣнно удостовѣряющихъ принадлежность указанныхъ Полозовымъ лицъ къ преступному сообществу; разъяснить же неопредѣленность его объясненій въ этомъ смыслѣ не представилось возможнымъ, такъ какъ онъ скрылся и до конца дознанія остался неразысканнымъ. Тѣмъ не менѣе, разслѣдованіемъ установлено, что обвиняемые Константинъ Андреевъ, Василій Рогалевъ, Иванъ Азаровъ и упомянутый Углевъ занимались распространеніемъ преступныхъ изданій, а Иванъ Герасимовъ хранилъ у себя таковыя.

Г. Пенза. Въ мартѣ 1902 г. среди крестьянъ Пензенской губерніи появились въ большомъ количествѣ гектографированныя брошюры, озаглавленныя «Письмо ко всему русскому народу»; въ этой же брошюрѣ находились статьи: «Уставъ крестьянскаго союза», «Братство для защиты народныхъ правъ» и «Черноземныя полосы Россіи». Почти одновременно были распространены преступныя воззванія между нижними чинами 216 Инсарскаго резервнаго баталіона и въ пензенскомъ художественномъ училищѣ.

Дознаніе выяснило, что въ городѣ Пензѣ существовало тайное сообщество, стремившееся подготовить измѣненіе современнаго государственнаго строя въ Россіи. Съ этою цѣлью были распространяемы между крестьянами, въ войскахъ и въ другихъ слояхъ общества брошюры и воззванія, доказывающія, что всѣ лишенія трудящихся классовъ происходятъ отъ самодержавной власти. Къ означенному сообществу принадлежали: Алексѣй Добромысловъ, Михаилъ Черновъ, Ааронъ Найдичъ, Александръ Гумилевскій, Алексѣй Архангельскій, Анна Соколова, Федоръ Чудовъ, Николай Студенцовъ, Федоръ Виноградовъ, Иванъ Пятновъ и Александра Попова; изъ нихъ Черновъ, Найдичъ и Гумилевскій воспроизводили, разбрасывали, разсылали и лично передавали упомянутыя преступныя изданія, Архангельскій распространялъ ихъ среди крестьянъ, а Соколова—въ пензенскомъ епархіальномъ училищѣ. Затѣмъ Викторъ Милидѣевъ, Егоръ Жиринъ, Иванъ и Василій Альшины, Федоръ Комиссаровъ, Никита Посадсковъ

*) Углевъ и Полозовъ, по привлеченіи къ дознанію о демонстраціи въ Сормовѣ, содержались подъ стражей, а затѣмъ были освобождены съ отдачею подъ особый надзоръ полиціи.

и Василій Шалавинъ хранили и передавали другимъ лицамъ разные противоправительственные книжки и листки.

Г. Пермь. Въ августѣ 1902 г. были получены указанія, что въ с. Торговижскомъ, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи, существуетъ тайный кружокъ изъ 70-ти членовъ, распространяющій въ народѣ противоправительственныя сочиненія.

По дознанію установлено, что въ началѣ 1902 г. въ названномъ селѣ образовалось сообщество, для возбужденія мѣстнаго населенія къ борьбѣ съ существующимъ государственнымъ порядкомъ. Организаторами этого сообщества были: агрономъ Федоръ Мальцевъ, сельскій адвокатъ Арефій Гладкихъ, фотографъ Парфенъ Башкирцевъ, Василій и Григорій Чистяковы, Севастьянъ Пономаревъ, Михаилъ Бобинъ, Алексѣй Гладкихъ и братья Иванъ и Осипъ Волковы. Пропаганда велась посредствомъ распространенія нелегальныхъ сочиненій*), изъ коихъ нѣкоторыя были отпечатаны Мальцевымъ и Василіемъ Чистяковымъ. Затѣмъ, непосредственною раздачею подпольныхъ изданій занимались: Павелъ Ряпасовъ, Маркелъ Жареновъ, Ефимъ Лузгинъ, Григорій Вечтомовъ, Василій Шестаковъ и Матвѣй Захаровъ.

Прикосновенность къ упомянутому кружку остальныхъ обвиняемыхъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, дознаніемъ не подтвердилась, но обнаружено, что крестьянинъ Иванъ Крашенинниковъ распускалъ среди сельскаго населенія вредные въ политическомъ отношеніи слухи.

Г. Кіевъ. Въ обзорахъ дознаній за 1900 и 1901 г. **) было сказано, что одна изъ болѣе обширныхъ и хорошо обставленныхъ революціонныхъ группъ— «Искра»,—по своей программѣ соціалъ-демократическая, — признала это направленіе несоотвѣтствующимъ ни времени, ни росту русскаго противоправительственнаго движенія. Вслѣдствіе этого, представители «Искры» рѣшили широко развить въ Россіи политическую пропаганду съ девизомъ «долой самодержавіе», и для воспитанія народныхъ массъ въ такомъ направленіи, кромѣ обычныхъ пріемовъ, рекомендовали возможно частыя уличныя демонстраціи. Въ этихъ видахъ предприняты были мѣры подчинить вліянію «Искры» дѣйствовавшіе въ Имперіи «комитеты» такъ называемой «Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», ближе другихъ организацій подходившіе къ идеаламъ «Искры». Для переговоровъ по этому поводу была послана въ Кіевъ Августа Кузнецова, но миссіи своей она не выполнила, такъ какъ положеніе въ то время «Кіевскаго комитета» не отвѣчало задуманнымъ планамъ. Ослабленный апрѣльскими арестами 1901 г., потерявъ тогда лучшія силы свои и благоустроенную типографію, «комитетъ» страдалъ еще и отъ внутреннихъ раздоровъ: новые члены его настаивали на болѣе энергичной дѣятельности, тогда какъ старые, боясь новаго погрома— рекомендовали

*) Какъ напримѣръ: „Хитрая механика“, журналъ „Свобода“, „Мститель“, газета „Революціонная Россія“, „Крестьянское житье“ и другія.

болѣе осторожности и конспираціи. Расколъ этотъ кончился тѣмъ, что большинство членовъ «комитета» вышло изъ его состава, образовавъ новую группу, подъ именемъ «Рабочей воли», и хотя „комитетъ“ скоро пополнился, но разногласія не улеглись, и перевѣсъ все-таки оставался за сторонниками болѣе активной дѣятельности.

Вскорѣ, однако же, „Кіевскій комитетъ“ сталъ наглядно проявлять усиленную дѣятельность, буквально наводняя городъ своими прокламаціями и изданіями „Искры“. Тѣмъ не менѣе, лишь послѣ весьма продолжительнаго наблюденія удалось выяснить, что наиболѣе энергичными членами названнаго сообщества были: окончившій курсъ Кіевскаго университета Викторъ Крохмаль, дантистъ Іосель Шнапиръ и ветеринарный врачъ Владимиръ Бобровскій. Отъ нихъ наблюденіе послѣдовательно охватило до двухсотъ лицъ, состоявшихъ съ ними въ конспиративныхъ сношеніяхъ, причемъ были получены несомнѣнныя указанія на ихъ подпольную работу.

2 февраля 1902 г. въ Кіевѣ произошли серьезные уличные безпорядки, причемъ надъ толпою были подняты красные флаги съ надписями: „долой самодержавіе“, „долой властей“. Своимъ поведеніемъ въ этой демонстраціи выдѣлялись: мѣщанинъ Іосифъ Басовскій, чиновникъ контрольной палаты Николай Розумъ, крестьянинъ Іосифъ Платоновъ, студентъ кіевскаго университета Федоръ Мирошниковъ, крестьянинъ Григорій Куринной и Сергѣй Нетесинъ. Кромѣ этихъ лицъ, наканунѣ безпорядковъ были арестованы Мовша Гутникъ и Станиславъ Сипайло во время расклеиванія ими прокламацій, призывавшихъ къ уличной демонстраціи.

При задержаніи Басовскій*) не хотѣлъ назвать своей фамиліи, а затѣмъ назвался Шрифтейликомъ и не пожелалъ указать своей квартиры. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя была установлена, и хозяинъ дома призналъ въ Басовскомъ своего квартиранта, извѣстнаго ему подъ фамиліей Восходовскаго. У него найдено нѣсколько чемодановъ съ двойнымъ дномъ, въ которыхъ обыкновенно провозится нелегальная литература, и на одномъ изъ нихъ сохранились бумажныя марки, указывающія, что кладь шла изъ Шарлоттенбурга на Берлинъ, черезъ Александрово и Варшаву—въ Кіевъ. Затѣмъ, у Басовскаго оказалось пять подложныхъ печатей и штемпелей различныхъ учрежденій, нѣсколько чужихъ видовъ на жительство и чистыхъ паспортныхъ бланковъ, а также—до 5000 экземпляровъ различныхъ изданій „Искры“ и нѣкоторыхъ другихъ организацій. Тутъ же найдено полное собраніе всѣхъ воззваній, выпущенныхъ „Кіевскимъ комитетомъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“. Въ партіи Басовскій назывался конспиративной кличкой „Дементьевъ“.

---

*) Басовскій два раза привлекался къ дознаніямъ, и въ 1900 г. отданъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Херсонѣ на 3 г., откуда бѣжалъ, но былъ задержанъ на границѣ, послѣ чего вновь скрылся, перейдя на нелегальное положеніе.

Случайный и нѣсколько преждевременный арестъ Басовскаго, при необходимости обыска у другихъ задержанныхъ во время демонстраціи—сдѣлалъ неизбѣжною ликвидацію всего наблюденія, и 9 февраля въ Кіевѣ были задержаны: дворянка Софія Афанасьева, студентъ Иванъ Валяльщиковъ, мѣщанинъ Левикъ Гальперинъ, студентъ Рувимъ Гальперинъ, Давидъ Горовицъ, Ревекка Горовицъ, Ицко Жуковскій, Фани Конторовичъ, Макаръ Куровскій, Глафира Окулова, Станиславъ Павликовскій, Израиль Рабиновичъ, Айзикъ Родинъ, Маріамъ Спекторъ, Шлема Урицкій, Евгенія Шестакова и названный Викторъ Крохмаль. Кромѣ того въ Москвѣ были арестованы Александръ Хлыновъ и упомянутые Шнапиръ и Бобровскій*).

При обыскѣ въ квартирѣ Крохмаля, кромѣ множества книгъ, брошюръ и прокламацій преступнаго содержанія, обнаружено большое количество рукописей революціоннаго характера, приготовленныхъ къ печати, и черновой отчетъ о денежныхъ оборотахъ «Кіевскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» съ пояснительной къ нему запиской, изъ коей видно, что «комитетомъ» распространено отъ имени партіи свыше 20.000 изданій и прокламацій. Всѣ рукописи писаны почеркомъ Крохмаля, точно такъ же, какъ и огромное количество оказавшихся у него конспиративныхъ адресовъ и замѣтокъ. Одну изъ такихъ замѣтокъ онъ успѣлъ вырвать и проглотить во время обыска; но и оставшіяся свѣдѣнія даютъ яркое представленіе о размѣрахъ революціонной дѣятельности Крохмаля, называвшагося въ партіи конспиративною кличкою «Красавецъ».

Съ петербургской группой «Искры» Крохмаль сносился по адресамъ домашней учительницы Анны Казанцевой и слушательницы медицинскихъ курсовъ Надежды Рашевской, а изъ писемъ жены технолога Любови Радченко видно, что Крохмаль выслалъ ей громадные транспорты нелегальной литературы. Такъ онъ единовременно долженъ былъ выслать ей 20 пудовъ различныхъ изданій, и, когда заказъ этотъ къ сроку не былъ исполненъ, Радченко просила его прислать хоть половину, «5 пудовъ въ Псковъ, а квитанцію на Питеръ, и 5 пудовъ прямо сюда».

Съ Москвою Крохмаль велъ сношенія черезъ мѣщанку Елизавету Уварову, женщину-врача Ольгу Славину, она же Санина, дочь чиновника Марію Стеллецкую, домашнюю учительницу Надежду Сипатовскую, дочь чиновника Юлію Рукину, дочь купца Любовь Павлову, урожденную Нижегородцеву, и мѣщанина Павла Ногина. Одни изъ этихъ адресовъ предназначались только для писемъ, а другіе—для явокъ къ крупнымъ представителямъ организаціи. Противъ многихъ адресовъ у Крохмаля записаны тѣ пароли и лозунги, безъ обмѣна которыми, даже зная адресъ, нельзя было добиться личнаго свиданія съ выдающимися дѣятелями группы. Въ письменныхъ сношеніяхъ Крохмаль точными адресами

*) Изъ нихъ раньше привлекались къ дознаніямъ: Левикъ Гальперинъ—въ 1898 г. и Рабиновичъ—въ 1900 г., оба—въ Кіевѣ; Спекторъ—въ Варшавѣ и Хлыновъ—въ Петербургѣ.

никогда не пользовался, а всегда писалъ по адресамъ подставныхъ лицъ, которыя должны были передавать его письма настоящему адресату. Самъ онъ получалъ конспиративныя письма только черезъ посредство третьихъ лицъ, причемъ эти письма всегда писались химическимъ способомъ и, сверхъ того, наиболѣе важное шифровалось разными ключами.

Съ Харьковомъ Крохмаль сносится черезъ дочь купца Евгенію Шестакову, дворянку Марію Манучарову *) и Бѣлякова; онъ поддерживалъ тамъ связи и съ извѣстнымъ Сергѣемъ Харченко, у котораго былъ обнаруженъ зашифрованный адресъ Крохмаля, а также—съ лицомъ, оставшимся невыясненнымъ и называвшимся конспиративною кличкою «Паши». Когда порвались непосредственныя сношенія Харькова съ кишиневскою тайною типографіей, называвшеюся въ партіи «Акимомъ», то сношенія эти возложены были на Крохмаля, и литература посылалась черезъ его посредство, о чемъ онъ былъ своевременно извѣщенъ письмомъ изъ Харькова, въ которомъ сообщалось, что сношенія съ «Акимомъ» остались «исключительно» на его Крохмаля «долю». Послѣ задержанія въ Харьковѣ отправленнаго туда Басовскимъ транспорта статьи «Начало демонстрацій», Крохмаль получилъ изъ Харькова письмо, въ которомъ ему писали: «вашъ грузъ арестованъ на вокзалѣ, никто не взятъ, посылайте въ другой разъ съ человѣкомъ, что было въ грузѣ?»

Сношенія съ кишиневскою типографіей Крохмаль велъ черезъ дворянина Александра Квятковскаго **) и мѣщанку Перлю Гордонъ, по адресамъ учителя Абрама Баневура и акушерки Нехамы Гаусанской.

Для Одессы у Крохмаля, вѣроятно, было много адресовъ, изъ коихъ уцѣлѣлъ лишь Фани Ицковичъ. Въ Одессу Крохмаль также посылалъ много нелегальныхъ изданій, что видно изъ осмотра груза, отправленнаго туда единовременно съ харьковскимъ: въ кладѣ оказалось 1 пудъ 5 фунтовъ той же статьи «Начало демонстрацій»; транспортъ этотъ въ Одессѣ получили мѣщане Рефулъ Янкелевичъ и Мотля Ходосъ.

Съ г. Вильной Крохмаль сносился при посредствѣ Іоселя Таршиса, явочный адресъ котораго обнаруженъ въ записяхъ Крохмаля, и, наконецъ, съ г. Николаевымъ онъ велъ сношенія по адресу сестеръ Анеты и Брухи Вонскихъ и Бориса Токаря.

Затѣмъ, въ числѣ корреспонденціи, адресованной въ Кіевъ на имя лицъ, привлеченныхъ къ разнымъ дознаніямъ, оказались нѣсколько писемъ помощнику присяжнаго повѣреннаго Дижуру, которыя онъ по наружному виду не призналъ своими. При допросѣ онъ заявилъ, что письма эти подлежали передачѣ Крохмалю, а по вскрытіи ихъ обнаружено, что всѣ они написаны химическимъ способомъ, и большая часть текста ихъ зашифрована. Шифръ не разобранъ, но и по нешифрованному тексту видно, что содержаніе писемъ касается дѣлъ преступной организаціи. Письма эти отправлены: одно изъ Кракова, одно изъ Бердичева, одно изъ Бѣло-

*)Манучарова привлекалась въ 1887 г. къ дознанію въ г. Харьковѣ.
**) Квятковскій привлекался въ 1899 г. къ дознанію въ Петербургѣ.

стока, два изъ Теофиполя, отъ Бориса Мальцмана и одно — изъ Баку, съ багажной квитанціей на одно мѣсто. По полученіи съ вокзала этой клади въ ней оказались нелегальныя изданія.

При арестѣ супруговъ Бориса и Эйди Мальцманъ въ м. Теофиполѣ, въ 12 верстахъ отъ границы, у нихъ задержанъ крупный дѣятель группы «Искра» тМихаилъ Сильвинъ извѣстный въ партіи подъ конспиративной кличкой «бродяга», отъ котораго Мальцманы *) получали транспорты подпольныхъ изданій, водворяемые изъ-за границы. Съ Крохмалемъ и Басовскимъ Мальцманы вели постоянную конспиративную переписку и, повидимому, были хорошо знакомы между собою.

Къ возбужденному дознанію привлечено 105 лицъ, и всѣ они дали отрицательныя показанія, а нѣкоторыя не пожелали отвѣчать ни на какіе вопросы. Тѣмъ не менѣе, результаты обысковъ и обиліе неподлежащаго сомнѣнію слѣдственнаго матеріала дали возможность установить степень участія обвиняемыхъ въ дѣятельности названныхъ выше сообществъ. Такимъ образомъ, выяснено, что главными дѣятелями революціонной организаціи «Искра» и «комитета соціалъ-демократической рабочей партіи», кромѣ упомянутыхъ Крохмаля, Афанасьевой, Басовскаго, Бобровскаго, Левика и Рувима Гальпериныхъ, Ревекки Горовицъ, Гордонъ, супруговъ Мальцманъ, Любови Радченко, Сильвина, Тарписа, Урицкаго, Хлынова и Шкапира, были: ветеринарный врачъ Николай Бауманъ, румынскій подданный Іосифъ Блюменфельдъ, дворянка Инна Леманъ, мѣщанинъ Иванъ Любимцевъ, онъ же Тимофеевъ, служившій въ банкѣ Михаилъ Меерсонъ, учитель Айзикъ Ноткинъ, агентъ желѣзной дороги Алексѣй Петренко и мѣщанинъ Эліокумъ Пумпянскій **). Изъ остальныхъ обвиняемыхъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, одна часть была лишь подспорьемъ въ предпріятіяхъ главарей революціоннаго движенія, а дѣйствія другой—не имѣли серьезныхъ послѣдствій по независившимъ отъ обвиняемыхъ причинамъ.

Изъ числа упомянутыхъ выдающихся членовъ тайнаго сообщества особаго вниманія заслуживаетъ нелегальная дѣятельность слѣдующихъ лицъ. Афанасьева, подъ конспиративной кличкой «Елены», вела обширную переписку съ русскими эмигрантами и съ многими изъ нихъ познакомилась лично за-границей, принимая непосредственное участіе въ революціонномъ движеніи. Подъ тѣмъ же псевдонимомъ «Елены» она корреспондировала изъ Кіева въ изданія «Искры». Всю свою переписку она вела химическимъ способомъ и многое шифровала. Изъ-за границы ей давались серьезныя порученія, причемъ она знала всѣхъ дѣятелей «Искры», хотя они обозначались въ перепискѣ только кличками, какъ напримѣръ— «Грачъ», «Бродяга», «Дементьевъ», «Имя—рекъ», «Яковъ» и т. п. Кромѣ того, Афанасьева занималась устной пропагандой въ кружк-

*) Мальцманы привлекались раньше къ дознанію въ г. Одессѣ.

**) Изъ нихъ Инна Леманъ привлекалась въ 1898 г. къ двумъ дознаніямъ въ Петербургѣ, Любимцевъ—въ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

кѣ упомянутаго Айзика Родина. Изъ ея письма въ Мюнхенъ объ уличныхъ безпорядкахъ въ Кіевѣ 2 и 3 февраля, видно, какъ близко стояла Афанасьева къ рабочимъ кружкамъ и какъ она горячо приняла къ сердцу неудачу демонстраціи.

Бауманъ, извѣстный въ партіи подъ кличкой «Грача», въ 1897 г. привлекался къ дознанію въ Петербургѣ и высланъ былъ на 4 года въ Вятскую губернію, но оттуда онъ скрылся за границу, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ. Въ Россіи онъ снова появился несомнѣнно съ организаторскими цѣлями, такъ какъ, въ сравнительно короткое время побывалъ почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ Имперіи, и всюду рекомендовалъ «явки» къ «Грачу».

Давидъ и Ревекка Горовицъ, еще въ бытность свою за границей, примкнули въ Шарлоттенбургѣ къ революціоннымъ кружкамъ, сохранивъ связь съ ними и по возвращеніи въ Россію. Еще лѣтомъ 1901 года Ревекка Горовицъ сдѣлалась членомъ «Кіевскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», причемъ поддерживала оживленныя сношенія съ редакціей газеты «Искра».

При обыскахъ 15 февраля 1902 г. въ Москвѣ, у названнаго Меерсона найдено конспиративное письмо къ нему изъ Мюнхена, безусловно свидѣтельствующее о крайней близости его къ центру группы «Искра». Помимо разныхъ псевдонимовъ и условныхъ выраженій,—для Меерсона, очевидно, понятныхъ,—въ письмѣ просятъ его «съѣздить въ Нижній, Тулу, Тверь, Тамбовъ и Воронежъ, добиться отвѣта—согласны ли на редакцію листка, и о томъ, сколько экземпляровъ его потребуется». Подобное же письмо было получено на имя Меерсона уже послѣ того, какъ онъ былъ арестованъ.

Іосель Таршисъ, называвшійся въ партіи «Виленцемъ», принадлежалъ также къ наиболѣе энергичнымъ дѣятелямъ «Искры». Адресъ его, предназначенный для личныхъ явокъ, подробно записанъ у Крохмаля, съ указаніемъ хода къ нему въ квартиру. Таршису давались серьезныя порученія относительно возстановленія связей послѣ арестовъ, о чемъ прямо упоминается въ письмѣ нѣкой «Кати» изъ Мюнхена. При задержаніи онъ назвался Моисеемъ Хигринымъ, предъявивъ подложный паспортъ на это имя.

Послѣ означенныхъ арестовъ, 9 февраля 1902 г. въ гор. Кіевѣ, уцѣлѣвшіе остатки мѣстной группы „Искры“ и соціалъ-демократическаго «комитета» проявили большую организаторскую дѣятельность. Въ качествѣ преемника Крохмалю, изъ Шарлоттенбурга рекомендовали упомянутаго Петренко, черезъ котораго рѣшено было возстановить связи Крохмаля какъ въ Имперіи, такъ и за границей. Вскорѣ, однако, была обнаружена цѣлая серія лицъ, сгруппировавшихся вокругъ Петренко для продолженія прерванной агитаціи, и 22 апрѣля 1902 года были задержаны: состоявшій подъ надзоромъ полиціи сынъ чиновника Иванъ Поповъ, студентъ Кіевскаго университета Максимъ Мержинскій, статистикъ Николай Образцовъ, акушерка Хана Миркина, братья Сергѣй и Діонисій Апраксины, дантистка Ида Гинсбургъ, живописецъ Сендеръ Го-

лубъ, переплетчикъ Эля Драбкинъ, наборщикъ Федоръ Кривоносъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ Мовша Лившицъ, механикъ Константинъ Юхновецъ-Юхновскій и упомянутые Петренко и Любимцевъ*). У Гинсбургъ найдено конспиративное письмо изъ-за границы «для Елены», а у Любимцева, Мержинскаго, Образцова и Драбкина оказались разныя нелегальныя изданія и прокламаціи.

Затѣмъ, въ ночь на 1-е мая 1902 г., была выяснена конспиративная квартира, въ которой раздавали всѣмъ приходящимъ туда новыя прокламаціи, съ призывомъ къ празднованію и манифестаціямъ въ день 1 мая. У нѣсколькихъ вышедшихъ оттуда людей оказались тождественныя воззванія, съ рисункомъ рабочаго, держащаго развернутое знамя. Въ самой квартирѣ, принадлежащей мѣщанкѣ Идѣ Ваксманъ, повидимому, была собрана сходка, изъ участниковъ которой привлечены къ дознанію: Янкель Барбель, Эстеръ Воробейчикъ, Рахиль Дымшицъ, Блюма Маршова, Айзикъ Ноткинъ, Сарра Перчикъ, Самуилъ Поляевъ, Эліокумъ Пумпянскій, Вигдоръ Мышкинъ, Іосель Портной, Янкель Фейгинъ, Фома Качуръ**), Голда Штутина, Хаимъ Врубель и упомянутая Ваксманъ. Изъ нихъ у Пумпянскаго найдено 179 экземпляровъ упомянутыхъ майскихъ прокламацій, а у Ваксманъ—воззванія «Гомельскаго соціалъ-демократическаго комитета» и переписка, указывающая на сношенія ея съ «столяромъ Айзикомъ», т. е. названнымъ выше Родинымъ, и выдающимся революціонеромъ Болеславомъ Плескимъ, привлеченнымъ къ дѣлу о «Кіевскомъ комитетѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ».

Обвиняемые: Крохмаль, Левикъ Гальперинъ,, Басовскій, Борисъ Мальцманъ, Бауманъ, Блюменфельдъ, Бобровскій, Инна Леманъ и Таршисъ, содержавшіеся во время дознанія въ кіевской тюрьмѣ, бѣжали оттуда, а Любовь Радченко, Израиль Новоселокъ, Барбель, Ваксманъ, Эля Капустинъ, Портной, Пумпянскій, Ноткинъ, Перля Гордонъ, Хася Павловская и Аврамъ Бѣльскій, по освобожденіи изъ-подъ стражи отданные подъ особый надзоръ полиціи—скрылись.

Характеръ студенческаго движенія въ г. Кіевѣ 1901 и 1902 гг. всецѣло опредѣлялся рѣшеніями, принятыми въ университетѣ св. Владимира «Кіевскимъ союзнымъ совѣтомъ объединенныхъ землячествъ и организацій» и въ Политехническомъ институтѣ—«организаціоннымъ комитетомъ Кіевскаго политехническаго института». Воззванія этихъ организацій настойчиво приглашали учащуюся молодежь къ борьбѣ съ правительствомъ, открыто признавая, что цѣль студенческаго движенія вполнѣ совпадаетъ съ чисто революціонною программою другихъ тайныхъ сообществъ.

Проявленіе дѣятельности названныхъ организацій выражалось общестуденческими сходками, рѣшенія которыхъ всегда носили явно политическій характеръ, оканчиваясь революціоннымъ девизомъ „долой самодержавіе“. Такой рѣзкій переходъ къ политичес-

---

*) Изъ нихъ Образцовъ ранѣе привлекался къ дознаніямъ въ Москвѣ и Кіевѣ.

**) Фома Качуръ за покушеніе на жизнь харьковскаго губернатора сосланъ въ каторжныя работы безъ срока.

ской программѣ мотивировался тѣмъ, что при существованіи „царизма“ никакія улучшенія въ общественной жизни невозможны.

Держась, однако же, въ высшей степени конспиративно, „союзный совѣтъ“ и „организаціонный комитетъ“ не всегда могли непосредственно вліять на студентовъ путемъ дебатовъ на сходкахъ. Поэтому какъ въ университетѣ, такъ и въ политехническомъ институтѣ явились представители упомянутыхъ тайныхъ организацій, изъ коихъ наиболѣе серьезное значеніе имѣли „Комитетъ нелегальныхъ старостъ“ и „Кіевская касса помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ“ (Красный Крестъ). Обѣ эти группы издавали массы преступныхъ сочиненій и прокламацій, распространяя ихъ не только среди студентовъ, но и внѣ означенныхъ учебныхъ заведеній. Видную роль въ этомъ движеніи игралъ еврейскій элементъ, требовавшій себѣ равноправія съ остальными національностями Имперіи.

Въ виду приведенныхъ данныхъ, 14 марта 1902 г. было приступлено къ дознанію о дѣятельности названныхъ тайныхъ организацій, причемъ, по результатамъ обысковъ и показаніямъ свидѣтелей, предъявлено обвиненіе студентамъ: Николаю Блинову, Владимиру Будзилевичу, Исааку Гадасевичу, Боруху Гринблату, Борису Краснопольскому, Амшею Книжнику, Вацлаву Липскому, Мирону Мамелюку, Іуліану Миткевичу, Александру Мосевичу, Ивану Орбелову, Евгенію Попперу, Виктору и Евгенію Разумовымъ, Еремѣю Розенштейну, Хаиму Рыбаку, Константину Скляренко, Григорію Стрижаку, Льву Фельдману, Петру Филиппову и Ивану Шендрику. Разслѣдованіемъ, однако же, не удалось установить принадлежности обвиняемыхъ къ „союзному совѣту“ или „организаціонному комитету“, и преступная дѣятельность ихъ сводится лишь къ участію въ сходкахъ, происходившихъ по иниціативѣ этихъ сообществъ, а также къ храненію и распространенію ихъ изданій. Послѣднихъ у Миткевича оказалось болѣе 400 экземпляровъ.

Изъ числа обвиняемыхъ Михаилъ Рѣзниковъ, Семенъ Загорскій, Рубинъ Пирадовъ и названный Евгеній Разумовъ скрылись за-границу.

Въ половинѣ августа 1902 г., крестьянинъ Василій Корень нанялъ въ г. Кіевѣ, на окраинѣ, квартиру, но не предъявилъ паспорта, а черезъ нѣсколько дней ночной сторожъ замѣтилъ, что туда, съ наступленіемъ темноты, стали собираться какіе-то люди, приходя по двое и по трое сразу. Прибывшіе по заявленію сторожа чины полиціи застали у Кореня бывшаго студента Спб. Горнаго Института Якова Завадскаго и мастеровыхъ: Мордуха Аксаметника, Лазаря Плоткина, Хаима Каца, Николая Бондаренко, Алексѣя Селезнева, онъ же Медвѣдевъ, Давида Ящука, Митродору Нестеренко, Василія Зеленина, Михаила Надворскаго и Матвѣя Рудакова*). Изъ нихъ Бондаренко, до появленія полиціи, какъ видно было черезъ окно, читалъ вслухъ какую-то книгу, а Завадскій, повидимому, объяснялъ прочитанное.

*) Изъ нихъ Завадскій привлекался въ 1899 г. къ дознанію въ С.-Петербургѣ.

Въ квартирѣ Кореня найдено нѣсколько преступныхъ брошюръ, воззваній*) и чистыхъ полулистовъ съ печатью «Кіевскаго комитета соціалъ-демократической рабочей партіи Рабочее знамя». Затѣмъ преступныя изданія обнаружены въ квартирахъ Селезнева, Бондаренко и Рудакова, а у Завадскаго оказался списокъ 17-ти лицъ, обвиняемыхъ по дознаніямъ при Кіевскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи.

Во время производства обысковъ были задержаны явившіеся въ осматриваемыя квартиры Федоръ Дятелъ, Николай Емельяновъ, Федоръ Сафроновъ и Мордухъ Кацманъ**).

Хотя всѣ вышепоименованныя лица при дознаніи дали отрицательныя показанія и виновными себя не признали, но обстоятельства дѣла, въ связи съ объясненіями свидѣтелей и результатами обысковъ—несомнѣнно убѣждаютъ, что всѣ они принадлежали къ тайному сообществу.

Что касается характера послѣдняго, то, судя по направленію литературы, печатямъ на изданіяхъ и на чистыхъ листахъ,—оно представляетъ собою остатки группы «Рабочаго знамени», слившейся окончательно съ партіей «соціалистовъ-революціонеровъ».

17-го декабря 1902 г. въ г. Житомирѣ, въ квартирѣ мѣщанина Іосифа Ратнера, задержанъ бѣжавшій изъ Варшавы новобранецъ 182 пѣхотнаго Гроховскаго полка Мордхель Розенблюмъ, причемъ въ квартирѣ этой обнаруженатайная типографія« Кіевскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ». Тамъ же арестованы работавшіе въ типографіи Іосель Розенталь и Малка Іерусалимская. При провѣркѣ личныхъ документовъ названныхъ лицъ оказалось, что Розенблюмъ проживалъ съ подложнымъ паспортомъ на имя Мойши Рѣзника, а Розенталь—съ фальшивымъ документомъ упомянутаго Ратнера.

Въ помѣщеніи типографіи оказался готовый къ печатанію наборъ прокламаціи «Ко всему русскому христіанству» и экземпляры воззваній: «Отъ рабочей партіи политическаго освобожденія Россіи», «Къ обществу», «Къ новобранцамъ», «Боевая организація соціалистовъ-революціонеровъ», «Ко всему народу русскому», «Ко всѣмъ рабочимъ», «Рѣчь Бунакова и докладъ Мартынова» и многія другія.

19-го того же декабря былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ Герши и Кунци Ройсбергъ, съ цѣлью задержанія скрывавшагося тамъ Зельмана-Янкеля Кагана, но послѣдній успѣлъ бѣжать, оставивъ въ своемъ помѣщеніи болѣе тысячи изданій названной партіи «соціалистовъ-революціонеровъ».

Первоначальное разслѣдованіе выяснило, что Каганъ руководилъ всѣми работами упомянутой типографіи, служилъ посредни-

---

*) Въ томъ числѣ „Революціонное Знамя“, „Рабочій день“, „Пауки и мухи“, приложеніе къ № 6 „Революціонной Россіи“, за подписью „Боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ и др.

**) Емельяновъ и Кацманъ подвергались въ 1902 г. аресту въ Кіевѣ по другимъ дѣламъ политическаго характера.

комъ между нею и означеннымъ «комитетомъ», и находился въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ Малкою Іерусалимской.

Послѣдующимъ дознаніемъ установлено, что подъ именемъ бѣжавшаго въ Америку Зельмана-Янкеля Кагана проживалъ въ Житомирѣ Ицка Кацъ, бывшій главою «Комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ»; онъ же былъ и составителемъ прокламаціи отъ имени «комитета», какъ это видно изъ собственноручныхъ замѣтокъ Каца. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснено, что названная типографія была поставлена «Боевою организаціей партіи соціалистовъ-революціонеровъ», исключительно для печатанія брошюръ и воззваній крайняго революціоннаго направленія, съ описаніемъ террористическихъ фактовъ и призывомъ къ рѣшительной борьбѣ. Типографія открыла свои дѣйствія въ половинѣ августа 1902 г. и работала до 17-го декабря. Розенталь, Іерусалимская и Розенблюмъ прибыли въ Житомиръ изъ Минска, но родъ дѣятельности ихъ въ этомъ городѣ остался необнаруженнымъ.

Произведенія житомирской типографіи распространялись не только отъ «волынскаго комитета», но и отъ кіевскаго, одесскаго и харьковскаго. Это подтверждается тѣмъ, что изъ Бердичева въ Кіевъ былъ доставленъ цѣлый транспортъ прокламацій, отпечатанныхъ въ Житомирѣ и задержанныхъ въ числѣ невостребованныхъ грузовъ. Разслѣдованіемъ выяснено, что грузъ этотъ былъ высланъ ученикомъ 8 класса житомирской гимназіи Дмитріемъ Филипповымъ врачу Евгенію Черняховскому *), причемъ въ письмѣ, при которомъ послана накладная, Филипповъ подписался «Николаемъ Петровымъ». Онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ упомянутою типографіей и даже снабжалъ ее, при посредствѣ Калмана Овсянника, шрифтомъ, что усматривается изъ обширной конспиративной переписки Филиппова, частью зашифрованной. У него оказалось большое количество разныхъ преступныхъ сочиненій и прокламацій, напечатанныхъ въ житомирской подпольной типографіи, съ мастичнымъ штемпелемъ «партіи соціалистовъ-революціонеровъ».

Бывшіе студенты Константинъ Рикъ и Петръ Филипповъ обратили на себя вниманіе частыми посѣщеніями дома, гдѣ находилась тайная типографія. По обыску у перваго изъ нихъ обнаружены выписки изъ нелегальныхъ сочиненій и двѣ шифрованныя записи, а у Петра Филиппова найдена брошюра «Рѣчь Бунакова и докладъ Мартынова», изданія «волынскаго комитета», и нѣсколько конспиративныхъ записокъ. Оба они дали при допросахъ уклончивыя объясненія.

Г. Харьковъ. Въ первыхъ числахъ марта 1902 г. были получены свѣдѣнія, что существующій въ г. Харьковѣ мѣстный «Комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» имѣетъ во главѣ крупныя интеллигентныя силы и завелъ обширныя связи въ рабочей средѣ. Учрежденнымъ наблюденіемъ, въ теченіе марта и апрѣля, было замѣчено нѣсколько тайныхъ сходокъ и усиленная

*) Черняховскій привлеченъ къ дознанію въ Петербургѣ.

дѣятельность по распространенію всякихъ прокламацій, сотнями разбрасываемыхъ на заводахъ.

1-го мая на Русскомъ паровозостроительномъ и механическомъ заводѣ произошли безпорядки, во время которыхъ рабочіе бросали въ чиновъ полиціи камнями и разными желѣзными предметами, вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергались насиліямъ многія лица изъ администраціи завода и рабочіе, нежелавшіе примкнуть къ забастовкѣ. Надъ бушевавшей толпой былъ поднятъ красный флагъ съ какими то надписями, но съ приближеніемъ казаковъ онъ исчезъ. Порядокъ былъ возстановленъ лишь по прибытіи казачьей сотни, послѣ чего въ паровозосборномъ цехѣ найдены два красныхъ флага съ надписями: «Долой самодержавіе», «Да здравствуетъ націонализація земли», «Въ борьбѣ ты обрѣтешь право свое».

Возбужденнымъ дознаніемъ установлено, что за послѣдніе года въ Харьковѣ существовали революціонныя организаціи, присвоившія себѣ названія: «Харьковскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», «Харьковскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и «Группы соціалистовъ-революціонеровъ». Во главѣ этихъ сообществъ были «интеллигенты», преимущественно изъ студентовъ харьковскихъ учебныхъ заведеній, а отчасти—женщины, членами же состояли рабочіе паровозостроительнаго завода и другихъ, а также—разные ремесленники обоего пола.

Цѣлью означенныхъ сообществъ было развитіе революціоннаго направленія среди рабочихъ и мастеровыхъ какъ путемъ непосредственнаго распространенія между ними соціалистическихъ брошюръ и воззваній, такъ и занятіями интеллигентовъ въ организованныхъ кружкахъ. Рабочимъ внушалась вражда противъ капиталистовъ и правительства, проявленіемъ которой должны были служить стачки, забастовки и демонстраціи.

«Харьковскій комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» имѣлъ свой распорядительный органъ, называемый «представительскимъ собраніемъ», въ составъ котораго входили представители отъ группы интеллигентовъ и кружковъ рабочихъ. На сходкахъ «представительскаго собранія», кромѣ того, участвовали члены «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и «Группы соціалистовъ-революціонеровъ».

Съ начала 1902 г. выдающуюся роль въ «представительскомъ собраніи» игралъ бывшій студентъ-технологъ Евгеній Крушель, членами же его были: дворяне Казимиръ Піотровскій и Антонина Мшанина, мѣщане Айзикъ Саксоновъ, Рахиль Кацнельсонъ и Эстеръ Подольская и рабочіе Александръ Филимоновъ, Петръ Купріяновъ и Лейба Бедринъ. Отъ «Союза борьбы» въ «собраніи» участвовали студентъ Вячеславъ Карпинскій и рабочій Дмитрій Брызжевъ, а отъ «соціалистовъ-революціонеровъ» Николай Фомичевъ*).

*) Изъ нихъ раньше привлекались къ дознаніямъ: Крушель—въ 1899 г. въ Харьковѣ, въ 1900 г.—въ Екатеринославѣ, Мшанина—въ 1887 г. въ Москвѣ, Піотровскій—въ 1895 г. въ Петербургѣ, Фомичевъ—въ Саратовѣ.

«Комитетъ» получалъ транспорты нелегальной литературы, преимущественно изданія типографіи «Искры». Полученіе ихъ лежало на Зелигѣ Дудавскомъ.

Въ распространеніи воззваній энергичное участіе принимала названная Кацнельсонъ, арестованная во время перевозки по городу 850 экземпляровъ воззваній «Ко всѣмъ южнымъ рабочимъ и работницамъ».

Изготовленіемъ для «Комитета» литографированныхъ брошюръ и воззваній занимался студентъ-технологъ Витольдъ Костровскій*), при участіи братьевъ Михаила и Николая Бундюковыхъ.

Изъ членовъ «Харьковскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» дознаніемъ обнаружены: Іосифъ Чайкель, Іеремія Исаковичъ, Лейба Каганъ, Яковъ Брутманъ, Петръ Тульскій, Иванъ Родіоновъ, Иванъ Трегубенко и Павелъ Зайцевъ, а изъ участниковъ «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса»—Сергѣй Брызжевъ, Василій Кураксинъ и упомянутый Дмитрій Брызжевъ.

Въ разбрасываніи воззваній «Первое мая» отъ имени «Конференціи представителей комитетовъ и организацій Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» принимали дѣятельное участіе Василій Акимовъ и Григорій Ушмановъ, а у Егора Петрова, Георгія Тарасова и Михаила Доброхотова**) хранилось значительное количество подпольной литературы и воззваній, предназначенныхъ для распространенія.

Результатомъ агитаціонной дѣятельности „Харьковскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“ явились описанные безпорядки 1-го мая на харьковскомъ паровозостроительномъ заводѣ, программа которыхъ была выработана „представительскимъ собраніемъ“ означеннаго „комитета“.

Однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ этой демонстраціи былъ рабочій Василій Ромашкинъ, у котораго часто происходили собранія рабочихъ и, между прочимъ, обсуждались предположенія относительно задуманной манифестаціи. На сходкахъ у Ромашкина въ числѣ другихъ бывали: Григорій Никулинъ, Иванъ Бобровъ и названные Дмитрій Брызжевъ и Кураксинъ; изъ нихъ принимали выдающееся участіе въ безпорядкѣ 1-го мая Никулинъ, Бобровъ и Кураксинъ, а также Федотъ Лактіоновъ, Иванъ Бураковъ и Алексѣй Мельникъ, который во время демонстраціи держалъ красный флагъ съ какой то надписью.

Г. Полтава. 16-го апрѣля 1902 г. по улицамъ г. Кременчуга, полтавской губерніи, съ утра были разбросаны прокламаціи, призывавшія всѣхъ рабочихъ собраться вечеромъ на Екатерининскую улицу и потребовать отъ правительства измѣненія формы правленія и политической свободы.

Вслѣдствіе совпаденія въ указанный день православнаго и ев-

*) Костровскій привлекался въ 1897 г. къ дознанію въ Харьковѣ.
**) Доброхотовъ въ 1896 г. привлекался къ дознанію въ Москвѣ.

рейскаго праздниковъ, на улицахъ въ означенное время появились многолюдныя толпы гуляющихъ, среди которыхъ около 8 часовъ вечера раздались оглушительные свистки, а вслѣдъ затѣмъ—крики «ура», «тю-тю»; «давайте свободу». Вскорѣ, однако же, кто-то крикнулъ, что идутъ войска, и толпа стала разбѣгаться, причемъ задержано нѣсколько лицъ, выдѣлявшихся своимъ поведеніемъ во время безпорядка.

Обстоятельствами, выясненными дознаніемъ, какъ равно и содержаніемъ означенныхъ прокламацій*), вполнѣ установлено, что злоумышленники желали устроить серьезную антиправительственную демонстрацію, которая лишь случайно не приняла болѣе обширныхъ размѣровъ. Особымъ возбужденіемъ въ толпѣ отличались: Мееръ Кушниръ, Гдаль Найда, Мендель Заславскій и Янкель Биненбоймъ, замѣченные какъ чинами полиціи, такъ и многими свидѣтелями изъ публики. Мѣщанинъ Лейзеръ Кержнеръ принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи 16-го апрѣля прокламацій въ п. Крюковѣ, а у Шимона Трейстера найдено при обыскѣ нѣсколько воззваній „кременчугскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи»; прикосновенность же остальныхъ обвиняемыхъ къ описанной манифестаціи осталась недоказанною.

Волненіе крестьянъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ.

Въ мартѣ 1902 г. крестьяне деревни Лисичьей, константиноградскаго уѣзда, полтавской губерніи, подъ предлогомъ недостатка въ кормовыхъ средствахъ какъ для себя, такъ и для скота—совершили цѣлый рядъ сперва тайныхъ похищеній, а затѣмъ и открытыхъ захватовъ имущества у мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Дѣйствія эти въ концѣ марта и началѣ апрѣля приняли характеръ массовыхъ волненій, охвативъ константиноградскій и полтавскій уѣзды, а также—валковскій и богодуховскій уѣзды, харьковской губерніи. Въ виду имѣвшихся данныхъ, что это движеніе уже давно подготовлялось агитаторами различныхъ революціонныхъ партій, разслѣдованіе о безпорядкахъ было сосредоточено въ, кіевскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи.

Совокупностью показаній цѣлаго ряда свидѣтелей установлено существованіе въ 1901 г. и въ началѣ 1902 г. въ д. Лисичьей тайнаго кружка, организованнаго бывшимъ студентомъ харьковскаго университета Анатоліемъ Алексенко. Кружокъ этотъ состоялъ изъ мѣстныхъ крестьянъ: Власа Коркишки, Артема Буцкаго, Тараса Стороженко и Василія Денисько.

Болѣе двухъ лѣтъ Алексенко періодически наѣзжалъ въ д. Лисичью—имѣніе своей матери, и за это время успѣлъ близко сойтись съ названными крестьянами. Бесѣдами и чтеніемъ нелегальныхъ изданій ему удалось до такой степени развить ихъ въ

*) Воззванія эти были озаглавлены: „Ко всѣмъ рабочимъ г. Кременчуга и посада Крюкова".

противоправительственномъ направленіи, что впослѣдствіи они уже и сами являлись надежными и дѣятельными пропагандистами. Ихъ энергичная подпольная работа, выразившаяся устными поученіями и обильною раздачею преступныхъ сочиненій—въ большей мѣрѣ способствовала возбужденію крестьянъ къ упомянутымъ безчинствамъ. Участіе Стороженко, Буцкаго и Коркишки въ разграбленіи экономій Чеботарева и Коломійцева,—причемъ Стороженко и Буцкій были подстрекателями и руководителями толпы,—вполнѣ подтверждаетъ сдѣланный ранѣе выводъ о принадлежности ихъ къ кружку, распространявшему въ населеніи соціалистическія и революціонныя идеи.

Далѣе разслѣдованіемъ обнаружено, что подпоручикъ 133-го пѣхотнаго Симферопольскаго полка Степанъ Пасько, получивъ въ въ 1901 г. отъ фельдшера Михаила Борисова нѣсколько номеровъ газеты «Искра» и брошюру «Что же дальше?», съ цѣлью пропаганды революціонныхъ идей среди крестьянъ—передалъ ихъ крестьянину Николаевскихъ хуторовъ, полтавскаго уѣзда, Федору Тютюннику. Послѣдній, между прочимъ, распускалъ слухи, что мужики хотятъ отобрать у дворянъ землю и произвести общій передѣлъ ея, и что для этого образовалось общество, съ высокопоставленными лицами во главѣ, располагающее большими средствами и снабжающее деньгами студентовъ.

Изъ способовъ преступнаго воздѣйствія на крестьянъ особаго вниманія заслуживаетъ стремленіе агитаторовъ вызвать сочувствіе сельскаго населенія къ движенію учащейся молодежи, съ очевидной цѣлью объединить такимъ образомъ броженіе среди крестьянъ съ волненіями студенчества. Такъ, студентъ университета Св. Владимира Степанъ Бурдзинскій, занимаясь пропагандою среди крестьянъ полтавской губерніи, увѣрялъ ихъ, будто студенты бунтуютъ лишь потому, что фабриканты притѣсняютъ рабочихъ; что собираемыя съ крестьянъ деньги идутъ на пановъ, что скоро жизнь мужиковъ будетъ лучше, такъ какъ черезъ два-три года паны не будутъ имѣть столько земли, а всю ее у нихъ отберутъ, надѣливъ каждаго мужика и пана такимъ количествомъ земли, какое они могутъ обработать, и что если бы всѣ мужики сговорились и не пошли работать на пановъ, то послѣднимъ пришлось бы платить рабочимъ по 2-3 рубля въ день.

Неизвѣстнаго званія человѣкъ, называвшій себя бывшимъ студентомъ Васильевымъ, распространялъ въ м. Борисполѣ, переяславскаго уѣзда, слухи, что студенты заботятся о крестьянахъ, а тѣ не хотятъ имъ помочь; что мѣстный землевладѣлецъ Треповъ имѣетъ слишкомъ много земли, которую слѣдуетъ подѣлить между крестьянами, и что всю барскую землю рано или поздно раздѣлятъ, какъ только уничтожатъ домъ Романовыхъ. Личность и мѣсто жительства именовавшагося Васильевымъ не обнаружены.

Запасный канониръ Василій Лощиловъ увѣрялъ крестьянъ, что студенты сдѣлаютъ всѣхъ равными и что за ограбленіе помѣщичьихъ дворовъ никто отвѣчать не будетъ; крестьянинъ же Степанъ Доронинъ говорилъ, будто бы студенты скоро пріѣдутъ на велосипедахъ, чтобы «грабить помѣщиковъ и бить жидовъ».

Казакъ Иванъ Бородай во время Пасхи 1902 г. распускалъ въ с. Байракахъ, полтавскаго уѣзда, слухи, что студенты рѣшили устроить 1-го мая бунтъ; что крестьяне правильно поступаютъ, расхищая имущество помѣщиковъ, и что мѣры правительства относительно участниковъ въ безпорядкахъ, какъ незаконныя—не помогутъ.

Бывшій студентъ университета Св. Владимира Леонтій Гомелля, состоя членомъ «Полтавскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», для скорѣйшаго осуществленія ея задачъ—содѣйствовалъ пропагандѣ революціонныхъ идей среди крестьянъ полтавской губерніи и заготовилъ большое количество воззваній на малороссійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «41 годъ назадъ 19-го февраля», которыя и распространилъ въ февралѣ 1902 года.

Крестьянинъ Александръ Наконечный, получивъ отъ Никиты Калениченко разныя нелегальныя изданія, сталъ пропагандировать среди рабочихъ въ м. Карловкѣ соціалистическія идеи. Для этого онъ устраивалъ тайныя собранія, на которыхъ читалъ революціонныя сочиненія, и дѣлалъ попытки организовать сообщество, съ цѣлью устройства стачекъ и поселенія вражды между рабочими и хозяевами.

Сынъ священника Александръ Мишта, получивъ въ полтавской духовной семинаріи нелегальныя изданія «Дядько Дмытро» и «Чи е теперь панщина?», передалъ ихъ для распространенія земскому фельдшеру, сыну священника Дмитрію Лѣснякову.

Крестьянинъ Севастьянъ Подгорный дѣятельно агитировалъ среди своихъ односельчанъ въ дер. Рубановкѣ, и, читая имъ брошюру «Дядько Дмытро» или газету «Искра»—объяснялъ прочитанное въ томъ смыслѣ, что помѣщиковъ необходимо грабить. Результатомъ подобныхъ внушеній было то, что крестьяне названной деревни, узнавъ о безпорядкахъ, возникшихъ въ окрестныхъ селеніяхъ, отправились вмѣстѣ съ Подгорнымъ въ хуторъ землевладѣльца Попова и разграбили его.

Мѣщанинъ Евгеній Хорошинъ, проживая съ 1901 года въ константиноградскомъ уѣздѣ, постоянно занимался пропагандою соціалистическихъ идей о всеобщемъ равенствѣ, объ общности земли и другого имущества, и неоднократно уговаривалъ крестьянъ, работавшихъ въ имѣніи Лоташевскаго, устроить стачку.

Крестьянинъ Дмитрій Лысенко, находясь въ с. Ковалевкѣ, Полтавскаго уѣзда въ самый разгаръ безпорядковъ, сочинилъ стихотвореніе, призывавшее народъ къ борьбѣ съ Царемъ и правительствомъ, и читалъ его въ Ковалевкѣ и въ с. Васильевкѣ, Кобеляцкаго уѣзда.

Запасный унтеръ-офицеръ, Семенъ Шалдуга и крестьяне: Василій Скрыпникъ, Илья Полторакъ, Семенъ Пацула, Евстигней Бѣлкинъ, Родіонъ Щербань, Иванъ Тюха и Иванъ Доброволенко распространяли между крестьянами различныя запрещенныя сочиненія и прокламаціи, поясняя ихъ толкованіями, имѣющими вредную политическую цѣль. У крестьянъ: Семена Назаренко, Семена Годины, Антона Калиты, Михаила Огородняго

и Антона Журавеля обнаружены по обыскамъ нелегальныя изданія, хотя и не имѣется указаній на ихъ намѣренное распространеніе. Въ м. Борисполѣ у крестьянина Бориса Гудимы хранилось большое количество подпольной литературы, но откуда она имъ получена—онъ объяснить не пожелалъ.

Помимо вышеизложеннаго, дознаніемъ установлено, что бывшій студентъ университета Св. Владимира, Михаилъ Ткаченко принадлежалъ къ кіевскимъ преступнымъ организаціямъ и, распространяя въ февралѣ 1902 г. нелегальныя изданія, передалъ нѣсколько прокламацій и крестьянамъ. У бывшаго студента того же университета, Петра Каневца при обыскѣ найдено слишкомъ 200 экземпляровъ воззванія на малороссійскомъ языкѣ, начинающагося словами «41 годъ назадъ 19 февраля», а затѣмъ получены указанія на принадлежность его къ «Кіевскому комитету соціалистовъ-революціонеровъ», ведущему настойчивую пропаганду среди крестьянъ.

Г. Черниговъ. Весною 1902 г., въ пос. Шосткѣ, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи, населенномъ рабочими шостенскаго порохового завода, неизвѣстно кѣмъ были разбрасываемы революціонныя изданія и прокламаціи. Въ цѣлой серіи послѣднихъ говорилось о необходимости рабочимъ добиваться улучшенія своего быта, пріобрѣтенія политическихъ правъ и уничтоженія самодержавной власти. Несмотря на принятыя мѣры, виновные въ распространеніи упомянутыхъ воззваній обнаружены въ то время не были.

Въ іюнѣ того же года среди жителей села Собычева, находящагося вблизи п. Шостки, появились нелегальныя изданія, и стали циркулировать слухи о предстоящемъ раздѣлѣ помѣщичьихъ земель.

Дознаніемъ установлено существованіе въ Шосткѣ тайнаго сообщества, образовавшагося вскорѣ по прибытіи туда бывшаго студента Рижскаго политехническаго института, Николая Шевелкина, за выѣздомъ котораго во главѣ организаціи сталъ окончившій курсъ университета Св. Владимира, Дмитрій Протопоповъ; когда же послѣдній былъ арестованъ, его замѣнилъ студентъ Кіевскаго политехническаго института Василій Глуздовскій. Самымъ приближеннымъ къ нимъ лицомъ и посредникомъ въ сношеніяхъ съ рабочими былъ мѣщанинъ Василій Максименко. Всѣ члены организаціи дѣлились на группы, причемъ каждая изъ нихъ имѣла своего главаря; изъ числа послѣднихъ выяснены: Дмитрій Хроманюкъ, Иванъ Аксененко, Василій Дудченко, Иванъ Кришкевичъ и Гавріилъ Дудка. Затѣмъ, изъ числа членовъ сообщества обнаружены: Степанъ Ждановъ, Мартынъ Рудой, Кириллъ Бѣляевъ, Иванъ Мужило, Митрофанъ Давиденко, Песя Брегина и Ида Брандъ. Ждановъ завѣдывалъ кассой для выдачи пособій рабочимъ во время стачекъ и покупки нелегальныхъ изданій.

Шостенская организація, какъ и другія подобныя ей, имѣла цѣлью возбужденіе рабочихъ къ противодѣйствію распоряженіямъ правительства и устройству стачекъ; для этого назначались сходки и совмѣстныя чтенія подпольной литературы, которая затѣмъ распространялась между рабочими.

Ветеринарный врачъ Василій Сидоровъ, запасный фельдшеръ Василій Писарецъ, запасный рядовой Иванъ Ващенко и крестьянинъ Филиппъ Доценко имѣли у себя преступныя изданія и распространяли ихъ между своими знакомыми.

Г. Екатеринославъ. Въ началѣ 1902 г. въ фабричныхъ мѣстностяхъ гор. Екатеринослава появились воззванія «Екатеринославскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», подстрекавшія рабочихъ къ объединенію и упорной борьбѣ съ капиталистами и правительствомъ. Затѣмъ 12 января, на станціи Екатеринославъ, екатерининской желѣзной дороги, былъ задержанъ аптекарскій помощникъ Шоломъ Левинъ, явившійся за полученіемъ прибывшаго изъ Кіева ящика, въ которомъ оказалось 1726 экземпляровъ разныхъ преступныхъ изданій. Наконецъ, 4 марта чины полиціи застали въ квартирѣ папиросницы Иты Бляхманъ мѣщанъ: Менделя Басса, Циню Левандовскую, Иту Розенъ и Таубу Новодѣльскую, занимавшихся свертываніемъ прокламацій для разсылки. Въ означенномъ помѣщеніи оказалось 2840 экземпляровъ воззванія, часть коихъ была обандеролена.

Дознаніемъ выяснено, что, послѣ арестовъ въ апрѣлѣ 1900 г. большинства участниковъ «Екатеринославскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», оставшіеся на свободѣ ихъ единомышленники привлекли къ сообществу новыхъ лицъ, которыя энергично продолжали агитаціонную работу своихъ предшественниковъ. Руководители этой обновленной организаціи остались необнаруженными, ближайшими же ихъ сотрудниками въ пропагандѣ среди рабочихъ были: Носохъ Голубъ, Авраамъ Краснощекъ и Голда Левинская*). Намѣреваясь организовать массовое распространеніе въ Екатеринославѣ воззванія «комитета» «по поводу 19 февраля», Голубъ доставилъ 4 марта въ квартиру Бляхманъ 3840 экземпляровъ этой прокламаціи, для распредѣленія ея между своими товарищами. Тысячу листковъ Екатерина Громанъ успѣла вынести отъ Бляхманъ еще до прибытія полиціи, и на другой день разбросала ихъ на Брянскомъ заводѣ, остальные же, какъ сказано выше,— задержаны. Означенные 1726 экземпляровъ нелегальныхъ сочиненій были выписаны Краснощекомъ для цѣлей агитаціи, а въ квартирѣ его найдено нѣсколько номеровъ газеты «Искра», воззваніе «Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Екатеринослава» и отчетъ тайной кассы «Екатеринославскаго комитета». Левинская собирала свѣдѣнія о ходѣ революціоннаго движенія въ Имперіи, помѣщая ихъ въ печатныхъ изданіяхъ сообщества, и участвовала въ составленіи разныхъ воззваній. У Левинской оказались два листка, касающіеся дѣятельности съѣзда представителей «южныхъ комитетовъ» и организацій «Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», черновикъ статьи по тому же предмету, корректура бюллетеня объ уличныхъ демонстраціяхъ и замѣтка о безпорядкахъ въ Екатеринославѣ въ декабрѣ 1901 года.

*) Краснощекъ привлекался въ 1898 г. къ дознанію въ Кіевѣ, Левинская—въ 1898 г. въ Одессѣ, а Голубъ привлеченъ въ Кіевѣ.

Къ составу упомянутаго сообщества также принадлежали: Берка Рудаковъ, Семенъ Малый, Хаимъ Грановскій, Лейзеръ и Хая Рабиновичи, Неха Бѣлявская, Ицка Чернякъ, Шмуйла Брукъ, Лея Мазина, Рахміель Эпштейнъ и названные Шоломъ Левинъ, Бассъ*), Бляхманъ, Левандовская, Ита Розенъ, Новодѣльская и Громанъ. Изъ нихъ Лейзеръ и Хая Рабиновичи, Грановскій и Бѣлявская предоставляли свои квартиры для конспиративныхъ сходокъ кружка, а Чернякъ, Мазина, Брукъ и Эпштейнъ занимались распространеніемъ преступныхъ воззваній. По обыскамъ у Рудакова и Эпштейна обнаружены разныя запрещенныя сочиненія, а у перваго изъ нихъ, сверхъ того, письмо, свидѣтельствующее о прикосновенности его къ екатеринославской уличной демонстраціи въ февралѣ 1902 г.; у Брука и Мазиной найдена корреспонденція, указывающая на сношенія ихъ съ главарями «Екатеринославскаго комитета», а у Малаго отобранъ шифръ для тайной переписки.

Наконецъ, къ дознанію привлечены: Мендель Милявскій, Ицекъ Ительсонъ, Калманъ Подольный, Нахманъ Фрейдинъ, Абрамъ Плискинъ, Аронъ Зеликманъ, Надежда Духанина, Хайкель Биневичъ и Элюкимъ Забѣжанскій. У Милявскаго найдено 74 экземпляра нелегальныхъ изданій; у Ительсона, Подольнаго, Фрейдина и Плискина оказались такія же сочиненія въ значительно меньшемъ количествѣ; относительно же Зеликмана, Духаниной, Биневича и Забѣжанскаго выяснено, что они посѣщали сходки, собиравшіяся по иниціативѣ «Екатеринославскаго комитета», и участвовали въ обсужденіи вопросовъ пропаганды. Кромѣ того, Плискинъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ вожаками-агитаторами.

17 февраля 1902 г., около 4 часовъ пополудни, на такъ называемомъ «Проспектѣ», въ г. Екатеринославѣ собралась толпа человѣкъ въ сто и стала кричать «ура!», «долой царя, долой самодержавіе!», причемъ нѣкоторые размахивали имѣвшимися при нихъ красными флагами. Вскорѣ толпа была разсѣяна, и изъ нея задержаны: студенты Екатеринославскаго Высшаго Горнаго училища Евгеній Полушкинъ и Иванъ Семилѣтовъ, купеческій сынъ Исаія Горовицъ, дочь купца Фейга Шнеерсонъ, мѣщанинъ Арій Дворецкій, Нухимъ и Лейба Готлины, Хоня Ерманокъ, Нухимъ Васкевичъ, Рухля Левина, Рухимъ Гольдбергъ, Рыся Кривицкая и крестьянинъ Михаилъ Косаревъ.

Разслѣдованіемъ вполнѣ доказано активное участіе названныхъ обвиняемыхъ въ означенной демонстраціи; изъ нихъ Косаревъ несъ красный флагъ съ надписями «долой самодержавіе» и «мы требуемъ политической свободы», а Полушкинъ, желая не допустить чиновъ полиціи захватить этотъ флагъ, ударилъ палкою околоточнаго надзирателя.

---

*) Бассъ, по Высочайшему повелѣнію 10 декабря 1897 г., за агитацію въ Витебскѣ, выдержанъ мѣсяцъ подъ арестомъ, съ отдачею на годъ подъ гласный надзоръ полиціи; въ 1900 г. онъ былъ вновь отданъ, по Высочайшему повелѣнію, подъ гласный надзоръ полиціи на три года, съ зачетомъ въ наказаніе времени предварительнаго заключенія.

Въ началѣ лѣта 1902 г. «Рабочая партія политическаго освобожденія Россіи»*) прекратила свое отдѣльное существованіе и вошла въ составъ «Партіи соціалистовъ-революціонеровъ». Сліяніе этихъ группъ, по объясненію ихъ органа «Революціонная Россія», было признано необходимымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы при наступившемъ переходѣ отъ подготовительной работы къ непосредственной борьбѣ—«всѣ революціонныя силы не только фактически, но и формально, въ глазахъ всѣхъ окружающихъ, являлись единымъ цѣлымъ». Съ тѣхъ поръ всѣ мѣстные «комитеты» «Рабочей партіи политическаго освобожденія Россіи» слились съ «комитетами» «Партіи соціалистовъ-революціонеровъ».

Наблюденіе за скрывшимся, послѣ задержанія подпольной типографіи въ Екатеринославѣ, Борисомъ Шапиро привело къ обнаруженію кружка, представлявшаго собою «Екатеринославскій комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ», аресту тайной типографіи въ г. Черниговѣ и выясненію названнаго «комитета» съ революціонными дѣятелями въ Тулѣ.

24 октября 1902 г. упомянутый Шапиро и Аронъ Вейценфельдъ явились къ проживавшей въ Екатеринославѣ массажисткѣ Антонинѣ Быковой**) и вынесли отъ нея сундукъ, который сдали въ транспортную контору «Надежда» для отправки въ Черниговъ. 1 ноября Шапиро и самъ выѣхалъ въ Черниговъ, гдѣ поселился съ Абрамомъ Криницкимъ и двумя женщинами. 18 ноября Криницкій получилъ означенный сундукъ изъ конторы, а черезъ пять дней, вмѣстѣ съ Шапиро, привезъ изъ склада бумаги тяжелый тюкъ, завернутый въ рогожу.

При осмотрѣ 3 декабря означенной квартиры, задержаны Борисъ Шапиро и три лица, предъявившія документы на имя виленскаго мѣщанина Абрама Криницкаго, черниговскаго мѣщанина Хаима Мстиславскаго и стеблевской мѣщанки Ципы Каменецкой. Всѣ они при входѣ полиціи работали въ типографіи, гдѣ оказались два станка, около 10 пудовъ шрифта и болѣе 6000 экземпляровъ свѣжеотпечатанныхъ брошюръ «партіи соціалистовъ-революціонеровъ», озаглавленныхъ «Ко всему русскому крестьянству» и «Приговоръ по дѣлу дворянина Балмашева». Въ числѣ разныхъ предметовъ, взятыхъ въ помѣщеніи черниговской типографіи, обнаружены шифрованная записка съ адресомъ: «Кіевъ, Ярославская, 21, М. Беренштейну для Елены». Разслѣдованіемъ выяснено, что по указанному адресу проживали супруги Мовша и Раиса Беренштейны, объяснившіе, что на ихъ имя часто присылались письма для передачи знакомой ихъ Энтѣ, она же Елена Коминяръ. По обыску у послѣдней найдена конспиративная записка, частію зашифрованная, въ которой указываются новые способы конспираціи, такъ какъ старые, въ виду усиленія надзора за агитаторами, оказываются непригодными. Далѣе авторъ сообщаетъ о положеніи дѣлъ въ какой-то подпольной организаціи и выражаетъ

*) Принадлежавшая этой партіи типографія была задержана въ г. Екатеринославѣ въ январѣ 1902 г.

**) Быкова привлекалась къ дознанію въ г. Гомелѣ, Могилевской губерніи.

удивленіе, что лица, которымъ адресовано письмо, не могутъ разобрать новаго шифра.

У Хаима Мстиславскаго обнаружено нѣсколько преступныхъ брошюръ и четыре воззванія «Боевой дружины партіи соціалистовъ-революціонеровъ».

4 декабря 1902 г., въ квартирѣ проживавшей въ г. Екатеринославѣ дантистки Таубы Слуцкиной, задержаны сынъ чиновника Аркадій Альтовскій и состоящіе подъ гласнымъ надзоромъ полиціи студентъ Новороссійскаго университета, Александръ Ивановъ и дворянинъ Анатолій Высочинъ*). Въ моментъ прихода чиновъ полиціи, Альтовскій, Ивановъ и Высочинъ находились въ одной комнатѣ, причемъ въ рукахъ Иванова была металлическая печать «Екатеринославскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ», которою онъ дѣлалъ пробные оттиски. Въ этой же комнатѣ оказались всѣ принадлежности типографіи, исключая станка, 148 экземпляровъ брошюры «Почему стрѣляли въ харьковскаго губернатора», съ означенною печатью на обложкѣ, и 65 изданій другихъ тайныхъ организацій.

При личномъ осмотрѣ Альтовскаго найдены: 1) квитанція екатеринославской конторы «Надежда» въ принятіи отъ Рабиновича корзины съ вещами для отправки въ Кіевъ; 2) рукописная статья крайне революціоннаго содержанія, съ помарками и поправками, подъ заглавіемъ «Правда о русскихъ царяхъ»; 3) такого же характера брошюра «О податяхъ и налогахъ», текстъ которой во многихъ мѣстахъ исправленъ чернилами и дополненъ рукописною вставкою на отдѣльномъ листѣ почтовой бумаги. Содержаніе этого прибавленія даетъ брошюрѣ—приготовленной, очевидно, для переизданія,— явно террористическій характеръ, такъ какъ разъясняетъ крестьянамъ цѣль и организацію «Крестьянскаго союза партіи соціалистовъ-революціонеровъ», имѣющаго вступить въ открытую борьбу съ правительствомъ, и значеніе «Боевой дружины», которая должна «карать смертью царскихъ чиновниковъ», мѣшающихъ успѣху революціоннаго дѣла, и 4) воззванія разныхъ «комитетовъ» «Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи». Экспертизою установлено, что рукопись «Правда о русскихъ царяхъ» и всѣ дополненія къ ней написаны почеркомъ Альтовскаго.

У Иванова и Высочина также найдены разнаго рода преступныя изданія.

Означенная выше корзина, отправленная въ Кіевъ, была задержана, и въ ней оказались: слишкомъ 1500 экземпляровъ изданій различныхъ «комитетовъ» «Партіи соціалистовъ-революціонеровъ», уставы этихъ сообществъ и принадлежащій названному Арону Вейценфельду альбомъ съ портретами его матери и сестры.

Того же 4 декабря 1902 г., на вокзалѣ въ г. Кіевѣ былъ арестованъ Вейценфельдъ, прибывшій изъ Екатеринослава, откуда вслѣдъ за нимъ была послана упомянутая корзина. При Вейцен-

*) Альтовскій за распространеніе преступныхъ изданій подвергнутъ въ 1901 г. шестимѣсячному тюремному заключенію; Ивановъ привлеченъ къ дознанію въ Одессѣ, а Высочинъ—въ Кіевѣ, по обвиненіямъ въ принадлежности къ противоправительственнымъ сообществамъ.

фельдѣ найдены прокламаціи «Екатеринославскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ», призывающія крестьянъ Діевской волости къ открытому возстанію противъ правительства и насильственному отобранію земель отъ помѣщиковъ, и другія воззванія того же характера.

Разслѣдованіемъ установлено, что зимою 1902 г. Вейценфельдъ жилъ въ Екатеринославѣ съ подложнымъ паспортомъ на имя Михаила Кайзера, называясь которымъ, онъ отправилъ въ Черниговъ вышеупомянутый сундукъ, оказавшійся потомъ въ помѣщеніи тайной типографіи.

При обыскѣ 4 декабря у проживавшаго въ Екатеринославѣ провизора Гирша Левитана была задержана названная Антонина Быкова, во время прибытія полиціи занимавшаяся гектографированіемъ отчета «Екатеринославскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ» объ его издательской дѣятельности.

Того же 4 декабря были задержаны въ Тулѣ княжна Ксенія Мышецкая, бывшій студентъ кіевскаго политехническаго института Александръ Шишковъ и бывшіе гимназисты—Владимиръ Панченко и Михаилъ Калюжный, причемъ у нихъ найдены революціонныя изданія, преступнаго содержанія рукописи и конспиративная переписка. При личномъ осмотрѣ Панченко, обнаружены пять подмастерскихъ свидѣтельствъ Тульской ремесленной управы на имена разныхъ лицъ. У Калюжнаго, находившагося въ сношеніяхъ съ Альтовскимъ, найдена конспиративная записка съ екатеринославскимъ адресомъ «Нины Никифоровой Кіяшко» и отмѣткою «лично». По этому адресу оказалась проживающею крестьянка Анна Кіяшко, объяснившая, что Ниною Никифоровой почему то называлась Клара Вѣрникъ, получавшая отъ нея, Анны Кіяшко, домашніе обѣды, но никакой корреспонденціи на означенный псевдонимъ не приходило.

Послѣдующимъ дознаніемъ установлено, что аресты 1 ноября 1902 г. въ г. Саратовѣ прекратили существованіе мѣстной революціонной группы, являвшейся какъ бы центромъ «Партіи соціалистовъ-революціонеровъ», и руководительство дѣлами ея взялъ на себя означенный «Екатеринославскій комитетъ». Послѣдній образовался еще лѣтомъ 1902 г., и во главѣ его стоялъ нѣкоторое время Вейценфельдъ, но вскорѣ онъ уступилъ свое мѣсто прибывшему изъ Саратова Альтовскому*), который сдѣлался оффиціальнымъ представителемъ «комитета» въ сношеніяхъ съ организаціями другихъ городовъ. Наиболѣе энергичными помощниками Альтовскаго были упомянутые Вейценфельдъ, Быкова, Слуцкина, а также Борухъ Добровенскій и два дѣятеля, извѣстные подъ кличками «Адольфа» и «Андрея». Впослѣдствіи установлено, что «Адольфомъ» назывался бѣжавшій изъ Восточной Сибири Израиль Ципкинъ, а «Андреемъ»— проживавшій въ Екатеринославѣ сотрудникъ газеты «Вѣстникъ Юга», Дмитрій Бразуль-Брушковскій**).

*) Альтовскій былъ извѣстенъ въ сообществѣ подъ именемъ „Егора".

**) Ципкинъ привлекался въ 1900 г. къ дознанію въ Петербургѣ, а Бразуль-Брушковскій, по выѣздѣ зимою 1902 г. неизвѣстно куда изъ Ека-

Относительно Боруха Добровенскаго выяснено, что онъ жилъ въ Екатеринославѣ подъ именемъ Веніамина Грубина, а пріѣхавшій къ нему, неизвѣстно откуда, Мееръ Добровенскій вовсе не былъ прописанъ. По обыску 15 декабря ихъ общей квартиры обнаружено: 1) металлическая печать «Екатеринославскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ», 2) шифрованная записка, въ которой аттестуются заслуживающіе довѣрія «наборщики» и «накладчики»; 3) оригиналъ прокламаціи, писанный рукой Бразуль-Брушковскаго; 4) списокъ тайныхъ кружковъ, съ указаніемъ кличекъ ихъ представителей и пропагандистовъ; 5) 336 печатныхъ воззваній «Екатеринославскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ», «Ко всѣмъ честнымъ людямъ», отъ 7-го декабря 1902 г.; 6) 60 экземпляровъ брошюры «Стачка лжи», изданія того же «комитета»; 7) 75 воззваній различныхъ революціонныхъ организацій; 8) гектографъ; 9) нѣсколько фунтовъ стараго типографскаго шрифта и 10) фотографическая карточка упомянутаго Бориса Шапиро, съ надписью «Боруху отъ Б. Шапиро, 15-го октября 1902 г.». По заключенію экспертовъ, означенная шифрованная записка написана почеркомъ Меера Добровенскаго.

При разслѣдованіи дѣятельности «Екатеринославскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ» установлено, что всѣ поименованные его члены являлись на общія засѣданія и принимали активное участіе въ агитаціи. Вейценфельдъ завѣдывалъ пересылкою и полученіемъ транспортовъ нелегальной литературы; Быкова и Бразуль-Брушковскій занимались устною пропагандою революціонныхъ идей среди учащихся и рабочихъ, помогая въ то же время Альтовскому составлять воззванія; Ципкинъ*) исполнялъ отдѣльныя, часто весьма важныя, порученія по доставкѣ изданій и типографскаго шрифта, а Слуцкина предоставляла свою квартиру для конспиративныхъ цѣлей.

Дѣятельность «Екатеринославскаго комитета» выразилась прежде всего напечатаніемъ брошюры «Почему стрѣляли въ харьковскаго губернатора» и большого количества воззваній «Къ рекрутамъ-новобранцамъ», а также—воспроизведеніемъ на гектографѣ прокламацій къ крестьянамъ и рабочимъ отдѣльныхъ заводовъ. Изданія эти широко распространялись членами сообщества, при безпрестанныхъ устныхъ поученіяхъ на сходкахъ, послѣдствіемъ чего было возникновеніе въ Екатеринославѣ значительнаго числа тайныхъ кружковъ, подчиненныхъ мѣстному «комитету партіи соціалистовъ-революціонеровъ».

Согласно устава «комитета», выработаннаго Альтовскимъ, бы-

теринослава, 16 февраля 1903 г. арестованъ въ г. Бѣлостокѣ во время демонстраціи въ театрѣ, причемъ оказалось, что онъ жилъ тамъ съ января 1903 г. по подложному паспорту на имя псковскаго мѣщанина Андрея Щербакова.

*) Ципкинъ проживалъ въ Екатеринославѣ съ осени 1902 г. по подложному паспорту на имя Семена Шнейдера; въ первыхъ числахъ декабря онъ изъ Екатеринослава скрылся и задержанъ 3 мая 1903 г. въ Кіевѣ, гдѣ жилъ по подложному паспорту на имя Бориса Богуславскаго, и привлеченъ тамъ къ дознанію о „Кіевскомъ комитетѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ".

ла образована такъ называемая «центральная рабочая группа», обязанная знакомиться, подъ руководствомъ члена «комитета», съ программою дѣятельности «партіи соціалистовъ-революціонеровъ», и, направляя занятія отдѣльныхъ кружковъ—быть связующимъ звеномъ между «комитетомъ» и примкнувшимъ къ нему фабричнымъ населеніемъ. Выборы членовъ означенной группы происходили въ квартирѣ столяра Іосифа Матусевича, занимавшагося агитаціей среди екатеринославскихъ ремесленниковъ.

Бразуль-Брушковскій при дознаніи объяснилъ, что онъ принадлежитъ къ «партіи соціалистовъ-революціонеровъ» и, проживая сначала въ Екатеринославѣ, а потомъ въ Бѣлостокѣ, принималъ дѣятельное участіе въ агитаціи, а именно: составлялъ воззванія, распространялъ подпольную литературу и велъ устную пропаганду среди учащихся и рабочихъ; но указать своихъ сообщниковъ и разъяснить организацію тайныхъ кружковъ обвиняемый отказался. Затѣмъ большинство привлеченныхъ къ дознанію дали отрицательныя показанія, а Быкова, Слуцкина и Вейценфельдъ вовсе не пожелали отвѣчать по дѣлу.

Прискосновенность къ упомянутому сообществу Рахили Левиной осталась по разслѣдованію недоказанной.

Въ ночь на 16-е декабря 1902 г., вслѣдствіе полученныхъ указаній, въ г. Екатеринославѣ были осмотрѣны нѣкоторыя квартиры, причемъ обнаружено: 1) въ отдѣльномъ флигелѣ на окраинѣ города у Абрама-Лейбы Хасина—хорошо оборудованная типографія, со всѣми къ ней принадлежностями и огромнымъ количествомъ заготовленной бумаги; квартира оказалась запертою наружнымъ замкомъ, и все указывало на внезапный побѣгъ ея хозяевъ; 2) въ квартирѣ Нухима-Моисея и его сестры Муси Машинсонъ, кромѣ хозяевъ, были: Шмуль Хайкинъ, Гершъ Мильнеръ, Нухимъ Гарбузенко, Насонъ Вайсманъ, Василій Пономаренко. Нохимъ Грубинъ, Борухъ Могилевскій, Абрамъ Бромбергъ и Геся-Хася Гехтманъ; въ комнатѣ, гдѣ сидѣли означенныя лица, на полу и за кушеткою, были разбросаны въ громадномъ количествѣ революціонныя брошюры и прокламаціи «Екатеринославскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ»; послѣднія воззванія были помѣчены 14-го декабря 1902 г. и 3) въ квартирѣ Меера Добровенскаго—два гектографа, изъ которыхъ на одномъ каррикатурное изображеніе Государя Императора, архивъ нелегальной литературы, представляющій собою коллекцію всѣхъ изданій, выпущенныхъ, названнымъ «комитетомъ», и двѣ печати послѣдняго; въ квартирѣ, кромѣ хозяина, оказалась женщина, назвавшаяся Либою Фуксъ. Сверхъ того, были произведены обыски другихъ заподозрѣнныхъ лицъ, у которыхъ ничего относящагося къ дѣлу не оказалось.

Разслѣдованіемъ установлено, что главари «Екатеринославскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ»—Аркадій Альтовскій, Борухъ Добровенскій и Іосифъ Матусевичъ были тѣсно связаны своей дѣятельностью съ упомянутыми лицами, застигнутыми 16-го декабря 1902 г. въ квартирѣ Машинсона. 17-го ноября того же года, въ квартирѣ Матусевича, извѣстнаго подъ именемъ «столяра Осипа», происходило тайное собраніе членовъ «комите-

та», подъ руководствомъ Израиля Ципкина, для выбора членовъ «центральной рабочей партіи». На этомъ собраніи присутствовали Борухъ Добровенскій, Веньяминъ Грубинъ, Рахиль Бляхъ, Лея Гольдбергъ, Рахиль Гольдбергъ, вышеупомянутые Гарбузенко, Хайкинъ, Вайсманъ, Пономаренко, Бромбергъ, а также невыясненныя дознаніемъ Гриша Экстернъ, портной «Онисій» и столяръ «Евсевій»*), причемъ были выбраны четыре члена „центральной рабочей группы". Ципкинъ объяснялъ задачи этой группы, „Онисій" прочелъ составленное Ципкинымъ воззваніе „Къ обществу крестьянъ Діевской волости", редакція котораго собраніемъ была одобрена. 7-го декабря Борухъ Добровенскій сообщилъ Хайкину и Вайсману объ арестѣ 4-го декабря Альтовскаго и другихъ и пригласилъ Хайкина и Вайсмана на сходку въ квартиру Гарбузенко, для обсужденія способовъ распространенія прокламацій «Ко всѣмъ честнымъ людямъ», изданныхъ по случаю арестовъ. Этимъ собраніемъ руководилъ Борухъ Добровенскій, и на немъ были тѣ же лица, что и на сходкѣ 17-го ноября. Добровенскій заявилъ, что заготовлено пока 3200 экземпляровъ печатныхъ воззваній, и что слѣдуетъ немедленно заняться разбрасываніемъ ихъ въ количествѣ 2000 въ г. Екатеринославѣ и столько же—въ его окрестностяхъ. Затѣмъ, Борухъ Добровенскій указалъ каждому изъ присутствовавшихъ на сходкѣ, не исключая и женщинъ, гдѣ именно они должны бросать прокламаціи, и назначилъ мѣсто для ихъ полученія. Вечеромъ 8-го декабря на улицахъ оказались массы этихъ подметныхъ листковъ, и никто изъ злоумышленниковъ задержанъ не былъ.

Г. Одесса. Съ конца 1901 г. въ Одессѣ часто стали повторяться попытки вызвать публичныя демонстраціи явно противоправительственнаго характера. Такъ, 16-го декабря, въ театрѣ попечительства о народной трезвости, во время спектакля, была брошена съ галлереи въ партеръ пачка воззваній «Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Одессы по случаю годовщины 14-го декабря 1825 г.», причемъ былъ задержанъ бросившій пачку Сруль Вульфъ.

8-го января 1902 г., во время чтенія публичной лекціи въ Городской народной аудиторіи, мѣщанка Фрима Гитникъ подбросила вверхъ 56 прокламацій,—«Ко всѣмъ работникамъ и работницамъ Одессы по поводу наступившаго новаго года».

20-го января въ Городскомъ и Русскомъ театрахъ, во время спектаклей раздались крики «долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода», причемъ было брошено съ галлерей большое количество прокламацій «Ко всѣмъ» отъ «Южной революціонной группы соціалъ-демократовъ». Еврей Хацкель Бронтманъ

*) Поименованныя лица назывались кличками: Хайкинъ—„Николаевскій", Гарбузенко—„Наумъ въ очкахъ", Вайсманъ—„Харьковскій", Пономаренко—„Василій", Веньяминъ Грубинъ—„Миша", Бромбергъ—„А. Б. Е.", Бляхъ—„Роза тендетница", Лея Гольдбергъ—„Лиза", Ревекка Гольдбергъ—„Роза-конфетница", Ципкинъ—„Адольфъ".

и мѣщанинъ Егоръ Матлаховъ*) сознались, что кричали приведенныя фразы и выбросили каждый по 200 воззваній, но отказались указать, откуда ихъ получили.

28-го января на улицахъ Одессы было разбросано множество прокламацій, по поводу означенныхъ безпорядковъ въ театрахъ. Въ раскидываніи этихъ воззваній были замѣчены: мѣщанки Рейзя Солодуха и Рухля Кандель, а также студентъ Новороссійскаго университета, Іоаннъ Шпильбергъ.

Все вышеизложенное несомнѣнно указывало на существованіе тайной организаціи, въ виду чего рѣшено было ликвидировать наблюденіе за лицами, навлекшими на себя подозрѣніе въ принадлежности къ преступнымъ сообществамъ.

По обыску въ квартирѣ акушерки Ривки Хаютиной обнаружены: 1) складъ революціонныхъ изданій**); 2) красный флагъ съ надписями: «долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода, пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь» и 3) два каучуковыхъ штемпеля для оттиска словъ: «Южная революціонная группа соціалъ-демократовъ» и «Прочитавъ передайте товарищамъ». На большинствѣ изданій, взятыхъ у Хаютиной, имѣется штемпель названной «группы». Въ квартирѣ Хаютиной оказался слесарь Моисей Лещинскій, причемъ оба они отъ всякихъ объясненій по дѣлу отказались. Затѣмъ, разнаго рода преступныя изданія и рукописи обнаружены у Исаака Ройзмана, Мовши Гимельфарба, Ханы Финкельштейнъ, Лейбы Рудавскаго***), Владимира Шаха и Ханы Штивельманъ.

Дознаніемъ обнаружено, что «Южная революціонная группа соціалъ-демократовъ» образовалась вслѣдствіе отпаденія отъ «Одесскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» группы лицъ, недовольныхъ тактикою чисто экономической борьбы послѣдняго, причемъ сообщество это приняло вполнѣ революціонную программу «Искры», и члены ея стали называться «искровцами». На одномъ изъ первыхъ собраній группы рѣшено было «терроризировать» правительство частымъ выпускомъ воззваній и повтореніемъ демонстрацій. Несмотря на кратковременность своего существованія,—съ октября 1901 г. по 9 февраля 1902 г.,—сообщество это успѣло выработать весьма сложную организацію для конспирированія главарей и руководителей.

Навербовавъ передовыхъ рабочихъ, учредители «группы» составили изъ нихъ «Агитаторское собраніе», а на себя приняли функ-

*) Матлаховъ привлекался къ дознанію въ Екатеринославѣ, какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ тайномъ сообществѣ.

**) Въ числѣ этихъ изданій: 36 экземпляровъ брошюры „Обвинительный актъ по дѣлу о майскихъ безпорядкахъ на Обуховскомъ заводѣ“, изд. типографіи „Искры“; 57 экземпляровъ брошюры „Десятилѣтіе Морозовской стачки“; 24 экземпляра брошюры „Мститель“; 26 экземпляровъ брошюры „Въ защиту Иваново-Вознесенскихъ рабочихъ“; 315 экз. газеты „Искра“ за 1901 и 1902 гг.; 271 экз. прокламацій отъ „Одесской кассы политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ“; 21 экз. гектографированнаго письма „Предостереженіе чинамъ администраціи“ и т. д., всего 134 названія разныхъ печатныхъ, гектографированныхъ и рукописныхъ преступныхъ сочиненій.

***) Рудавскій привлекался въ Одессѣ къ другому дознанію о демонстраціи 1 мая 1902 года.

ціи такъ называемой «исполнительной комиссіи». Впослѣдствіи выработались особыя организаціи, подъ названіемъ «дискуссій». «Исполнительная комиссія» доставляла для «группы» средства, пріобрѣтала литературу, составляла и издавала прокламаціи и устанавливала связи какъ съ мѣстными организаціями, такъ съ иногородними и заграничными. Вся же практическая работа по всѣмъ отраслямъ «группы» лежала на обязанности «агитаторскаго собранія»: оно составляло программу дѣйствій рабочей массы и руководило ею, причемъ никто изъ рабочихъ не зналъ о существованіи «комиссіи». Сношенія между «комиссіей» и «собраніемъ» происходили чрезъ особыхъ посредниковъ отъ названныхъ органовъ. Задача «дискуссій» состояла въ подготовкѣ агитаторовъ изъ числа извѣстныхъ «собранію» передовыхъ рабочихъ. Каждый изъ членовъ «дискуссій» имѣлъ право устроить свой рабочій кружокъ, о чемъ сообщалось «агитаторскому собранію».

Въ означенный періодъ „группа“ проявила массу энергіи въ своей революціонной дѣятельности: съ одной стороны—было выпущено громадное количество прокламацій, а съ другой—ея члены Матлаховъ и Бронтманъ произвели дерзкую манифестацію въ театрахъ.

Наконецъ, „группа“ подготовляла уличныя демонстраціи, совмѣстно съ „комитетомъ“, обѣщая привлечь къ участію въ нихъ не менѣе 300 человѣкъ.

Выдающимися дѣятелями въ „группѣ“ были члены „исполнительной комиссіи“ и „агитаторскаго собранія“: Хаимъ Штейнбахъ, упомянутый Исаакъ Ройзманъ, Файвель Винницкій и Хана Краснянская. Кромѣ того, къ составу „агитаторскаго собранія“ принадлежали: Лейзеръ Гипшманъ, Осипъ Пустыльникъ, Идель Ройтманъ, Дробца Кушниръ, Овшій Зубатый и названные Бронтманъ и Матлаховъ; изъ нихъ Гипшманъ былъ однимъ изъ организаторовъ „Группы“, а Ройтманъ—представителемъ ея въ комиссіи по устройству демонстрацій,—совмѣстно съ членами „Одесскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“. Сима Фихманъ, въ качествѣ интеллигентки, завѣдывала кружками рабочихъ, а Аронъ Таратута работалъ надъ объединеніемъ разныхъ тайныхъ сообществъ*).

Затѣмъ, къ различнымъ организаціямъ группы, въ качествѣ второстепенныхъ дѣятелей, принадлежали: Борухъ Пелеръ, Чарка Чичельницкая, по мужу Бронтманъ, Песя Гитникъ, Пинхесъ Бернштейнъ, Залманъ Желѣзнякъ и Екатерина Ройзманъ**. Состоя членами „группы“, они посѣщали разные кружки и „дискуссіи“, занимаясь въ то же время и распространеніемъ нелегальныхъ изданій.

---

*) Изъ названныхъ обвиняемыхъ ранѣе привлекались къ дознаніямъ: Краснянская—въ Одессѣ, Гипшманъ и Таратута—въ Екатеринославѣ, Идель Ройтманъ—въ Одессѣ.

**) Изъ нихъ привлекались къ дознаніямъ: Пелеръ—въ Одессѣ по дѣлу о демонстраціи 23 февраля 1902 г., Ройзманъ—по дѣлу объ одесской организаціи „Искра“ и Песя Гитникъ—въ 1899 г. въ Кіевѣ, по дѣлу о группѣ „соціалистовъ-революціонеровъ“.

Въ концѣ 1901 г. были получены указанія, что въ г. Одессѣ среди переплетчиковъ и коробочниковъ сформировался тайный кружокъ, который собирается въ дешевой столовой Леи Простерманъ. По обыскамъ были обнаружены разныя преступныя брошюры и воззванія какъ у Простерманъ, такъ и у посѣщавшихъ ея столовую: Абеля Левина, Александра Кучеренко, Ривки Цензоръ, Нахмана Кивы, Іосифа Каплана, Мордки Бабинскаго, Нуты Зильберга, Хаси Лейцовой, Лейбы Холодовскаго, Когуса Колтуна, Ихеля Гагельштейна и Абрама Лиса*).

По разслѣдованію оказалось, что у Простерманъ ежедневно собирался многочисленный тайный кружокъ изъ рабочихъ переплетнаго и коробочнаго цеховъ. Сообщество это было организовано упомянутыми Когусомъ, Колтуномъ и Гагельштейномъ, при участіи Ноеха Ходорова, которые затѣмъ и руководили кружкомъ. Они читали и разъяснили произведенія подпольной печати, обсуждали вопросы о стачкахъ и демонстраціяхъ, и снабжали членовъ кружка литературою, которую Колтунъ всегда имѣлъ въ изобиліи отъ „Одесскаго комитета", помѣщавшаго на изданіяхъ свой штемпель. Гагельштейнъ, кромѣ того, завѣдывалъ кассой кружка, собирая членскіе взносы и другіе доходы.

Во главѣ организаціи стояли упомянутые Когусъ Колтунъ, Ходоровъ, Гагельштейнъ, Лисъ, Іосифъ Капланъ, а также Иссеръ Колтунъ. Слѣдующую категорію составляли остальные распорядители и главари отдѣльныхъ кружковъ: Ицка-Лейба Злочевскій, Іосель-Гершъ Ярошевскій и названный Бабинскій. Лея Простерманъ, независимо отъ предоставленія сообществу помѣщенія для собраній, занималась передачей литературы членамъ кружковъ.

Остальные обвиняемые, поименованные въ прилагаемомъ спискѣ, были лишь рядовыми членами сообщества, посѣщали сходки въ качествѣ слушателей, будучи притомъ мало развитыми для чтенія нелегальной литературы или усвоенія услышаннаго.

Въ январѣ 1902 г. полиціей г. Одессы были задержаны Мошка Шульктройтъ и Янкель Бейзманъ, по подозрѣнію въ распространеніи преступной литературы, и при нихъ найдены разныя революціонныя изданія**). Особенно много ихъ взято у Бейзмана, причемъ нѣкоторыя оказались въ нѣсколькихъ экземплярахъ. На большинствѣ брошюръ имѣлся штемпель „Одесскаго комитета".

Дознаніемъ установлено, что Шульктройтъ и Бейзманъ, а также близкій знакомый послѣдняго Георгій Андреевъ—принадлежали къ существовавшему въ Одессѣ тайному сообществу, занимавшемуся распространеніемъ соціалистическихъ и революціонныхъ сочиненій какъ въ Одессѣ, такъ и въ другихъ городахъ. По обыс-

*) Въ числѣ отобранныхъ изданій были: „Печать и царское правительство", „Десятилѣтіе Морозовской стачки", „Южный рабочій", „Рабочій день", „Четвертый съѣздъ всеобщаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи", „Самодержавіе и земство", „Рабочій голосъ", „Мститель", „Новый фабричный законъ", и др.

**) Газеты „Искра", „Южный рабочій", „Листокъ рабочаго дѣла" „Дядько Дмитро", „Четвертый съѣздъ всеобщаго Еврейскаго союза" и т. д.

ку у проживавшаго въ Севастополѣ Андреева обнаруженъ цѣлый складъ тѣхъ же нелегальныхъ изданій, какъ упомянутые выше, и также съ печатью „Одесскаго комитета".

Названные обвиняемые дали по дѣлу уклончивыя объясненія.

Въ декабрѣ 1901 г. были получены свѣдѣнія, что въ г. Одессѣ образовалось новое преступное сообщество, подъ названіемъ «Одесская группа соціалистовъ-революціонеровъ», а вслѣдъ затѣмъ появились ея прокламаціи на разныя злободневныя темы*). Въ виду этого, во время общей ликвидаціи наблюденій въ Одессѣ за лицами, заподозрѣнными въ принадлежности къ тайнымъ организаціямъ, 8-го февраля 1902 г. были обысканы и арестованы, въ числѣ другихъ: Шмуйло Черепаха, Абрамъ Брусиловскій, Ноэхъ Финкельштейнъ, Мордко Ривелисъ, братья Соломонъ и Самуилъ Бернштейны, Мовша Найфельдъ, Симха Бейрахсонъ, Сура Таленбергъ и Веля Портная. По обыскамъ только у одного Бернштейна оказалось воззваніе «Ко всѣмъ студентамъ гор. Одессы».

Разслѣдованіемъ выяснено, что упомянутая «группа соціалистовъ-революціонеровъ» сформировалась въ половинѣ декабря 1901 г., вслѣдствіе выхода изъ «Южной революціонной группы» нѣсколькихъ лицъ съ крайними взглядами. Собранія этой новой организаціи происходили у названныхъ Бернштейновъ, Брусиловскаго, Ривелиса и Черепахи. Обсуждая способы борьбы съ правительствомъ, члены партіи высказывались за терроръ, направляемый противъ должностныхъ лицъ, препятствующихъ выполненію революціонныхъ задачъ. Вскорѣ стали говорить о необходимости убить министра внутреннихъ дѣлъ и облить сѣрной кислотой графа Шувалова; Соломонъ же Бернштейнъ и Финкельштейнъ находили, что терроръ долженъ быть и средствомъ самозащиты при демонстраціяхъ или обыскахъ, для чего ими были пріобрѣтены револьверы.

На собраніяхъ «группы» читали и раздавали преступную литературу, какъ напримѣръ: «Рабочее дѣло», «Искру», «Южный Рабочій», «Рабочую Мысль», «Свободу», «Мститель», «Зарю», «Русскій рабочій въ революціи» и пр. Интеллигентными руководителями партіи и составителями прокламацій были Брусиловскій и Черепаха, а Соломонъ Бернштейнъ и Финкельштейнъ печатали воззванія. Ривелисъ занимался агитаціей среди рабочихъ типографскаго цеха и въ изобиліи распространялъ преступныя изданія. Затѣмъ, Соломонъ Бернштейнъ, Найфельдъ, Бейрахсонъ и Сура Таленбергъ принадлежали къ означенной „группѣ", постоянно бывали на ея собраніяхъ и участвовали въ распространеніи прокламацій; участіе въ партіи Самуила Бернштейна и Вели Портной дознаніемъ не установлено.

Въ началѣ февраля 1902 г., слѣдствіе достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что слушательницѣ акушерскихъ курсовъ Леѣ Лем-

*) Первая по времени выпуска „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Одессы", затѣмъ „Соловья баснями не кормятъ", „Къ обществу" и др. Всѣ они заканчивались фразами: „Долой самодержавіе! Долой преступное правительство! Долой царизмъ! Да здравствуетъ революціонная борьба за свободу! Да здравствуетъ правительство изъ народа!"

бергской поручено изъ Харькова разузнать условія пріобрѣтенія типографскаго станка, былъ произведенъ обыскъ на совмѣстной квартирѣ Лембергской, Зисели Розенштейнъ и Мени Галкиной, причемъ обнаруженъ значительный складъ преступныхъ брошюръ и воззваній*), а также—обширная переписка, большею частью конспиративнаго содержанія.

Дознаніемъ установлено, что Лембергская, Розенштейнъ и Галкина составляли центръ тайнаго кружка, который имѣлъ складъ нелегальныхъ изданій и занимался гектографированіемъ и распространіемъ революціонныхъ произведеній и воззваній къ учащейся молодежи. Дѣятельность названныхъ лицъ была несомнѣнно весьма серьезною, судя по количеству оказавшихся у нихъ изданій, а главное—по ихъ перепискѣ съ людьми, большею частью политически скомпрометированными. Главная руководящая роль принадлежала Лембергской, которой довѣрили даже пріисканіе типографскаго станка. Значеніе обвиняемыхъ въ противоправительственной средѣ явствуетъ и изъ близкаго знакомства ихъ съ Яковымъ Іоффе**), однимъ изъ главарей „Одесскаго комитета".

Сарра Полонская, Дора Слѣпая и Рахиль Шапиро***), урожденная Іохельсонъ, были второстепенными членами кружка, причемъ у послѣдней временно хранился складъ подпольной литературы. Бывшій студентъ Александръ Ивановъ, проживая въ Екатеринославѣ, поддерживалъ сношенія съ кружкомъ Лембергской и выписывалъ нелегальныя изданія для себя и своихъ знакомыхъ, хотя въ дѣлѣ нѣтъ точныхъ указаній, что эта высылка дѣйствительно состоялась.

Въ февралѣ 1902 г. въ гор. Одессѣ появилось множество прокламацій за подписями: „Одесскій комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи", „Южная группа соціалъ-демократовъ" и „Одесская группа соціалистовъ-революціонеровъ". Воззванія эти приглашали одесскихъ рабочихъ—въ память освобожденія крестьянъ устроить демонстрацію противъ политики Царскаго правительства.

23-го февраля, около полудня, на Дерибасовской улицѣ образовалась густая толпа гуляющихъ, среди которыхъ было замѣтно много мастеровыхъ и рабочихъ, и преимущественно евреевъ, причемъ у большинства были въ рукахъ толстыя палки. Вскорѣ изъ толпы выдѣлилась группа людей, которые сошли съ тротуара на мостовую и, развернувъ красный флагъ—пошли по улицамъ съ криками: «ура, да здравствуетъ политическая свобода, долой самодержавіе!». Чины полиціи и дворники, дѣлавшіе попытки разсѣять сборище и задержать несшихъ красный флагъ, были избиты, но

---

*) Въ томъ числѣ: „Десятилѣтіе Морозовской стачки", „Пауки и мухи" „Царская казна", „Послѣднія извѣстія", „Вопросы русской жизни", „Летучій листокъ Рабочаго слова", „Печать и царское правительство" и др., а также большое количество разныхъ прокламацій.

**) Іоффе привлекался въ 1899 г. къ дознанію въ Харьковѣ, а въ 1902 г. привлеченъ въ Одессѣ, какъ членъ „комитета".

***) Шапиро привлекалась къ дознанію въ Вильнѣ за отправку преступныхъ изданій въ Каинскъ своей подругѣ Девенишской.

затѣмъ съ прибытіемъ усиленнаго отряда полиціи—толпа разбѣжалась. Минутъ черезъ двадцать демонстранты, однако же, вновь собрались и выставили красный флагъ съ надписями: «долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода», но съ появленіемъ полиціи разошлись, причемъ были задержаны державшіе флагъ и другіе выдающіеся участники безпорядка.

По дознанію оказалось, что описанная манифестація была произведена лицами, заранѣе ее подготовившими въ духѣ открытаго бунта противъ самодержавной власти и существующаго государственнаго порядка. Благодаря арестамъ, предшествовавшимъ демонстраціи, она не приняла тѣхъ размѣровъ, на которые разсчитывали ея иниціаторы, но не осталась безрезультатною, въ смыслѣ желаемаго революціонерами воздѣйствія на рабочую массу и—отчасти—на общество.

Выдѣлявшимися руководителями безпорядка были: Борухъ Пелеръ, Акиндинъ Курносовъ и Василій Михайловъ, находившіеся впереди сборища и несшіе флагъ, а также Федотъ Каревинъ, Василій Волынскій, Михаилъ Кочарьянцъ и Мошка Портной, окружавшіе флагоносцевъ и силою охранявшіе ихъ отъ полиціи и публики. Далѣе, къ числу лицъ, быть можетъ и случайно оказавшихся на мѣстѣ демонстраціи, но затѣмъ принявшихъ въ ней участіе, слѣдуетъ отнести Мовшу - Михеля Мильгрома, Янкеля Зильбервагена, Яна Капцинскаго, Леона Пашта, Шаю Элькина, Берку Шпильку, Лейбу Смоляра, Леона Рузера, Дениса Бугаева, Исаака Литшица и Евсея Кравеца.

Виновность остальныхъ обвиняемыхъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, осталась по разслѣдованію недоказанною.

Въ февралѣ 1902 г. были получены указанія, что у проживавшаго въ г. Одессѣ Янкеля-Сруля Качуровскаго имѣется въ погребѣ корзина съ нелегальною литературою, переданная на храненіе кѣмъ-то изъ семьи Бродскихъ, извѣстныхъ своею политическою неблагонадежностью.

По обыску у Качуровскаго обнаружено три связки писемъ, принадлежащихъ Саррѣ Кранцъ, урожденной Бродской, а въ погребѣ найдена корзина съ революціонными изданіями*), коробка капсюлей и 15 бумажныхъ патроновъ, наполненныхъ бертолетовой солью.

При разслѣдованіи обстоятельствъ появленія означенной корзины у Качуровскаго получено письменное заявленіе Моисея Сойфера, что корзину эту, принадлежащую «нелегальному революціонеру", помѣстилъ къ Качуровскому онъ, Сойферъ**). Послѣдній, однако же, до допроса скрылся, но дознаніемъ установлено, что Качуровскій былъ хорошо знакомъ съ Сойферомъ и зналъ о его противоправительственномъ направленіи.

---

*) Всего 234 изданія, въ томъ числѣ „Искра", „Рабочее дѣло", „Манифестъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ", „Летучій листокъ", „Ко всѣмъ россійскимъ рабочимъ", „1 мая" и др.

**) Въ 1894 г. Сойферъ привлекался къ дознанію и отбылъ 6-мѣсячное тюремное заключеніе, въ 1896 г. за нимъ вновь учрежденъ негласный надзоръ полиціи.

Въ виду имѣвшихся свѣдѣній, что 22 апрѣля 1902 г. къ проживавшему въ г. Одессѣ мѣщанину Марку Оржеровскому будутъ доставлены прокламаціи, призывающія къ демонстраціи 1 мая, у него былъ сдѣланъ обыскъ, которымъ обнаружены не вскрытый еще тюкъ, а также сундукъ и корзина съ нелегальными изданіями, штемпелями «Южной революціонной группы соціалъ-демократовъ" и краснымъ знаменемъ съ революціонною надписью. Въ квартирѣ Оржеровскаго оказались его соквартирантъ Шмуль Кацъ, и гости: Абрамъ Шварцъ, Мордка Альтицеръ, Эль Бухманъ и мѣщанка Лея Рубенчикъ.

У Оржеровскаго найдено 2730 печатныхъ воззваній, озаглавленныхъ: „1 мая. Ко всѣмъ рабочимъ Россіи отъ конференціи комитетовъ и организацій русскихъ и заграничныхъ"; „Ко всѣмъ южнымъ рабочимъ и работницамъ отъ выборнаго на съѣздѣ южныхъ комитетовъ и организацій", „Ко всѣмъ рабочимъ Россіи", „Ко всѣмъ еврейскимъ рабочимъ и работницамъ"; Ко всѣмъ солдатамъ г. Одессы", „Солдатская памятка", и по нѣсколько экземпляровъ разныхъ революціонныхъ брошюръ, газеты „Искра" и др. У Альтицера какъ при немъ, такъ и на его квартирѣ обнаружены разныя преступныя изданія, которыя оказались и у Каца.

Всѣ названные лица, привлеченныя къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ, дали уклончивыя объясненія и виновными себя не признали. Тѣмъ не менѣе, самый характеръ и количество вещественныхъ доказательствъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что Оржеровскій принадлежалъ къ „Южной революціонной группѣ" и былъ въ ней однимъ изъ главныхъ дѣятелей; отъ него же, повидимому, исходили и всѣ распоряженія по распространенію прокламацій и другой нелегальной литературы. Шварцъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Оржеровскаго, и экспертизою признано, что „Солдатская памятка" написана для воспроизведенія на гектографѣ почеркомъ Шварца.

Нахожденіе въ квартирѣ Оржеровскаго обвиняемыхъ Каца, Альтицера и Бухмана въ то время, когда онъ только что принесъ къ себѣ тюкъ съ прокламаціями, а также найденныя у нихъ нелегальныя изданія—указываютъ, что и они принадлежали къ означенному сообществу. Рубенчикъ объяснила, что она зашла къ Оржеровскому случайно, и разслѣдованіемъ не получено данныхъ, опровергающихъ это показаніе.

1-го мая 1902 года, вечеромъ, на Николаевскомъ бульварѣ въ г. Одессѣ, среди гуляющей публики появилось особенно много рабочихъ-евреевъ, ходившихъ небольшими группами, причемъ всѣ они имѣли въ рукахъ палки. Было замѣчено, что рабочіе подчинялись руководителямъ и какъ бы ждали сигнала. Вскорѣ послѣдовало два рѣзкихъ свистка, послѣ чего группы рабочихъ быстро соединились и, сбразовавъ плотную толпу, развернули красный флагъ съ какими то надписями, стали кричать «ура» и разбрасывать прокламаціи. Флагъ этотъ, какъ равно и трехъ державшихъ его евреевъ, несмотря на всѣ усилія полиціи, захватить не удалось; толпа снова разбилась на кучки, съ криками «ура» разбѣжавшіяся

въ разныя стороны отъ бульвара, и задержаны лишь 31 человѣкъ изъ числа наиболѣе обратившихъ на себя вниманіе.

Поднятыя на мѣстѣ безпорядка воззванія приглашали рабочихъ къ демонстраціи 1 мая и заканчивались словами: «Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ соціализмъ!» На листкахъ былъ штемпель «Южной революціонной группы соціалъ-демократовъ». Между такими воззваніями были и другія, подъ заглавіемъ: «Первое мая. Ко всѣмъ рабочимъ Россіи». Находя, что рабочіе достаточно сильны для того, чтобы сломить силу русскаго самодержавія, воззваніе убѣждало всѣхъ рабочихъ явиться на демонстрацію; къ листкамъ приложенъ штемпель «Одесскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи».

Разслѣдованіемъ выяснено, что въ манифестаціи принимали участіе: Борухъ Либерманъ, Рахиль Акертъ, Ицка Рыбакъ, Борухъ Дашницкій, Исаакъ Литваръ, Савелій Сикорскій, Моисей Биндеръ, Хаимъ Гершковичъ, Нисенъ Ашкинезеръ, Овшій Бронтманъ, Нухимъ Красновскій, Павелъ Касаковъ, Волька Вайнштейнъ, Израиль Покатиловъ, Харитонъ Волковъ, Абрамъ Гольдинъ, Леонидъ Столяръ, Матусъ Фельбергъ, Овшій Пружанскій, Бетя Менделевичъ, Сруль Генфанштейнъ, Давидъ Чертковъ, Иванъ Тетерь, Липманъ Рѣзникъ и Лейба Рудавскій*). Особой энергіей при демонстраціи выдѣлялись: Либерманъ, державшій красный флагъ, Гершковичъ, кричавшій «долой самодержавіе» и Пружанскій, подбрасывавшій прокламаціи. Сикорскій явился на сборище съ пачкой прокламацій. Тетерь и Рудавскій принимали дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ манифестаціи, причемъ Рудавскій принесъ на бульваръ упомянутый красный флагъ. Рыбакъ и Дашницкій били палками чиновъ полиціи, старавшихся отобрать флагъ, Бронтманъ имѣлъ при себѣ палку съ особымъ приспособленіемъ для флага и былъ въ тѣсномъ общеніи съ главарями безпорядковъ. Дѣятельность остальныхъ манифестантовъ, поскольку она выяснена дознаніемъ, является почти одинаковою и соотвѣтствуетъ размѣру взысканія, наложеннаго на нихъ постановленіемъ одесскаго градоначальника.

31-го мая 1902 г., при наблюденіи за однимъ изъ членовъ «Одесскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», были послѣдовательно задержаны: Іерухимъ Перельштейнъ, Лейба Гринблатъ и Лейба Фейгинъ; у первыхъ двухъ оказалось слишкомъ по 500 экземпляровъ печатной прокламаціи, озаглавленной «Листокъ рабочаго слова ко всѣмъ рабочимъ г. Одессы—крестьянскія волненія въ харьковской и полтавской губерніяхъ», со штемпелемъ названнаго комитета, а у Фейгина найдены разныя нелегальныя изданія.

Къ возбужденному дознанію, кромѣ упомянутыхъ лицъ, были привлечены: Айзикъ Кричевскій, Хая Барышникъ, Рейзя Тайцъ, Фаня Варьеръ, Сура Финкельштейнъ, Броха Аншеловичъ, Ривка Цензоръ и Веніаминъ Гринфельдъ. Установлено, что всѣ поименованныя лица составляли въ 1902 году въ Одес-

*) См. 102 стр. наст. Обзора.

сѣ тайное сообщество, называвшееся «Одесскимъ комитетомъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи». Какъ и другія подобныя группы, сообщество имѣло въ виду ниспроверженіе существующаго въ Россіи правительства и переустройства общества на соціалистическихъ началахъ. Исполняя программу своего кружка, члены его вели революціонную пропаганду и распространяли подпольныя изданія, въ которыхъ подстрекали къ бунту противъ Верховной власти. Выдающимися дѣятелями въ сообществѣ были: Гринблатъ, Фейгинъ, Перельштейнъ и Кричевскій. Гринблатъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ «исполнительнымъ комитетомъ» партіи, и лишь за нѣсколько дней до ареста передалъ свои полномочія ину, а Фейгину, а складъ нелегальной литературы—Фанѣ Варьеръ. Фейгинъ помимо «Одесскаго комитета» былъ членомъ «Ремесленнаго совѣта» отъ цеха портныхъ, которыхъ и снабжалъ нелегальными изданіями. У Кричевскаго оказалось большое количество экземпляровъ разныхъ прокламацій*), которыя онъ, состоя членомъ «агитаторскаго собранія», широко распространялъ между рабочими и среди женщинъ-ремесленницъ. Далѣе, по своей активной дѣятельности, заслуживаютъ вниманія Хая Барышникъ и Рейза Тайцъ, находившіяся въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ главарями кружка и распространявшія революціонную литературу.

Кромѣ того, къ дознанію привлеченъ Давидъ Райгородецкій, который, выѣхавъ въ 1901 году въ Берлинъ, сдѣлался тамъ членомъ еврейскаго «Бунда» и въ февралѣ 1902 года пріѣхалъ въ Кіевъ съ какимъ-то порученіемъ революціоннаго характера. Возвратясь затѣмъ въ Одессу, онъ тотчасъ же вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Перельштейномъ и другими лицами противоправительственнаго направленія.

Лѣтомъ 1902 г. были получены указанія, что приказчикъ земской грязелѣчебницы въ с. Холодной Балкѣ, Одесскаго градоначальства, Ананій Медяникъ, занимается составленіемъ, изданіемъ и распространеніемъ прокламацій къ народу, и что около него группируется кружокъ изъ фельдшерицъ Елизаветы Тетельбаумъ и Антонины Нещеретовой, и врача Дмитрія Ульянова. У всѣхъ поименованныхъ лицъ обнаружены при обыскахъ разныя нелегальныя изданія и, между прочимъ, журналъ «Заря», газета «Искра» и прокламаціи «Южной революціонной группы».

Дознаніемъ выяснено, что Медяникъ, поддерживая связи съ тайными преступными организаціями, постоянно имѣлъ революціонную литературу и снабжалъ ею другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ началѣ 1902 г. онъ составилъ и издалъ воззванія къ сельскому населенію, распространивъ ихъ затѣмъ въ окрестностяхъ с. Холодной Балки. Прокламаціи эти чисто революціоннаго характера, такъ какъ содержатъ въ себѣ призывъ къ ниспроверженію самодержавнаго правительства и замѣнѣ его выборнымъ «земскимъ соборомъ». Онѣ должны были произвести серьезное броженіе умовъ среди крестьянъ, такъ какъ написаны удобопонятнымъ для нихъ языкомъ.

---

*) Какъ, напр., „Къ казакамъ“, „О террорѣ“, „Голосъ Россіи“, брошюра „Кто чѣмъ живетъ“, въ 110 экз., идр.

Прикосновенность Ульянова, Тетельбаумъ и Нещеретовой къ какому-либо тайному сообществу дознаніемъ не установлена, какъ не выяснено и распространеніе ими находившихся у нихъ запрещенныхъ изданій; но имѣются данныя, что у крестьянина Игната Старожука была какая-то прокламація, которую онъ читалъ своимъ знакомымъ.

Въ сентябрѣ 1902 г. были получены свѣдѣнія, что въ Одессѣ образовался кружокъ, распространяющій гектографируемыя имъ воззванія и разныя подпольныя сочиненія. Имѣя во главѣ частнаго учителя Фалька Колтуна, кружокъ составляли: учительница Сура Духовная, фотографъ Абрамъ Грабарскій, Соломонъ Герцфельдъ, Яковъ Спивакъ и гимназистъ Ицкохъ Повесъ. Наблюденіемъ было замѣчено, что часто собираются у Духовной, Колтуна и Герцфельда.

11-го сентября въ квартирѣ Духовной былъ произведенъ обыскъ, причемъ у нея оказались названныя Колтунъ и Спивакъ, а также мѣщанка Хая Черкасская и дочь купца Роза Гройсманъ. На столѣ передъ собравшимися лежали 40 гектографированныхъ прокламацій «Къ обществу», 189 конвертовъ и списокъ должностныхъ и частныхъ лицъ съ ихъ адресами. Во время обыска въ квартиру Духовной явился Повесъ, у котораго найдено: брошюра «Революція 1848 г. въ Вѣнѣ», со штемпелемъ „Одесскаго комитета“, газета „Искра“, два гектографированныхъ „Летучихъ листка 8 сентября 1902 г.“, и рукопись, озаглавленная „№ 72. Изъ матерьяловъ революціонной Россіи. Покушеніе на князя Оболенскаго“.

При обыскахъ лицъ, бывшихъ у Духовной, въ квартирѣ Герцфельда оказался названный Грабарскій, при которомъ найдена прокламація „Къ обществу“, тождественная съ упомянутыми выше. Въ квартирѣ Спивака находилась учительница Роза Полинковская, въ рукахъ которой былъ журналъ „Революціонная Россія“ за май 1902 года.

При дознаніи всѣ названные обвиняемые дали уклончивыя объясненія, отвергая принадлежность свою къ какому-либо организованному кружку.

Г. Херсонъ. Еще съ 1900 г. въ г. Николаевѣ, Херсонской губерніи, среди рабочихъ мѣстныхъ заводовъ стали формироваться кружки соціалистическаго направленія, принадлежавшіе къ тайному сообществу, именующемуся „Южно-русскимъ рабочимъ союзомъ“. 18-го апрѣля 1902 г. были задержаны организаторы и главные руководители этой партіи, вслѣдствіе чего она на время прекратила свою дѣятельность. Однако же, нѣкоторые изъ болѣе активныхъ ея членовъ вскорѣ начали группироваться около своихъ прежнихъ товарищей Ицки Шварца*), называвшагося „Исаакомъ“, и Василія Спифанова, которые энергично принялись за возстановленіе кружковъ.

---

*) Шварцъ привлекался къ дознанію въ Одессѣ по дѣлу мѣстнаго соціалъ-демократическаго комитета.

Въ началѣ 1902 г. были получены свѣдѣнія, что главари кружковъ намѣрены разбросать по городу разныя противоправительственныя изданія и прокламаціи. И дѣйствительно, въ ночь на 22-е января, въ разныхъ пунктахъ города были задержаны лица, заподозрѣнныя въ нелегальной дѣятельности, при которыхъ оказалось большое количество подпольной литературы. Такимъ образомъ, были арестованы: Афанасій Лазаревъ, Трофимъ Анисимовъ, Василій Барилко и Ущеръ Штеренбергъ; бывшему же вмѣстѣ съ Лазаревымъ Абраму Лившицу удалось скрыться*). Кромѣ того, на улицахъ было поднято до 350-ти экземпляровъ разныхъ преступныхъ брошюръ и гектографированныхъ прокламацій „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Николаева“, „Подарокъ николаевскимъ рабочимъ“, Марсельеза“, «О кризисѣ», „Вопросы русской жизни“, „Пауки и мухи“ и другихъ.

Въ февралѣ того же года на улицахъ снова появились изданія, подобныя упомянутымъ выше, а затѣмъ то же самое повторялось неоднократно и въ апрѣлѣ.

Послѣ ряда обысковъ у намѣченныхъ лицъ, было возбуждено дознаніе, вполнѣ подтвердившее данныя наблюденія. Выяснено, что послѣ распаденія кружковъ, вызваннаго упомянутыми арестами 18-го апрѣля 1901 г., къ Шварцу и Епифанову вновь примкнули: Василій Тризна, Яковъ Бабенко, Сергѣй Кухтюковъ, Александръ Колюбаевъ, Федоръ Сучатовъ, Иванъ Плаксинъ, Иванъ Питеровъ, Александръ Избинскій, Петръ Лупаревъ и названный Анисимовъ**). Всѣ они вели революціонную пропаганду среди рабочихъ, распространяя массу преступной литературы, формировали новые кружки и являлись ихъ руководителями; особенно выдающимися агитаторами были Анисимовъ, Тризна и Плаксинъ.

Осенью 1901 года Епифановъ ввелъ въ организованные имъ кружки въ качествѣ руководителя упомянутаго Лившица; послѣдній горячо взялся за дѣло пропаганды, доставлялъ массу революціонныхъ изданій и говорилъ рѣчи о необходимости демонстрацій, стачекъ и т. п. Вскорѣ съ Лившицемъ сталъ являться на собранія исключенный изъ Кіевскаго университета означенный Штеренбергъ, отданный подъ особый надзоръ полиціи въ г. Николаевѣ.

Называясь среди рабочихъ «Павломъ», Штеренбергъ сдѣлался руководителемъ всѣхъ тайныхъ кружковъ въ г. Николаевѣ. Заводя новые кружки, онъ организовалъ „Николаевскій комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» и выработалъ общую программу занятій въ группахъ. Ближайшими сотрудниками Штеренберга были названные Лившицъ, Анисимовъ и Тризна, а

---

*) При названныхъ лицахъ оказалось: 275 экземпляровъ листковъ, подъ заглавіемъ „Пауки и мухи“, 205—„Вопросы русской жизни“. 78—брошюры „Мститель“, 22—„Южный рабочій“, 19—„Внутреннее обозрѣніе“, 12—„Рѣчь Петра Алексѣева“ и большое количество различныхъ воззваній. Изъ названныхъ лицъ Штеренбергъ привлекался къ дознанію въ Одессѣ.

**) Бабенко привлекался къ дознанію въ Севастополѣ, а Тризна—въ Харьковѣ.

также Шапса Срулевичъ, называвшійся „Филиппомъ“, и Марія Осадчая*).

Дѣятельность поименованныхъ агитаторовъ была настолько успѣшна, что въ короткое время образовалось весьма много „кружковъ рабочаго союза“ съ огромнымъ числомъ членовъ. Изъ послѣднихъ наиболѣе выдающимися кромѣ означенныхъ выше, были: Викторъ Жуковъ, Яковъ Кухарчикъ, Владиміръ Спирочкинъ, Анна Анисимова, урожденная Чернявская, Николай Чернявскій, Авилъ Михно, Павелъ Дергаченко, Георгій Шкаценъ, Германъ Романовъ, Шимонъ Грабовскій, Никита Форостовскій, Георгій Балашъ, Семенъ Никифоровъ, Егоръ Тулиновъ, Владиміръ Придилинъ, Павелъ Войтковскій, Александръ и Василій Желтенькіе, Емельянъ Смола и Рахиль Бухминдеръ; изъ нихъ Лившицъ, Трофимъ Анисимовъ, Жуковъ и Кухарчикъ были членами „комитета“.

Одновременно съ пропагандою между заводскими рабочими, она велась среди мастеровыхъ мелкихъ заведеній и остальной еврейской молодежи. Организаторами кружковъ союза въ этой средѣ были: Лазарь Вулихъ, Дьойра Менделевская, Гися Шерманъ и Берко Мирскій, постоянно сносившіеся съ Штеренбергомъ, Лившицомъ, Осадчей и другими. Членами такихъ кружковъ состояли: Ицко Берлинъ, Абрамъ Неминовъ, Лейба Мирскій, Файвель Карасикъ, Абрамъ Гусинскій, Шая Олинскій, Марія Певзнеръ, Шлема Цинманъ, Александръ Феркель, Рася и Гитля Мейдманъ, Цива Левина, Филиппъ Палуботько, Лука Даниловъ, Матля Асушкина, Левъ Поволоцкій и Эзекіилъ Шассъ. На сходкахъ этихъ лицъ съ конца 1901 г. почти всегда присутствовалъ Аронъ Таратута, называвшійся въ кружкахъ Николаемъ Николаевичемъ Николаевскимъ*).

Въ январѣ 1902 года Штеренбергъ и Лившицъ заготовили огромное количество составленныхъ ими воззваній, назначили людей для ихъ разбрасыванія и каждому указали по плану часть города, гдѣ слѣдовало бросать листки и брошюры.

Послѣ ареста Штеренберга и побѣга Лившица, завѣдываніе кружками приняла на себя Осадчая, занявшаяся подготовкой членовъ группъ къ демонстраціямъ. Кромѣ того, она завязала переписку съ иногородними членами „рабочаго союза“ о присылкѣ въ Николаевъ „Интеллигента“ взамѣнъ Штеренберга.

Въ февралѣ Осадчая составила и отгектографировала особое воззваніе, которое и было разбросано вмѣстѣ съ другими нелегальными произведеніями.

П чти у всѣхъ названныхъ обвиняемыхъ наіідены въ болѣе или менѣе значительномъ размѣрѣ революціонныя произведенія и прокламаціи. Послѣднія, въ двѣнадцати различныхъ изданіяхъ, трактуютъ о необходимости уничтоженія правительственной власти и

*) Срулевичъ привлекался къ дознанію въ Екатеринославѣ, а Осадчая—въ Кіевѣ.

**) Менделевская, Левина и Полуботько привлекались къ дознанію въ Екатеринославѣ, Рася Мейдманъ и Шерманъ—въ Кіевѣ, Карасикъ и Гузинскій высланы въ Восточную Сибирь, Таратута привлекался—въ Одессѣ. См. 103 стр. наст. обзора.

борьбы съ капиталистами. Большинство ихъ оканчивается словами: „да здравствуетъ царство соціализма! Долой самодержавіе! Долой царя!“

Кромѣ названныхъ обвиняемыхъ, къ дознанію привлечено нѣсколько лицъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, находившихся въ сношеніяхъ съ членами тайныхъ кружковъ, или хранившихъ у себя нелегальную литературу.

Въ началѣ 1902 г. въ гор. Елисаветградѣ было обращено вниманіе на появившагося неизвѣстнаго молодого еврея, не имѣвшаго ни опредѣленныхъ занятій ни постояннаго мѣстожительства. 16-го февраля онъ былъ задержанъ и назвался мѣщаниномъ Яковомъ Робермановъ, причемъ въ карманѣ его пальто найденъ обрывокъ бумаги, на которомъ написано: „Успенской отъ завода Бургорта съ лѣвой стороны № 3 Эльборта“. Въ предположеніи, что эта запись есть адресъ политически неблагонадежнаго лица, въ домѣ Эльборта, по Успенской улицѣ, была осмотрѣна квартира столяра Лейзера Янкелевича. Въ одной небольшой комнаткѣ, совершенно заполненной двумя верстаками, оказались спавшими, кромѣ Янкелевича, двое мужчинъ и двѣ женщины; послѣднія предъявили паспорты: одна на имя Розы Терманъ, а другая—Фреды Блатманъ. У мужчинъ паспортовъ не оказалось, и одинъ назвался Беркой Цейтлинымъ*) а другой—Хаимомъ Эберштейномъ. Въ этой же комнатѣ находился чемоданъ, по словамъ Эберштейна, принадлежавшій ему.

Чемоданъ оказался наполненнымъ нелегальными изданіями; тамъ были: 260 экземпляровъ газеты „Южный рабочій“, 368 экз. брошюры „О новой маскѣ и о томъ, кто подъ ней скрывается“, рукопись революціоннаго содержанія, подъ заглавіемъ „О милитаризмѣ“, квитанція въ пріемѣ перевода на сто рублей въ г. Баку, на имя Козыренко, и нѣсколько писемъ, очевидно условнаго содержанія. Въ печкѣ означенной квартиры оказалась масса пепла, а по остаткамъ сгорѣвшей бумаги усмотрѣно, что были сожжены листы газеты „Южный рабочій“, именно тѣ страницы, которыхъ не доставало среди листовъ, лежавшихъ въ чемоданѣ.

Наконецъ, во дворѣ при квартирѣ Янкелевича, въ мусорѣ, найдены обрывки, изъ которыхъ получилась часть печатной прокламаціи „19 февраля“, за подписью: „Одес. ком. Р. С.-Д. Р. П.“, „Южная революціонная группа Соц. Д.“ и „Одес. группа соціалистовъ-революціонеровъ“.

Одновременно съ обыскомъ у Янкелевича былъ произведенъ обыскъ у Фроима Сощина, причемъ обнаружено много нелегальныхъ брошюръ, воззваній и переписка конспиративнаго содержанія.

По разслѣдованію оказалось, что названные Эберштейнъ и Блатманъ назывались вымышленными именами: первый оказался сыномъ смоленскаго купца Абрамомъ Гинзбургомъ, а вторая—дочерью витебскаго купца Ханой Розенфельдъ**).

---

*) Цейтлинъ привлекался въ 1900 г. къ дознанію въ Витебскѣ и тамъ же въ 1898 г.

**) Гинзбургъ и Розенфельдъ привлекались въ 1900 г. къ дознанію въ Витебскѣ.

Возбужденнымъ дознаніемъ не выяснена въ достаточной степени дѣятельность вышеупомянутыхъ лицъ, въ смыслѣ какого-либо организованнаго сообщества; тѣмъ не менѣе, нахожденіе въ Елисаветградѣ названныхъ обвиняемыхъ, съѣхавшихся туда безъ всякаго легальнаго повода, въ связи съ обнаруженіемъ ихъ въ конспиративной квартирѣ, вмѣстѣ съ чемоданомъ несброшюрованныхъ изданій „Южнаго рабочаго", доказываетъ весьма серьезныя цѣли данной группы. Главарями ея были Гинзбургъ, Розенфельдъ, Цейтлинъ и Терманъ; всѣ они связаны между собой революціонною дѣятельностью еще съ 1898 года, и несомнѣнно продолжали ее до послѣдняго времени, перейдя, въ интересахъ дѣла, на положеніе „нелегальныхъ революціонеровъ".

Янкелевичъ и Сощинъ хотя и были близки къ упомянутому кружку, первый въ качествѣ хозяина конспиративной квартиры, а второй—устроителя сходокъ для пропаганды и агитаціи, но роль ихъ была, повидимому, второстепенною, а пропаганда Сощина не представляется интенсивною. Къ означенной группѣ принадлежали Роберманъ, Николай Мануйловъ, Шеня Сощина и Эхиль Фельдманъ, которые посѣщали собранія рабочихъ въ квартирѣ Сощина, но активнаго ихъ участія въ пропагандѣ не установлено. Виновность Баси, Хаи и Берки Грицевскихъ осталась по дознанію недоказанною.

Къ тому же дознанію былъ привлеченъ проживающій въ Ростовѣ на-Дону сотрудникъ газеты „Донская Рѣчь" Михаилъ Воскресенскій, на имя котораго былъ высланъ транспортъ нелегальной литературы въ 29 фунтовъ вѣсомъ*). Онъ признался, что получалъ запрещенныя изданія отъ случайнаго знакомаго по городскому саду, называвшагося „Антоновымъ", и разновременно передалъ послѣднему для политическихъ заключенныхъ 30—40 рублей. Въ ноябрѣ 1901 г. Антоновъ заѣхалъ къ нему на квартиру и, сообщивъ о своемъ отъѣздѣ, просилъ получить съ вокзала книги, которыя должны притти на его имя. 2-го декабря въ редакцію явилась какая то дѣвочка и передала ему конвертъ съ квитанціею на багажъ въ 29 фунтовъ, при полученіи котораго онъ, Воскресенскій, былъ задержанъ.

Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о распространеніи въ гор. Херсонѣ нелегальныхъ изданій проживающимъ въ городѣ безъ опредѣленныхъ занятій крестьяниномъ Павломъ Одарикомъ, у него былъ произведенъ 21-го ноября 1902 года обыскъ, причемъ найдено болѣе ста революціонныхъ брошюръ, газетъ и воззваній**), а также гектографъ. На нѣкоторыхъ изданіяхъ были штемпеля „Южнаго революціоннаго союза соціалъ-демократовъ" и „Минскаго соціалъ-демократическаго комитета". Въ комнатѣ Одарика оказались Соломонъ Картъ и Гигель Говбархъ.

---

*) Въ томъ числѣ газеты „Искра", „Южный рабочій", брошюры „Пауки и мухи" и т. п.

**) Въ томъ числѣ брошюры „Мститель", „Кто совершитъ политическую революцію", журналы: „Свобода", „Искра", „Рабочее дѣло", „Рабочее слово", газеты: „Летучій листокъ ко всѣмъ новобранцамъ" и другія.

Во время обыска къ Одарику явился Юдка Зингеръ, при которомъ было болѣе десяти преступныхъ изданій.

Дознаніемъ установлено, что названные Одарикъ и Зингеръ, а также Исаакъ и Матусъ Балишанскіе составили тайный кружокъ для распространенія среди мѣстныхъ рабочихъ сочиненій и прокламацій, съ цѣлью побудить ихъ къ явному неповиновенію Верховной Власти. Собранія кружка въ квартирѣ Одарика посѣщали также Говбархъ и Картъ, хотя въ дѣлѣ и нѣтъ указаній на ихъ дѣятельность въ качествѣ членовъ означеннаго кружка. Затѣмъ, при провѣркѣ сношеній Зингера, усмотрѣнныхъ изъ его переписки, въ совмѣстной квартирѣ Шлемы Папера и Давида Кружкина найденъ журналъ «Рабочее Слово» отъ 15-го ноября 1902 года.

Область войска Донского. Весною 1902 г. мѣщанинъ Константинъ Сопѣтовъ пріѣхалъ изъ Женевы и поселился въ г. Таганрогѣ, гдѣ тотчасъ сошелся съ отданнымъ подъ особый надзоръ полиціи крестьяниномъ Дмитріемъ Стуканевымъ и Ильей Скляровымъ. Вскорѣ было замѣчено, что около нихъ собираются рабочіе, среди которыхъ появились всякаго рода нелегальныя изданія. Въ первыхъ числахъ сентября Сопѣтовъ выѣхалъ въ Харьковъ, и при возвращеніи оттуда былъ задержанъ на станціи «Таганрогъ», причемъ у него оказались нѣкоторыя революціонныя изданія—каждое въ нѣсколькихъ экземплярахъ—и письмо отъ «Н.», въ которомъ ему совѣтуютъ «быть осторожнѣе».

Дознаніемъ обнаружено, что Сопѣтовъ организовалъ тайный кружокъ, къ которому принадлежали названные Скляровъ, Дмитрій Стуканевъ, а также Михаилъ Копыловъ*), Тимофей Петренко и Иванъ Стуканевъ; пропагандируя среди рабочихъ противоправительственныя идеи, группа эта распространяла нелегальную литературу и устраивала сходки, на которыхъ велись съ рабочими собесѣдованія преступнаго характера. Кромѣ того, была основана касса для выдачи пособій во время забастовокъ, какъ равно и для покупки подпольной литературы.

Всѣ обвиняемые при дознаніи дали уклончивыя объясненія.

Г. Кишиневъ. Въ ночь на 9 февраля 1902 г., въ виду ожидавшихся въ г. Кишиневѣ безпорядковъ политическаго характера, былъ произведенъ рядъ обысковъ у лицъ, подозрѣваемыхъ въ подготовленіи демонстраціи и въ сношеніяхъ съ неблагонадежными элементами. Въ квартирѣ мѣщанина Герша Бронтмана, въ комнатѣ его квартирантки Мани Школьникъ, обнаружены типографскій шрифтъ и другія принадлежности для печатанія. Тамъ же спалъ Ааронъ Шпейзманъ, въ платьѣ котораго оказался типографскій валикъ, а затѣмъ, въ коровникѣ, принадлежавшемъ къ квартирѣ Бронтмана, найдены части типографскаго станка и свертокъ съ разными нелегальными изданіями.

---

*) Дмитрій Стуканевъ и Копыловъ привлекались къ дознанію за участіе въ политической демонстраціи въ Ростовѣ на Дону 18 апрѣля 1902 г.

Въ квартирѣ акушерки Раисы Баргъ оказался мѣщанинъ Яковъ Бѣленькій, при которомъ найдена рукописная программа соціалъ-демократическихъ кружковъ. Въ ней, между прочимъ, проектируется «использованіе текущихъ общественныхъ событій, напр. 19 февраля, для проявленія агитаціонной дѣятельности: опубликованія воззваній группъ, привлеченія къ дѣлу учащейся молодежи, установленія сношеній съ подобными же группами другихъ городовъ и распространенія литературы вообще, а въ частности—среди либеральной буржуазіи». Въ квартирѣ Бѣленькаго оказалась прокламація «Южной революціонной группы соціалъ-демократовъ», сообщавшая о демонстраціяхъ въ одесскихъ театрахъ 20-го января 1902 г.

12 марта 1902 г. былъ задержанъ на вокзалѣ разыскивавшійся мѣщанинъ Леонъ Гольдманъ, который назвался Ицкою Риманомъ, подъ именемъ котораго онъ жилъ въ Кишиневѣ. Въ моментъ прибытія полиціи въ квартиру Гольдмана для обыска, жена послѣдняго Мера, при содѣйствіи Герша Элькина и Ханы Корсунской, печатала на типографскомъ станкѣ обложки для брошюры «Легальные союзы». При осмотрѣ кварти ы найденъ другой типографскій станокъ, слишкомъ 7 пудовъ шрифта, разныя принадлежности для печатанія и, между прочимъ, клише для заголовковъ газетъ «Искра» и «Впередъ». Во второмъ станкѣ оказался приготовленный наборъ: «Россійская соціалъ-демократическая рабочая партія», «Легальные союзы и русское рабочее движеніе». Изданіе «Искры», мартъ 1902 г., типографія «Искры». Затѣмъ найденъ отдѣльный наборъ: «Что же дальше», Г. Плеханова, изд. «Искры», тип. «Искры». Сентябрь 1901 г.». Кромѣ того, найдено около 1000 экземпляровъ разныхъ брошюръ и воззваній, изданныхъ «Искрой», слишкомъ 5.000 разноцвѣтныхъ обложекъ для брошюры «Легальные союзы и русское рабочее движеніе» и около 5 пудовъ несброшюрованныхъ листовъ той же брошюры.

При обыскѣ у Юдки-Лейбы Шварца обнаружено письмо, изъ котораго усматривается, что означенная типографія работала для всего юга, подъ фирмой женевскихъ изданій. Разслѣдованіемъ установлено, что это письмо написано близкимъ Манѣ Школьникъ каноиромъ 2 артиллерійскаго полка Давидомъ Ройтерштерномъ и заключаетъ въ себѣ горячій призывъ выполнить задуманное ею политическое убійство, причемъ она сравнивается съ Софьей Перовской.

По обыску у Ройтерштерна найдены четыре письма Мани Школьникъ; въ одномъ изъ нихъ она говоритъ, что «въ Одессѣ образовалась группа соціалистовъ-революціонеровъ, дѣятельность которой выражается въ изданіи хорошо составленныхъ прокламацій, и я принадлежу къ этой группѣ». Въ другомъ письмѣ она сообщаетъ, что перемѣнила ремесло, «ставъ наборщицей», и далѣе, мечтая о болѣе активной работѣ, говоритъ: «я не хочу пасть жертвою, пока не увижу крови нашего вампира. Я готова предать себя на эшафотъ, но прежде видѣть кровь нашихъ издѣвателей».

Изъ писемъ къ Ройтерштерну другихъ лицъ обращаетъ на себя вниманіе письмо «Шике-заготовщика», который высказы-

ваетъ террористическія убѣжденія и радуется, что «революціонная семья растетъ». Затѣмъ, въ одномъ изъ писемъ «Хаимъ» сообщаетъ Ройтерштерну адресъ «Шике», называя его «нижнимъ чиномъ 203 грайворонскаго резервнаго батальона Овшіемъ Винникомъ, проживающимъ въ Курскѣ».

Между тѣмъ, Гольдманъ, уже находясь подъ стражей, заявилъ, что въ Кіевѣ онъ сдалъ въ багажъ на храненіе корзину нелегальной литературы. Оказалось, что, дѣйствительно, между 9 и 12 февраля 1902 г., артельщику была оставлена невостребованная потомъ корзина, въ которой найдено 3000 экземпляровъ воззванія «Ко всѣмъ харьковскимъ рабочимъ», тождественнаго съ найденнымъ въ квартирѣ Гольдмана. Ранѣе же этого, 21 января 1902 г., въ г. Харьковѣ былъ конфискованъ транспортъ изданій той же типографіи «Искра».

Супруги Гольдманъ, Корсунская, Элькинъ, Маня Школьникъ и Шпейзманъ отъ всякихъ объясненій по дѣлу отказались. Тѣмъ не менѣе, дознаніемъ выяснено, что въ Кишиневѣ около года существовало тайное сообщество, устроившее типографію для изданія и распространенія революціонныхъ сочиненій. Въ видахъ конспираціи, личный составъ всей группы былъ не великъ, а о существованіи типографіи не знали даже и тѣ, кто впослѣдствіи примкнулъ къ сообществу. Кромѣ лицъ, застигнутыхъ въ квартирѣ Гольдмана, въ типографіи работали Маня Школьникъ и Шпейзманъ.

Дѣятельность означеннаго сообщества была весьма обширна, такъ какъ, не ограничиваясь распространеніемъ своихъ изданій на мѣстѣ, оно выполняло огромные заказы для другихъ районовъ.

Ройтерштернъ, Винникъ и Бѣленькій, помимо описанной ихъ дѣятельности, занимались широкимъ распространеніемъ изданій, приходившихъ къ нимъ изъ типографіи, а Винникъ, сверхъ того, подыскивалъ людей, преданныхъ революціонному движенію.

Слѣдующую группу въ сообществѣ составляли: Хаимъ Нахманбергъ, Леберъ Криншпукъ, Розалія Розенблюмъ и упомянутые Шварцъ, Баргъ и Бронтманъ; они соприкасались съ описанною группой, получая отъ нея нелегальныя изданія и оказывая разныя услуги главнымъ ея дѣятелямъ.

Виновность остальныхъ привлеченныхъ къ дознанію, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, не установлена.

Г. Симферополь. Въ маѣ 1902 г. по г. Симферополю были разбросаны и расклеены въ большомъ количествѣ прокламаціи призывающія крестьянъ и рабочихъ къ борьбѣ съ имущими классами и правительствомъ; на большинствѣ воззваній была подпись «Симферопольскаго соціалъ-демократическаго рабочаго союза». Въ іюлѣ того же года получены болѣе близкія свѣдѣнія объ этомъ сообществѣ, а 8 августа задержаны собравшіеся на сходку: сестры Ципа и Ханна Левины, Залманъ Циркинъ, Шепсель Михлинъ, Данилъ Глейзеръ, Берко Осташинскій, Вичдоръ Мышкинъ и Иванъ Мелахрено, причемъ у Циркина, Глейзера, Михлина, Осташинскаго и Мелахрено оказались различныя нелегальныя изданія

и рукописи. При осмотрѣ квартиръ поименованныхъ лицъ у Мелахрено найдено болѣе 100 подпольныхъ брошюръ и прокламацій.

Дознаніемъ установлено существованіе въ Симферополѣ еще съ весны 1901 г. упомянутаго «рабочаго союза», организованнаго Михаиломъ Лурье, называвшимся «Микой», и Гольдой Левиной, именовавшейся «Клавдіей Николаевной». «Союзъ» состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ мастеровыхъ, преимущественно евреевъ, и восьми человѣкъ русскихъ. Всѣ они дѣлились на кружки по 5—6 человѣкъ, а русскіе составляли особую группу. Выборные отъ каждаго кружка соединялись въ «представительскій» кружокъ, обсуждавшій общія дѣла, а затѣмъ имѣлась еще «исполнительная комиссія» или «комитетъ» изъ четырехъ лицъ. Во главѣ сообщества стояли «интеллигенты», руководившіе какъ самой организаціей, такъ и занятіями въ кружкахъ. Эти занятія заключались въ чтеніи революціонной литературы и бесѣдахъ по рабочему вопросу. Интеллигенты и члены кружковъ большею частью назывались, въ видахъ конспираціи, вымышленными именами.

Означенныя выше лица, задержанныя 8 августа, были представителями отдѣльныхъ кружковъ, а затѣмъ въ составъ ихъ входили: Владиміръ Зборовскій, Константинъ Рабиновичъ, Павелъ Бродскій, Моисей Галацкій, Мордухъ Вульфсонъ, Афанасій Лебедевъ, Михаилъ Сопотовъ, Николай Прокопенко, Матвѣй Бугаевъ и многіе другіе, дознаніемъ не выясненные*).

Изъ перечисленныхъ членовъ сообщества ближайшими сотрудниками Лурье и Гольды Левиной были Зборовскій, Рабиновичъ и Мышкинъ; они же были и руководителями кружковъ. Затѣмъ Михлинъ, Циркинъ, Осташинскій, Ципора и Ханна Левины—составляли «центральный кружокъ».

«Симферопольскій рабочій союзъ» заботился о сплоченіи рабочихъ, чтобы создать достаточную силу для борьбы съ имущими классами населенія и образовать впослѣдствіи государство на началахъ демократической республики. Съ цѣлью революціонной пропаганды, члены сообщества распространяли разныя преступныя сочиненія и составленныя Михаиломъ Лурье гектографированныя прокламаціи, призывавшія рабочихъ къ открытой борьбѣ съ хозяевами и, главнымъ образомъ—съ самодержавной властью, какъ «смертельнымъ врагомъ народа».

Извѣстный въ сообществѣ еврей-интеллигентъ, называвшійся «Александромъ» и «Владиміромъ Петровичемъ Кацомъ», успѣлъ скрыться 9-го августа. Онъ былъ выдающимся дѣятелемъ всего «союза», устраивалъ сходки на своей квартирѣ и постоянно бывалъ на собраніяхъ разныхъ кружковъ. Личность его осталась невыясненною.

Г. Баку. 31 декабря 1901 г., въ бакинской таможнѣ, при вскрытіи посылки изъ г. Мюнхена, адресованной проживавшей въ

*) Изъ названныхъ обвиняемыхъ привлекались раньше къ дознаніямъ: Зборовскій въ 1900 и 1902 гг. въ Кіевѣ, Рабиновичъ—въ 1902 г. въ Ярославлѣ; Мышкинъ—въ 1902 г. въ Кіевѣ.

г. Баку дантисткѣ Софьѣ Гинзбургъ, въ двойномъ днѣ ящика обнаружены клише газеты «Искра» и часть какого-то нелегальнаго сочиненія, а въ квартирѣ Гинзбургъ найдена брошюра «Южный рабочій». Затѣмъ, вскорѣ на ея же имя были присланы клише противоправительственной брошюры «Въ защиту иваново-вознесенскихъ рабочихъ». По заключенію эксперта, означенныя клише вполнѣ пригодны для отпечатанія большого количества экземпляровъ оттиснутыхъ на нихъ статей.

14 марта 1902 г. въ Баку, Сабунчи и Балаханахъ были произведены обыски лицъ, замѣченныхъ въ нелегальной дѣятельности среди мѣстныхъ рабочихъ, причемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ оказались революціонныя и соціалъ-демократическія изданія.

Дознаніемъ выяснено существованіе тайнаго сообщества, образовавшагося изъ рабочихъ балаханскихъ и сабунчинскихъ нефтепромышленныхъ заводовъ, и состоявшаго изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ кружковъ. Организація и направленіе послѣднихъ вполнѣ соотвѣтствовали программѣ всѣхъ новѣйшихъ соціалъ-демократическихъ группъ.

Однимъ изъ главныхъ руководителей означеннаго сообщества былъ ученикъ бакинской гимназіи Абрамъ Эйзенбетъ, а его энергичнымъ помощникомъ—Леонъ Теръ-Осиповъ. Наиболѣе дѣятельными членами кружковъ были: Алексѣй Жалевичъ, Михаилъ Балутинъ, Михаилъ Брага, Демидъ Воскобоичъ и Августъ Бреде; изъ нихъ Жалевичъ и Воскобоичъ вербовали новыхъ членовъ въ сообщество, раздавали нелегальную литературу и, какъ болѣе развитые,—объясняли рабочимъ непонятное для нихъ въ печатныхъ изданіяхъ. Затѣмъ, въ кружкахъ участвовали: Федоръ Гридневъ, Захаръ Снѣтковъ, Иванъ Тупинъ, Юліанъ Григляшевскій, братья Александръ и Семенъ Самараевы, Петръ Зимаковъ, Александръ Заргарьянцъ и Крикоръ Есаянцъ. Причастность къ упомянутой группѣ остальныхъ обвиняемыхъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, дознаніемъ не установлена.

У обвиняемыхъ Жалевича, Теръ-Осипова, Браги, Снѣткова, Упина, Бреде, братьевъ Самараевыхъ, Зимакова, Степана Чердамова и Акима Пѣснякова найдены газета «Искра», «Рабочая мысль», «Рабочіе листки» и много революціонныхъ брошюръ. Изъ нихъ Жалевичъ, Теръ-Осиповъ и Бреде, а также вышеупомянутые Эйзенбетъ, Воскобоичъ и Балутинъ—широко распространяли всякаго рода нелегальныя изданія.

Что касается Софьи Гинзбургъ, то хотя соучастіе ея въ названномъ сообществѣ дознаніемъ и не выяснено, но не подлежитъ сомнѣнію, что она находилась съ нимъ въ сношеніяхъ, такъ какъ у членовъ сообщества найдены преимущественно тѣ номера «Искры», клише которыхъ были присланы Софьѣ Гинзбургъ.

2 сентября 1902 г. у помощника машиниста бакинскаго желѣзнодорожнаго депо Виктора Бахрадзе случайно обнаружено болѣе 4-хъ пудовъ типографскаго шрифта и готовый наборъ, оказавшійся воззваніями отъ имени тифлисскаго и бакинскаго комитетовъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. Одинъ изъ этихъ оттисковъ представляетъ собою точное воспроизведеніе

прокламаціи, во множествѣ распространявшейся весною 1902 г. въ Баку, Сабунчи и Балаханахъ.

Въ виду заявленія названнаго Бахрадзе, что его вещи находятся въ совмѣстной квартирѣ Дмитрія Бахрадзе, Авеля Енукидзе и Георгобіани, тамъ былъ произведенъ обыскъ, но никого изъ нихъ дома не было; находились же въ означенномъ помѣщеніи нѣкто Иванъ Болквадзе и другой человѣкъ, назвавшійся сначала Николаемъ Меликовымъ, а впослѣдствіи оказавшійся дворяниномъ Владимиромъ Кецхавели*).

Въ квартирѣ Дмитрія Бахрадзе найдено много клочковъ газеты «Искра» и обрывковъ разныхъ писемъ; изъ послѣднихъ удалось составить слѣдующее: «....огіе товарищи ....сьмо къ Вамъ по этому же поводу со.....ь. У насъ въ Батумѣ есть человѣкъ спеціал.... для транспорта. Просимъ прислать три пуда или сколько можете агитаціонной литературы. Только заранѣе сообщите намъ имя парохода, на которомъ будетъ отправленъ грузъ. Мы дадимъ знать нашему человѣку. Еще второе условіе то, что грузъ придется раздѣлить на отдѣльные тюки, приблизительно въ полпуда каждый и заверните ихъ въ непромокаемую для воды матерію. Ос..... будетъ устроено нашимъ человѣкомъ. Вашъ ... которымъ Вы отправите грузъ, можетъ.... даться съ нашимъ въ Батумѣ, по слѣду...,... су: Аптекарск. магазинъ А.... дл. Джероянъ, спросить Фридри... побѣда. Отвѣтъ.... свѣта надъ тьмою. На... человѣкъ уже болѣе мѣсяца тамъ и у.... все устроено, только.... чего-нибудь». Затѣмъ, на отдѣльномъ листкѣ изложено распредѣленіе обязанностей каждой изъ группъ революціонныхъ партій, руководимыхъ «центральною группою». У Кецхавели найдены паспорты на имя Меликова и бельгійскаго подданнаго Бастьена, бланкъ русской паспортной книжки и шифрованная записка, оканчивающаяся подписью «П. Солом. Маша».

Кецхавели объяснилъ, что все найденное въ квартирѣ Дмитрія Бахрадзе принадлежитъ ему, Кецхавели; что, устроивъ типографію, просуществовавшую довольно продолжительное время, онъ печаталъ воззванія на русскомъ и грузинскомъ языкахъ отъ имени тифлисскаго и батумскаго «комитетовъ», и что у Виктора Бахрадзе была задержана лишь незначительная часть шрифта и набора, а большую часть ему удалось скрыть. Въ то же время Кецхавели не указалъ ни мѣста нахожденія типографіи ни своихъ сотрудниковъ по печатанію, лишь настойчиво утверждая, что оба Бахрадзе и Енукидзе ничего объ этомъ не знали.

Одновременно съ этимъ въ г. Тифлисѣ былъ привлеченъ къ дознанію мѣщанинъ Андрей Балуевъ, у котораго найдено по пяти экземпляровъ воззваній партіи «соціалистовъ-революціонеровъ» и «боевой организаціи» этой партіи, отъ 3 апрѣля 1902 г., а также—нѣсколько писемъ конспиративнаго содержанія. Отъ всякихъ объясненій по дѣлу Балуевъ отказался.

---

*) На Кецхавели уже давно имѣлись указанія, какъ на выдающагося дѣятеля революціоннаго рабочаго сообщества, онъ занимался печатаніемъ и широкимъ распространеніемъ революціонныхъ воззваній.

Въ виду полученныхъ засимъ свѣдѣній, что оба упомянутыя дознанія касаются дѣятельности одного революціоннаго сообщества, дѣло о немъ было сосредоточено въ г. Тифлисѣ.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ установлено, что въ составъ бакинскаго тайнаго кружка, называвшагося «Бакинскимъ комитетомъ», входили: упомянутые Енукидзе, Викторъ Бахрадзе, Георгобіани, а также Лаврентій Самчукашвили, Иванъ Стурца, еврейка Софія Бурдъ и многіе другіе. Руководителемъ этого комитета былъ Енукидзе, доставлявшій его членамъ нелегальныя изданія*); въ его же квартирѣ происходили собранія, на которыхъ читали разныя революціонныя сочиненія и говорили рѣчи о ниспроверженіи настоящаго государственнаго строя въ Россіи. По мысли Енукидзе, дѣятельность «комитета» раздѣлялась на распорядительную, хозяйственную или «Краснаго Креста», распространительную и террористическую.

Къ тифлисскому кружку, организованному Николаемъ Простосердовымъ, принадлежали: Владиміръ Делицынъ, Николай Платоновъ, Александръ Языковъ и другіе. На сходкахъ этой группы обсуждалась преимущественно агитація среди рабочихъ, устройство стачекъ и способы измѣненія образа правленія въ Россіи; особою крайностью сужденій по этому предмету выдѣлялся Платоновъ, заявлявшій себя сторонникомъ террористическихъ дѣйствій.

Кромѣ названныхъ лицъ, къ дознанію были привлечены Григорій Сагаровъ и Зебеда Комушадзе; у перваго изъ нихъ найдено было большое количество журналовъ «Искра» и «Заря», а второй хранилъ у себя нѣкоторое время мѣшки со шрифтомъ, принадлежащіе Владиміру Кецховели.

Тифлисъ. Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, что 15 февраля 1902 г. въ г. Тифлисѣ должно состояться собраніе «центральнаго комитета» мѣстной соціалъ-демократической партіи, было осмотрѣно указанное помѣщеніе, въ которомъ оказались техникъ Калистратъ Гогуа и рабочіе: Георгій Чхеидзе, Захаръ Чодрашвили и Аракелъ Окуашвили. Обстановка комнаты свидѣтельствовала, что тамъ было гораздо больше людей, чѣмъ ихъ осталось къ приходу полиціи.

При обыскѣ остального помѣщенія обнаружено: 1) Всѣ металлическія части новаго типографскаго станка; 2) четыре экземпляра писанныхъ рукой Чодрашвили отчета кассы за декабрь 1901 г. съ печатью «Т. К. Р. С. Д. Р. П.»*) на русскомъ, грузинскомъ и армянскомъ языкахъ и 3) нелегальныя изданія и записная книжка, изъ которой видно, что мѣстный кружокъ имѣлъ у себя до 450 экземпляровъ привозной подпольной литературы; произведенія мѣстной печати записаны отдѣльно, и изъ замѣтокъ о нихъ видно, что прокламація «о дворникахъ» отпечатана и распространена въ 2200 экземплярахъ.

---

*) Въ томъ числѣ „Вѣстникъ соціалистовъ-революціонеровъ“, „Боевая организація соціалистовъ-террористовъ“, журналы „Искра“ и „Заря“, „Календарь соціалъ-демократовъ“, и др.

*) Т. е. „Тифлисскій кружокъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“.

Дознаніемъ выяснено, что въ Тифлисѣ существовалъ мѣстный кружокъ Россійской соціалъ-демократи ческой рабочей партіи, во главѣ котораго стоялъ центральный комитетъ, руководившій всѣмъ движеніемъ среди желѣзно-дорожныхъ рабочихъ. Комитетъ состоялъ изъ выбранныхъ 11 ноября 1901 года: предсѣдателя Василія Цабадзе, членовъ изъ интеллигенціи — Георгія Караджева, Іосифа Джугашвили и упомянутаго Гогуа, изъ рабочихъ—названныхъ Чодрашвили и Окуашвили, а также кандидатовъ—Михаила Гурешидзе, Поликарпа Мачарадзе, Іустина Водочкарія и означеннаго выше Чхеидзе; изъ нихъ Джугашвили въ концѣ года выѣхалъ для революціонной пропаганды въ г. Батумъ, а вмѣсто него былъ избранъ Севеліанъ Джугели.

Цѣлью упомянутаго «Тифл сскаго кружка» поставлялось ниспроверженіе въ Россіи самодержавной власти и замѣна ея конституціонными учрежденіями; дѣятельность же центральнаго комитета выражалась періодическимъ назначеніемъ засѣданій, организаціей сходокъ рабочихъ, сборомъ денегъ въ тайную кассу, публичнымъ произнесеніемъ рѣчей и распространеніемъ революціонной литературы. Послѣдняя стремилась убѣдить рабочихъ всѣхъ національностей соединиться и поднять знамя борьбы не только за улучш ен е своего быта, но и для достиженія политическаго равенства.

Съ осени 1901 г. до половины февраля 1902 г. къ «Тифлисскому кружку», кромѣ поименованныхъ выше лицъ, принадлежали: Ясонъ Мегрелидзе, Анна Краснова, Владиміръ Іашвили, Петръ Скоробогатько, Яковъ Кочетковъ, Николай Ериковъ, Ираклій Цурадзе, Георгій Нинуашвили, Ованесъ Унановъ, Кириллъ Кахетелидзе, Георгій Лелашвили, Алексѣй Закомолкинъ, Косьма Долидзе, Леонтій Золотаревъ и Вацлавъ Пулавскій. Изъ названныхъ обвиняемыхъ Караджевъ, Джугашвили, Гогуа, Мегрелидзе и Краснова неоднократно произносили на сходкахъ рѣчи, направленныя къ достиженію намѣченныхъ сообществомъ цѣлей, а Чодрашвили, Чхеидзе, Окуашвили, Скоробогатько, Кочетковъ, Магарадзе, Пулавскій, Золотаревъ, Ериковъ, Лелашвили и Козьма Долидзе, а равно Георгій Арабелидзе—въ изобиліи распространяли революціонныя сочиненія и преступныя воззванія.

По мысли центральнаго комитета, въ Тифлисѣ было образовано нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ и устраивались собранія передовыхъ рабочихъ, подъ руководствомъ Гогуа, для подготовки ихъ къ завѣдыванію вновь формируемыми кружками. Подобные кружки были организованы: Петромъ Скоробогатько, подъ руководствомъ Мегрелидзе и Кочетковымъ—подъ наблюденіемъ Красновой.

Къ настоящему дознанію привлечены также: Давидъ Капанадзе, Дмитрій Биллановъ, Луарсабъ Джапелидзе и Соломонъ Долидзе, изобличенные въ сознательномъ храненіи у себя преступныхъ изданій.

Почти всѣ обвиняемые дали по дѣлу отрицательныя или уклончивыя объясненія.

Рига. Еще въ 1900 г. было обращено вниманіе на нѣсколько кружковъ, образовавшихся среди студентовъ юрьевскаго универси-

тета. Сформировавшіеся по образцу извѣстныхъ «землячествъ», кружки эти сначала не преслѣдовали какихъ-либо политическихъ цѣлей и не имѣли между собою тѣсной связи; впослѣдствіи же они включили въ свою программу не только пріобрѣтеніе нелегальныхъ изданій и ихъ совмѣстное чтеніе, но стали издавать и распространять подобную литературу среди мѣстныхъ студентовъ и въ обществѣ.

Во время студенческихъ волненій 1901 г. члены упомянутыхъ кружковъ явились первыми подстрекателями молодежи, возбуждая ее къ борьбѣ съ правительствомъ. Въ началѣ 1902 г. безпорядки повторились, причемъ въ нихъ снова приняли дѣятельное участіе прежніе коноводы. 19—21 февраля студентами юрьевскаго университета были устроены шумныя демонстраціи, съ криками: «да здравствуетъ политическая свобода, долой самодержавіе и т. п.».

Изложенныя данныя не оставляли сомнѣній въ томъ, что безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Юрьева возбуждались, главнымъ образомъ, членами означенныхъ выше кружковъ, вслѣдствіе чего 25 февраля былъ произведенъ рядъ обысковъ у намѣченныхъ лицъ, а вслѣдъ затѣмъ возбуждено дознаніе о дѣятельности названныхъ группъ.

Совокупностью полученныхъ данныхъ вполнѣ установлено, что среди студентовъ Юрьевскаго университета образовались слѣдующіе кружки: 1) «Бессарабская организація», къ которой принадлежали студенты университета: Иванъ Пеливанъ, Гавріилъ Хундадзе, Василій и Александръ Оатулы, Александръ Гришковъ, Константинъ Гоянъ, Николай Симинелъ, Михаилъ Горяиновъ, Георгій Кику, Григорій Чемериновъ, Федоръ Логинъ, Николай Гинкуловъ, Василій Махо, Александръ Полянскій, студентъ ветеринарнаго института Феофилактъ Платоновъ, бывшіе семинаристы Степанъ Усиневичъ и Александръ Гропа, мѣщанка Елена Теппанъ и крестьянка Екатерина Каро; 2) «Организація Таврида», въ которой состояли студенты университета: Ефимъ Брянцевъ, Николай Гавриловъ, Семенъ Казанскій, Иванъ Ткачевскій, Павелъ Синицкій, Анатолій Миронычъ, Сергѣй Росинскій, Георгій Дуброва, Петръ Суетинъ, студентъ ветеринаръ Иванъ Машкинъ и упомянутый Платоновъ и 3) «Донское землячество», состоявшее изъ студентовъ университета: Григорія Бочкова, Виссаріона Молчанова, Виктора Зимовнова и Михаила Лепешкина.

Какъ сказано выше, кружки эти, сформировавшіеся для самообразованія, съ теченіемъ времени измѣнили свой характеръ и въ 1903 г. представляли собой уже организованныя тайныя сообщества, имѣвшія конечною цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго строя. Для этого рѣшено было немедленно заняться пропагандою революціонныхъ идей среди учащейся молодежи, подстрекая ее къ уличнымъ демонстраціямъ, а «Бессарабская организація», сверхъ того, расширила свое воздѣйствіе на мѣстное общество и рабочихъ.

Дѣятельностью кружковъ относительно возбужденія студенчества къ борьбѣ съ правительствомъ и упраздненію самодержавія

руководило особое сообщество—«Союзный совѣтъ Дерптскихъ объединенныхъ землячествъ и организацій», членами котораго съ 1900 г. были упомянутые Пеливанъ, Хундадзе, Василій Оатулъ, Кику, Бочковъ, Молчановъ, Брянцевъ, Гавриловъ, Платоновъ, Казанскій и Дуброва, также Василій Десницкій, Константинъ Покровско-Водоватовскій, Георгій Маврицкій, Александръ Виноградовъ, Николай Пиксановъ, Сергѣй Кручининъ, Давидъ Кавтарадзе, Александръ Митягинъ, Альфредъ Митинскій, Сергѣй Наркевичъ, Павелъ Перфильевъ, Михаилъ Ветлинъ, Николай Нестеровичъ и Семенъ Ильинъ.

Кромѣ того, разслѣдованіемъ выяснено, что Александръ Тихомировъ, Петръ Охатинъ, Николай Малицкій и Абрамъ Клуптъ имѣли у себя и распространяли преступныя изданія; Михаилъ Разсказовскій служилъ посредникомъ при раздачѣ книгъ изъ тайной библіотеки; Вѣра Волкова предоставила «Бессарабской организаціи» свой адресъ для выписки нелегальной литературы; Михаилъ Коберидзе во время уличной демонстраціи 19 февраля 1902 г. выкинулъ красный революціонный флагъ, а у Константина Кавтарадзе, Николая Турова и Всеволода Панасевича найдены преступныя брошюры и воззванія.

Во второй половинѣ 1901 г. тайный кружокъ, подобный описаннымъ выше, образовался и въ Рижскомъ политехническомъ институтѣ. Какъ и въ Юрьевскомъ университетѣ, онъ сначала обсуждалъ академическіе вопросы и улучшеніе внутренняго режима высшихъ учебныхъ заведеній, а затѣмъ дѣятельность его перешла на революціонную почву, что проявилось распространеніемъ преступныхъ бюллетеней и воззваній отъ имени этого кружка, назвавшагося «Организаціоннымъ комитетомъ Рижскаго политехническаго института». Прокламаціи призывали къ борьбѣ съ «царскою властью и правительствомъ» во имя политической свободы.

13 марта 1902 г. у намѣченныхъ лицъ былъ произведенъ обыскъ, которымъ обнаружены революціонныя брошюры, газеты, воззванія и рукописи у студентовъ: Карла Куршевица, Антона Фрейберга, Александра Ждановича, Исаака Рабиновича, Христофора Розенталя, Израиля Квиля, Ивана Цанко-Кыльчика и Ивана Гринберга, а также у жены чиновника Маріи Томсонъ.

Дознаніе подтвердило какъ существованіе означеннаго сообщества, такъ и его цѣли, причемъ выяснено, что главными руководителями его были: Эдуардъ Линдеманъ, Вольдемаръ Скарре и упомянутый Куршевицъ. Они поддерживали связи съ другими студенческими организаціями Имперіи и, получая оттуда преступныя воззванія, издавали и распространяли ихъ отъ имени названнаго «Организаціоннаго комитета». Къ тому же сообществу въ качествѣ членовъ принадлежали: Иванъ Бергманъ, Эдуардъ Бульманъ, Иванъ Ассаръ, Карлъ Зупте, Вольдемаръ Аншкеневичъ, Янъ Шмитъ и упомянутые Фрейбергъ, Розенталь и Гринбергъ.

Принадлежность названной Томсонъ и Лины Меднисъ къ составу тайнаго кружка представляется не вполнѣ доказанною, хотя первая изъ нихъ получала для Скарре, по его просьбѣ, пакеты съ нелегальной литературой, а вторая несомнѣнно знала о

нелегальной цѣли происходившихъ въ ея квартирѣ сходокъ, такъ какъ во время послѣднихъ она сторожила у входа и предупреждала о приближеніи постороннихъ.

Въ апрѣлѣ 1902 г., при провѣркѣ чинами полиціи г. Риги еврейскихъ квартиръ, у Мейера Вассермана оказался привлекавшійся къ политическому дознанію Израиль Зисблатъ. Осмотромъ указанной квартиры обнаружено болѣе 200 экземпляровъ печатныхъ сочиненій преступнаго характера на русскомъ, еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, большею частью заграничнаго изъанія*). Тутъ же найдены обрѣзки клеенки и бумаги, служившіе для переплетовъ книгъ и брошюръ.

Предварительнымъ разслѣдованіемъ, а затѣмъ и дознаніемъ въ порядкѣ ст. 1035 уст. уг. суд. выяснено, что послѣ ликвидаціи въ 1901 г. существовавшихъ въ Ригѣ среди ремесленниковъ-евреевъ тайныхъ кружковъ, нѣкоторые ихъ члены, оставшіеся на свободѣ, въ маѣ того же года вновь образовали, подъ руководствомъ учителя Гершона Плудермахера, тайное сообщество, назвавшееся «Рижскою организаціей всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи», поставивъ себѣ обычныя задачи подобныхъ группъ. Главаремъ организаціи былъ Лейба Руманъ, а болѣе выдающимися членами—Зусманъ Менделевъ, студентъ Хая Герцъ Бургинъ-Гордонъ, Илья Костолянецъ, дантистка Гиршфельдъ, Берко Русонкъ, Гиршъ Энтикъ, Израиль Іофиновъ и упомянутый Зисблатъ; всѣ они входили въ составъ „Центральной сходки", руководившей всей дѣятельностью сообщества, но особенно энергичнымъ помощникомъ Румана былъ Менделевъ.

Остальные обвиняемые, поименованные въ прилагаемомъ спискѣ,—за исключеніемъ Іоселя и Маши Застенкеръ,—состояли членами названной организаціи, Іосель же Застенкеръ лишь имѣлъ у себя запрещенныя изданія.

Въ началѣ августа 1902 г. были получены указанія на существованіе въ фабричной средѣ г. Риги тайнаго кружка соціалъ-демократическаго направленія и на прикосновенность къ нему нѣкоторыхъ рабочихъ. Затѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что члены кружка собираются разбросать 20 августа на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ воззванія, которыя уже и розданы для этой цѣли.

При обыскѣ заподозрѣнныхъ лицъ разныя преступныя изданія и прокламаціи**) были обнаружены у Эдуарда Калника, Яна

---

*) Какъ, напримѣръ: „Взятіе Бастиліи"— въ 33 экземплярахъ; „Фаріа"— въ 25 экз.; „Еврейскій рабочій"—17 экз.; „Къ борьбѣ"—8 экз.; „Къ вопросу о національной автономіи и преобразованіи Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи"— 9 экз.; „Рабочее дѣло"— 5 экз.; „Рабство въ свободѣ"— 4 экз.; „Кто чѣмъ живетъ"— 8 экз.; газеты "Искра", „Рабочая мысль" и др.

**) Какъ, напр.: „Забастовка и бойкотъ", „Что именно русскіе подразумѣваютъ подъ политическимъ преступленіемъ", „Листки жизни"; „Соціалъ-демократъ" и др., а также прокламаціи, изъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе отобранная у Калника и Вильне, за подписью „Рос. соц.-демокр. раб. партія".

Вильне, Индрика Петтера, Микеля Рейтера, Карла Чаксте, Микеля Кестера, Яна Смильги и Андрея Кандера. Не смотря на это, утромъ 20 августа по фабрикамъ было разбросано болѣе ста экземпляровъ воззванія, тождественнаго съ найденными у Калника и Вильне. Въ тотъ же день на улицѣ былъ задержанъ рабочій Годертъ Свике, при которомъ оказалось 8 экземпляровъ такого же воззванія, обнаруженнаго у него и на квартирѣ.

Дознаніемъ выяснено, что въ Ригѣ среди рабочихъ сформировалась тайная группа противо-правительственнаго характера, во главѣ которой находился „Центральный комитетъ", объединявшій нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ. Разслѣдованіемъ удалось обнаружить составъ и дѣятельность лишь одного изъ такихъ кружковъ, сносившагося съ „Центральнымъ комитетомъ" черезъ одного изъ членовъ послѣдняго чертежника Іогана Мельалькске; онъ получалъ изъ-за границы транспорты нелегальной литературы и передавалъ ее въ кружокъ черезъ руководителя, который затѣмъ представлялъ деньги за проданныя изданія. Руководителемъ кружка былъ Фрицъ Блазе, раздававшій его членамъ изданія, какъ для нихъ лично, такъ и для дальнѣйшаго распространенія; онъ же назначалъ сходки, распоряжался разбрасываніемъ воззваній и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Блазе состоялъ и членомъ „Центральнаго комитета". Къ кружку Блазе принадлежали: Иванъ Купцисъ, Микель Кестеръ, Микель Рейтеръ, Готфридъ Гензель, Ансъ Блазе, Янъ Балодъ, Фрицъ Тауринъ, Янъ Шписъ, Индрикъ Грундулъ, Карлъ Старкъ, Эвальдъ Зивертъ, Микель Керре, Эрнстъ Якобсонъ и упомянутые Петтеръ, Свике, Кандеръ, Калникъ и Смилга; изъ нихъ Купцисъ былъ однимъ изъ помощниковъ Фрица Блазе, остальные же членами кружка, на обязанности коихъ лежала пропаганда среди рабочихъ, состоявшая болѣе всего въ распространеніи нелегальной литературы.

Изъ числа прочихъ обвиняемыхъ наиболѣе серьезными дѣятелями были названные Вильне и Чаксте; первый изъ нихъ, усердно агитируя среди рабочихъ, не только снабжалъ ихъ въ изобиліи подпольными изданіями, но весьма часто произносилъ рѣчи, призывая къ устройству забастовокъ. Что касается Чаксте, то хотя принадлежность его къ кружку Фрица Блазе не вполнѣ установлена, тѣмъ не менѣе, онъ проявлялъ крайнюю энергію въ пропагандѣ, не только лично раздавая нелегальныя изданія, но во множествѣ посылалъ ихъ и по почтѣ.

Курляндская губернія. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1902 года были получены свѣдѣнія, что представители еврейской соціалъ-демократіи въ г. Либавѣ намѣрены устроить сходку рабочихъ, съ цѣлью пріучить ихъ къ массовымъ демонстраціямъ. 15 апрѣля, въ «Рощѣ Наслѣдника», близъ Либавы, дѣйствительно, собралось до 70 человѣкъ рабочихъ-евреевъ, но они не успѣли еще произвести серьезнаго безпорядка, какъ около половины ихъ были задержаны, остальные же разбѣжались.

Дознаніемъ выяснено, что осенью 1901 г. Янкель Каганович и Янкель Давидовъ сформировали въ Либавѣ кружокъ, съ

цѣлью борьбы за улучшеніе быта ремесленниковъ. Кружокъ имѣлъ свой уставъ и причислялъ себя къ «Всеобщему еврейскому рабочему союзу въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи». Кагановичъ, Давидовъ и Шимонъ Клейнъ вели въ кружкѣ пропаганду по общей программѣ новѣйшихъ соціалъ-демократовъ и группа эта просуществовала до 15 апрѣля 1902 г., т. е. до упомянутыхъ арестовъ. Въ іюнѣ того же года Мейеръ Мединцъ дѣлалъ попытки возстановить распавшійся кружокъ, но безуспѣшно. У него было значительное количество нелегальной литературы, и задержали его въ то время, когда онъ намѣревался разослать по почтѣ воззванія.

Наиболѣе дѣятельными членами означеннаго кружка были: Элія Хацковичъ, Айзикъ Герцбахъ, Гдалій Іоффе, Лейба Хайтъ, Вульфъ Мейхгаузъ и Рувимъ Копанскій. У нихъ происходили собранія, они распространяли литературу, а Хайтъ и Копанскій, сверхъ того, вербовали новыхъ членовъ въ кружокъ. Затѣмъ болѣе видными членами кружка являлись: Вульфъ Зейдель, Шлема Цвикъ, Давидъ Скутельскій и Зесель Гессельбергъ.

Обвиняемые: Хаимъ Шейнъ, Давидъ Герцбахъ, Бася Шеръ, Мотке-Лейба Брикманъ, Абрамъ Вольгинъ, Іоссель Іоффе, Фалькъ Хацковичъ, Мордка Блаеръ и Гиршъ Кациный—были второстепенными дѣятелями группы, и участіе ихъ въ ней выразилось лишь посѣщеніемъ сходокъ.

Витебскъ. 30-го мая 1902 г., на 7 верстѣ отъ Витебска, въ лѣсу, собралось до 300 рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, которые пѣли революціонныя пѣсни и говорили рѣчи. Съ приближеніемъ наряда полиціи, большинство толпы разбѣжалось, и задержано 116 человѣкъ, причемъ Залманъ Либуркинъ и какой-то неизвѣстный человѣкъ нанесли побои чинамъ полиціи. Изъ числа арестованныхъ у Нохима Хайкина и Шаи Выменца найдены революціонныя воззванія, а затѣмъ, уже послѣ задержанія участниковъ сходки, Ицка Соломонъ и названный Либуркинъ обратили на себя вниманіе тѣмъ, что продолжали подстрекать товарищей къ сопротивленію чинамъ полиціи, громко говоря: «намъ нужна свобода, и мы добьемся ея».

Разслѣдованіемъ въ достаточной степени не выясненъ явно противоправительственный характеръ означенной сходки; тѣмъ не менѣе, установлено, что мѣщане Шмуль Капланскій и Гиршъ Черницкій, занимавшіеся въ Витебскѣ преступною пропагандою, желали устроить сборище рабочихъ, съ цѣлью безпрепятственнаго и единовременнаго распространенія противоправительственныхъ идей въ фабричной средѣ. Засимъ Фейга Городина раздавала рабочимъ нелегальныя изданія, а Шифра Дайчъ хранила у себя таковыя. Виновность остальныхъ привлеченныхъ къ настоящему дознанію, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, разслѣдованіемъ не доказана.

Въ іюнѣ 1902 года, въ виду имѣвшихся свѣдѣній о нелегальной дѣятельности проживавшей въ г. Витебскѣ дочери купца Меры Хайкиной и нѣкоторыхъ лицъ, находившихся съ нею въ близкихъ сношеніяхъ, у нихъ былъ произведенъ обыскъ, причемъ у Хайкиной и Шмуйлы Розенкопа обнаружены революціонныя

брошюры, а у Хавы Житловской и Ривки Якерсонъ*) — рукописи соціалистическаго содержанія.

Разслѣдованіемъ установлено, что въ 1901 г. существовалъ въ Витебскѣ тайный кружокъ, собиравшійся для чтеній и бесѣдъ противоправительственнаго характера. Приэтомъ Хайкина, Сора Писаревская и Вульфъ Танхельсонъ принимали активное участіе въ дѣятельности кружка, устраивая сборища рабочихъ и раздавая имъ подпольныя изданія. Тема Ратнеръ**), Груня Розетъ, Фейга Равичъ и упомянутая Якерсонъ—бывали на вечернихъ собраніяхъ кружка, но самостоятельнаго положенія въ немъ, повидимому, не занимали.

Вечеромъ 29 декабря 1902 года, въ г. Витебскѣ, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, чинами полиціи была осмотрѣна квартира мѣщанина Якова Масарскаго. Въ одной изъ комнатъ оказались сидящими за столомъ 8 евреевъ, причемъ Берка Штейманъ имѣлъ передъ собою раскрытую брошюру «Еврейскій рабочій», а на столѣ лежала газета «Варшавскій рабочій» и брошюра «2-й съѣздъ соціалъ-демократическаго федеративнаго союза кожевниковъ». Затѣмъ, въ квартирѣ Масарскаго обнаружено 40 экземпляровъ различныхъ революціонныхъ изданій крайняго направленія, а изъ присутствующихъ на собраніи у Наума Капланскаго и Гирша Левита также найдены въ квартирахъ нелегальныя книги, газеты и воззванія.

Разслѣдованіемъ выяснено, что Шейманъ и Капланскій во второй половинѣ 1902 года организовали среди рабочихъ тайный кружокъ, руководя которымъ, распространяли противоправительственныя сочиненія, хотя и не призывавшія къ явному возстанію противъ Верховной власти. Къ кружку этому, кромѣ названныхъ лицъ, принадлежали: Израиль Хейфе, Элья Баренбаумъ, Залманъ Новикъ, Мовша Миллеръ, Самуилъ Стаммъ, Наумъ Капланъ и Берка Золотовицкій***). Послѣдній хотя и рѣдко бывалъ на сходкахъ кружка, но, тѣмъ не менѣе, по отзывамъ свидѣтелей, представляется «ловкимъ и серьезнымъ революціоннымъ агитаторомъ».

Минскъ. 6 мая 1902 года, во время спектакля въ минскомъ театрѣ и пѣнія со сцены народнаго гимна, съ галлереи раздались свистки и посыпались листки прокламацій, причемъ чинами полиціи было замѣчено, что ихъ бросали: Элья Шулькинъ, Малка Цируликъ и Берта Левина, а Вульфъ Шулькинъ свистадъ въ свистокъ. Сверхъ того нѣкоторые изъ публики видѣли, что бросали листки и свистали: Вульфъ Ботвинникъ, Беньяминъ Бруднеръ, Мееръ Конвисеръ и Вульфъ Сагальчикъ. При осмотрѣ

---

*) Хайкина и Якерсонъ за участіе въ демонстраціи 4 марта 1901 г. высланы изъ Петербурга.

**) Ратнеръ привлекалась въ 1901 г. дознанію въ С.-Петербургѣ.

***)Изъ нихъ ранѣе привлекались къ дознаніямъ: Хейфе, Миллеръ, Баренбаумъ и Левитъ въ 1900 г. въ Витебскѣ, Хейфе, Левитъ и Капланскій—въ 1902 г, также въ Витебскѣ; Масарскій—въ 1899 г. въ Витебскѣ, а Шейманъ—тамъ же въ 1902 г.

галлереи и партера найдено 14 свистковъ и 97 прокламацій „Ко всему обществу“, за подписью „Минскій соціалъ-демократическій комитетъ, 6 мая 1902 г., типографія Бунда“.

Дознаніемъ обнаружено, что изъ числа задержанныхъ во время означенной демонстраціи лицъ мѣщанинъ Залманъ Зайдманъ бросалъ въ партеръ пучки воззваній; что же касается остальныхъ обвиняемыхъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, то виновность ихъ разслѣдованіемъ не вполнѣ установлена.

Вильна. Дѣятельность образовавшагося на западѣ „Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“, иначе „Бунда“, несмотря на принятыя мѣры, не только не уменьшилась, въ 1901 г. а, наоборотъ, она росла и крѣпла, захватывая мѣстности даже внѣ черты еврейской осѣдлости. Во второй половинѣ 1901 г. агитація „Бунда“ особенно проявилась въ городѣ Вильнѣ, вслѣдствіе чего у нѣкоторыхъ лицъ были сдѣланы обыски, которыми вполнѣ подтвердились данныя наблюденія. Помимо большого количества революціонныхъ брошюръ, воззваній и рукописей, обнаружена конспиративная переписка, указывающая на принадлежность нѣсколькихъ изъ обвиняемыхъ къ „Центральному комитету всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“, а также—къ „Центральной сходкѣ союза приказчиковъ“.

Дознаніемъ установлено, что въ составъ названнаго „Союза“ или „Бунда“ входили: Мовша Гарберъ, Янкель Швабскій, Залманъ Цыпинъ, Берель Залмансонъ, Бейла Кессель, Абрамъ Бернадикъ, Янкель Эпштейнъ, Ицекъ Айзенштадтъ и Шмая Драбкинъ. Гарберъ, Швабскій и Замансонъ вели кассу, учрежденную для поддержки стачечниковъ, и предъявляли требованія рабочихъ хозяевамъ промышленныхъ заведеній. Кромѣ того, Гарберъ и Залмансонъ, а также Ривка Новогродская и Бейла Кессель занимались пропагандою соціалистическихъ идей въ рябочей средѣ. У Швабскаго и Цыпина хранилось много различныхъ преступныхъ изданій, предназначенныхъ для распространенія, а Цыпинъ, кромѣ того, приготовилъ подложный паспортъ для Эпштейна, состоявшаго членомъ Виленскаго комитета „Бунда“. Затѣмъ, Цыпинъ и Драбкинъ, будучи членами центральнаго комитета „Бунда“, въ то же время принадлежали и къ такъ называемой „Центральной сходкѣ союза приказчиковъ“. У обвиняемаго Бернадика хранилось болѣе 2400 экземпляровъ нелегальной литературы, преимущественно изданій „Бунда“, сверхъ того, онъ поддерживалъ ближайшія сношенія съ членомъ варшавской группы „Бунда“ Нафталемъ Шапцемъ*), проживавшимъ по подложному документу. Айзенштадтъ былъ посредникомъ въ сношеніяхъ между виленскими и иногородними членами „Бунда“.

Ицекъ Гарберовичъ имѣлъ у себя преступныя воззванія; Злата Гинсбургъ поддерживала конспиративную переписку съ своей сестрой Либкой**), а Калманъ Крапивниковъ-Картецицель,

*) Шапцъ до допроса скрылся.

**) Либка Гинзбургъ привлекалась въ 1901 г. къ дознанію въ Ригѣ.

проживая съ подложнымъ паспортомъ, вмѣстѣ съ Мовшею Левинсономъ и Моисеемъ Пинкусомъ—бывалъ на сходкахъ, происходившихъ въ квартирѣ агитатора Гирша Ботвинника*).

Остальные, привлеченные къ настоящему дознанію, поименованные въ прилагаемомъ спискѣ, поддерживали болѣе или менѣе близкія сношенія съ названными обвиняемыми, но активное участіе ихъ въ дѣятельности «Бунда» разслѣдованіемъ не выяснено.

Обвиняемые Юдель Марголіусъ, Нафталь Шатцъ, Аронъ Вайнштейнъ, Мордухъ Гурвичъ и Софія Гликманъ остались неразысканными.

20-го января 1902 г. таможеннымъ досмотрщикомъ на станц. «Вильна» былъ задержанъ молодой еврей, видимо торопившійся пронести къ выходу небольшую корзину. Въ этой корзинѣ и карманахъ его платья оказались пачки воззваній, нѣсколько книгъ, разныя замѣтки, письма, записная книжка, паспортъ на имя двинскаго мѣщанина Давида-Ицки Іоффе и билетъ 3-го класса на проѣздъ Кременчугъ-Прага.

Въ корзинѣ, кромѣ бѣлья, найдены пять пачекъ революціонныхъ газетъ на еврейскомъ языкѣ: «Еврейскій рабочій», «Классовая борьба» и „Минскій летучій листокъ", всего 269 экземпляровъ. Часть ихъ предназначалась въ Варшаву, остальныя въ Лодзь. Означенныя письма оказались конспиративнаго содержанія, и написаны они проживавшими въ Вильнѣ маляромъ Шепселемъ Брескимъ и Вульфомъ Зархомъ адресатамъ въ г. Варшаву, куда, повидимому, ихъ долженъ былъ доставить Іоффе.

По адресамъ и замѣткамъ въ записной книжкѣ и письмахъ, отобранныхъ у Іоффе, былъ произведенъ рядъ обысковъ и арестовъ въ городахъ Вильнѣ, Сувалкахъ и Варшавѣ, причемъ почти у всѣхъ обысканныхъ обнаружена нелегальная литература или компрометтирующая переписка.

На нѣкоторыя изданія „Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи" наложенъ штемпель „Варшавскаго соціалъ-демократическаго комитета".

Такимъ образомъ, были привлечены къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ упомянутые Іоффе, Брескій и Зархъ, а также Малка Свѣчковская, Генахъ Старковичъ, Мовша Щварцбурхъ, Абрамъ Халофъ, Іосель Фишъ, Пейсахъ Гуданскій, Кастрель Лемпертъ, Гиршъ Влодаверъ и Мовша Кацовичъ. Разслѣдованіемъ выяснена принадлежность къ тайному сообществу, именуемому «Всеобщимъ еврейскимъ рабочимъ союзомъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи», имѣющему цѣлью возбужденіе вражды между рабочими и хозяевами, какъ равно и противодѣйствіе распоряженіямъ правительства. Сверхъ того, Іоффе занимался распространеніемъ революціонныхъ изданій, а Свѣчковская, Халофъ, Фишъ, Гуданскій, Лемпертъ и Влодаверъ хранили у себя подобную литературу.

18-го апрѣля 1902 г. съ галлереи Виленскаго театра, во время спектакля, было брошено въ партеръ множество карточекъ съ

---

*) Ботвинникъ привлеченъ къ дознанію о демонстраціи въ Вильнѣ 18 апрѣля 1902 г.

печатнымъ текстомъ: «Поздравляемъ съ 1-мъ мая— всемірнымъ праздникомъ рабочихъ! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Виленскій соціалъ-демократическій комитетъ».

При осмотрѣ части галлереи, съ которой брошены упомянутыя карточки, найдена изорванная записка слѣдующаго содержанія: «Госпожи Маня и Надя! такъ какъ сегодня на улицѣ будетъ слишкомъ много надзирателей, такъ что какъ Вы, такъ и другіе ничего не выиграютъ, но вотъ что, хотятъ устроить демонстрацію въ театрѣ, выбранные бросятъ, и каждый въ отдѣльности будетъ стоять между своими, такъ что, во первыхъ, его не замѣтятъ, а, во-вторыхъ, не выдадутъ, а за это даютъ хор. вещь «Родина», и Вы получите за два лиц. Если у Васъ есть еще, то можете приглас. Я дома до 8 часовъ. С. Н.».

По результатамъ разслѣдованія, изъ числа арестованныхъ на мѣстѣ демонстраціи оставлены подъ стражею: дантистъ Мордухъ Альфесъ, перчаточникъ Идель Рехесъ и мѣщанка Сора Немзеръ и Нихама Певзнеръ, которые и привлечены къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ Дознаніемъ этимъ обнаружено, что описанная демонстрація устроена тайнымъ сообществомъ, именующимъ себя «соціалъ-демократической партіей», причемъ названныя лица были исполнителями распоряженій партіи; изъ нихъ Немзеръ написала приведенное выше письмо, указывающее, что ей было поручено пригласить надежныхъ лицъ для обезпеченія успѣха и безнаказанности демонстраціи.

То-же 18-го апрѣля, послѣ 8 часовъ вечера, собравшіеся на Нѣмецкой улицѣ рабочіе образовали толпу болѣе 1000 человѣкъ, впереди которой двое несли красные флаги съ надписями: «Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! и «Да здравствуетъ 1 мая! Да здравствуетъ 8- часовой рабочій день!». Толпа эта съ криками «ура» и повторяя слова, написанныя на флагахъ, сдѣлала попытку открыть шествіе по улицѣ, но была остановлена полиціей, а съ приближеніемъ вызванной казачьей сотни разбѣжалась, причемъ задержаны несшіе флаги мѣщане Гиршъ Ботвинникъ и Гиршъ Фейнбергъ.

По обыску въ квартирѣ Ботвинника найденъ клочекъ бумаги, на которомъ написано «Объявленіе. Сегодня 1-го мая прошу васъ приходить къ намъ, я буду васъ ожидать»... «я прошу», «Варшава»... «Ботв.»...

Кромѣ Ботвинника и Фейнберга, виновные въ манифестаціи не обнаружены, такъ какъ съ появленіемъ казаковъ они успѣли смѣшаться съ проходившею публикою. Не выяснили демонстрантовъ и многочисленные аресты, произведенные на Нѣмецкой и сосѣднихъ улицахъ послѣ прекращенія безпорядка, потому что приходилось задерживать не по указаніямъ очевидцевъ, а по собственнымъ побужденіямъ чиновъ полиціи, основанія которыхъ не сохранились въ памяти лицъ, распоряжавшихся арестами.

5-го мая 1902 г., вечеромъ, при выходѣ изъ цирка Виленскаго губернатора, генералъ-лейтенанта фонъ-Валя, къ нему подбѣжалъ молой еврей Гиршъ Лекертъ, онъ же Лекухъ, и выстрѣлами изъ револьвера причинилъ ему двѣ раны.

При дознаніи Лекертъ объяснилъ, что онъ имѣлъ намѣреніе убить губернатора за то, что послѣднимъ было сдѣлано распоряженіе о наказаніи розгами нѣкоторыхъ, преимущественно молодыхъ евреевъ, задержанныхъ въ Вильнѣ 18-го апрѣля 1902 г. во время уличной демонстраціи. Лекертъ заявилъ, что означенное покушеніе онъ совершилъ по собственному побужденію, безъ всякаго посторонняго вліянія; впослѣдствіе же, по объявленіи ему приговора военнаго суда, онъ добавилъ, что на убійство губернатора его склонили два неизвѣстные ему еврея, но объясненіе это по самой тщательной провѣркѣ не подтвердилось.

Лекертъ въ 1900 г. привлеченъ былъ въ Вильнѣ къ дознанію вмѣстѣ съ другими лицами, оказавшими сопротивленіе полиціи при арестѣ трехъ виновныхъ въ распространеніи на улицѣ преступныхъ воззваній, причемъ онъ принималъ наиболѣе дѣятельное въ этомъ участіе. По отбытіи срока тюремнаго заключенія, онъ былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ екатеринославскую губернію, гдѣ и находился до начала апрѣля 1902 г., когда онъ самовольно прибылъ въ Вильну, гдѣ проживала его жена.

При разслѣдованіи сношеній Лекерта, у мѣщанки Песи Кобцовской найденъ летучій листокъ «Бунда», послѣ чего она скрылась и, несмотря на принятыя мѣры, не разыскана.

30-го мая 1902 года, въ г. Вильнѣ, вслѣдствіе полученныхъ указаній, чины полиціи застали въ квартирѣ Гирша Зетеля сходку токарей, на которой Фишель Кремерманъ читалъ вслухъ противоправительственную брошюру «Еврейскій рабочій». На собраніи, кромѣ названныхъ лицъ, присутствовали: Мордхель Каплапъ, Борухъ Свирскій, Абрамъ Баркусскій и Берка Дрознесъ.

Въ квартирѣ Зетеля найдена статья «Процессъ Балмашева» и революціонная газета «Будильникъ», а у Каплана оказались два листка, подъ заглавіемъ «Свобода» и «Манифестъ всеобщаго соціалъ-демократическаго кожевеннаго союза».

Еще съ 1900 г. въ г. Сморгони, Виленской губерніи, началось рѣзко замѣтное рабочее движеніе, сопровождавшееся появленіемъ воззваній и рядомъ насилій надъ хозяевами заводовъ и рабочими не желавшими примкнуть къ общему движенію. Путемъ систематическихъ забастовокъ и угрозъ, Сморгонскіе кожевники*) настолько терроризировали мѣстное населеніе, что оно нѣкоторое время находилось въ полной зависимости отъ произвола рабочихъ. Хозяева заводовъ и ремесленныхъ заведеній потеряли всякое значеніе, не имѣя права ни уволить рабочаго, ни принять на его мѣсто другого, безъ согласія своихъ рабочихъ. Послѣдніе сами распредѣляли по заводамъ оставшихся безъ мѣста кожевниковъ, произвольно увеличивая на нѣкоторыхъ заводахъ число рабочихъ рукъ. Повышеніе заработной платы почти до несоотвѣтствія цѣнамъ рынка, повидимому, указывало на конечную цѣль тайной рабочей организаціи—упразднить частную собственность, переведя заводы въ

*) Въ Сморгони находится нѣсколько кожевенныхъ заводовъ, на которыхъ работаетъ болѣе 1.000 человѣкъ.

руки рабочихъ. Въ такомъ смыслѣ рабочіе и высказались, между прочимъ, въ разговорѣ съ заводчикомъ Грингаузеномъ, заявивъ ему, что они «въ союзѣ съ русскими соціалистами добиваются, чтобы въ Россіи не было богачей и чтобы всѣ владѣли имуществомъ поровну».

Дознаніемъ установлено, что дѣятельность мѣстныхъ руководителей не была единственною причиною рабочаго движенія въ Сморгони: оно возникло благодаря вліянію рабочихъ организацій сосѣднихъ городовъ и поддерживалось агитаторами періодически являвшимися изъ Вильны и Бѣлостока. Образовавшееся въ Сморгони сообщество рабочихъ имѣло свою тайную кассу и цѣлый штатъ выборныхъ должностныхъ лицъ, а также свой—судъ, рѣшенія котораго исполнялись второстепенными дѣятелями, въ большинствѣ совершенно чуждыми потерпѣвшимъ отъ такихъ самовольныхъ расправъ.

Высшее руководительство рабочимъ движеніемъ въ Сморгони исходило, повидимому, отъ членовъ соціалъ-демократическихъ комитетовъ сосѣднихъ большихъ городовъ, ближайшими же вожаками на мѣстѣ были: Иванъ Синицкій, Антонъ Мозеръ, Гершонъ Фельдманъ, Станиславъ Мацкевичъ и Вячеславъ Путырскій. Наиболѣе дѣятельными ихъ помощниками были: Ааронъ Шимшелевичъ, Вячеславъ Полянскій Иванъ Янчуковичъ, Яковъ Садовскій, Осипъ Страшинскій, Францъ Готовко, Викторъ Путырскій, Иванъ Юшкевичъ, Людвигъ Янчуковичъ, Шимель Гассъ, Осипъ Страхъ, Осипъ Оленцевичъ и Павелъ Леоновичъ. Всѣ они принадлежали къ сморгонскому союзу кожевниковъ и были въ близкомъ сношеніи съ его руководителя и какъ равно и съ пріѣзжими агитаторами. Янкель Миндель, Иванъ Путырскій, Янкель Меллеръ и Евель Мирскій занимались составленіемъ разнаго рода воззваній, которыя затѣмъ и распространяли среди мастеровыхъ. Изъ названныхъ обвиняемыхъ Шимшелевичъ руководилъ уличной демонстраціей въ Сморгони 18-го апрѣля 1901 года, а Садовскій и Леоновичъ были исполнителями насильственныхъ дѣйствій по опредѣленію тайной рабочей организаціи.

4-го декабря 1901 г., въ г. Диснѣ, Виленской губерніи во время драки на улицѣ, задержаны евреи Мендель Зайдель и Аронъ Шерманъ, относительно которыхъ многими изъ мѣстныхъ жителей было заявлено полиціи, что они извѣстные въ городѣ буяны и «стачники», неоднократно подстрекавшіе рабочихъ-портныхъ къ забастовкѣ.

Дознаніемъ выяснено существованіе среди дисненскихъ портныхъ тайнаго кружка, состоявшаго изъ мѣщанъ: Залмана Хитраго, Мовши Лангборта, Хоне Левина, Залмана Эльянова и названныхъ Зайделя и Шермана. Кружокъ имѣлъ кассу для пособія своимъ членамъ во время стачекъ, и путемъ насилій побуждалъ рабочихъ и хозяевъ безпрекословно подчиняться его требованіямъ.

Ковно. Вечеромъ 15-го апрѣля въ г. Ковно появилось на бульварѣ много гуляющихъ, въ томъ числѣ и рабочихъ, ходившихъ группами въ 4—5 человѣкъ. Часовъ около 9-ти, человѣкъ до 100

быстро образовали тѣсную толпу, причемъ Антонъ Квашисъ кричалъ сидѣвшимъ на скамьяхъ рабочимъ: «идите, чего боитесь». Вслѣдъ затѣмъ толпа двинулась по направленію къ собору, выкрикивая разныя преступныя выраженія. Изъ числа манифестантовъ задержано 16 человѣкъ, а за два часа до того арестованъ еврей Нисель Кацъ, какъ человѣкъ никому неизвѣстный, который появился на бульварѣ и, переходя съ мѣста на мѣсто, переговаривался съ рабочими.

Разслѣдованіемъ удостовѣрено, что означенная демонстрація произошла не случайно, а была задумана и подготовлена лицами, принадлежащими къ преступнымъ организаціямъ. Это подтверждается тѣмъ, что незадолго до 15-го апрѣля въ г. Ковно появилась масса воззваній отъ имени «Центральнаго комитета Литовской соціалъ-демократической партіи» и «Конференціи представителей комитетовъ и организацій Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи»; во всѣхъ воззваніяхъ говорилось о необходимости праздновать 1-го мая. Затѣмъ празднованіе это, съ особыми объявленіями отъ «Ковенскаго рабочаго комитета Литовской соціалъ-демократической партіи», было назначено на Николаевскомъ проспектѣ 15-го апрѣля, на второй день Пасхи, когда оно и дѣйствительно состоялось, при участіи лицъ, принадлежавшихъ къ «Литовской соціалъ-демократической партіи», къ «Всеобщему еврейскому рабочему союзу въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи» и другимъ тайнымъ организаціямъ. Манифестація сопровождалась шествіемъ рабочихъ по Николаевскому проспекту, произнесеніемъ рѣчей и криками, призывавшими рабочихъ къ государственному перевороту.

Относительно лицъ, привлеченныхъ къ дознанію за участіе въ описанной демонстраціи, какъ равно и по обстоятельствамъ, соприкасавшимся съ этими безпорядками, выяснено, что Антонъ и Викентій Квашисы и Осипъ Мацюкевичъ принадлежали къ «Литовской соціалъ-демократической партіи» и распространяли ея прокламаціи, призывавшія къ народному сборищу и государственному перевороту. Шоломъ Орловскій, Гилель Мовшовичъ, Нисель Кацъ, Хоне Бляхеръ, Янкель Карпесъ, Гиршъ Цеслеръ и Гиршъ Биржовскій входили въ составъ «Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи»; изъ нихъ Мовшовичъ, Бляхеръ и Цеслеръ занимались распространеніемъ нелегальныхъ изданій, а Орловскій хранилъ у себя послѣднія.

Петръ Акелайтисъ принадлежалъ къ тайному сообществу, именующемуся «Соціалъ-демократіей Царства Польскаго и Литвы», распространяя его воззванія, отличающіяся крайнимъ противоправительственнымъ направленіемъ. Людомиръ Будель и Брониславъ Кубацкій примыкали къ кружку, преслѣдующему соціалъ-демократическія задачи и подстрекающему рабочихъ къ противоправительственному движенію.

Феликъ Квашисъ, Павелъ Секрецкій, Казимиръ Мисюра, Мовша Ужвалкъ, Антонъ Стейгвилло, Францъ Голомбіевскій, Оттонъ и Эдуардъ Юшкевичи, Геронимъ Линкевичъ и Адамъ Лаврусевичъ распространяли возмутительныя прокламаціи и го-

ворили рѣчи, призывая рабочихъ къ манифестаціямъ. Михаилъ Микуличъ, Осипъ Кривневичъ и Осипъ Волайтисъ давали своимъ знакомымъ запрещенныя сочиненія и воззванія, а Самуилъ Котлеръ и Клавдія Сиземская хранили у себя таковыя.

30-го мая 1902 г., вблизи м. Кельмъ, Россіенскаго уѣзда, собралось человѣкъ 40 евреевъ и, вывѣсивъ красный флагъ съ еврейскою надписью, устроили гулянье.

Дознаніемъ выяснено, что съ весны 1902 г. въ м. Кельмахъ образовался тайный кружокъ, съ цѣлью соціалистической пропаганды въ средѣ ремесленниковъ-подмастерьевъ, для подстрекательства ихъ къ борьбѣ съ хозяевами, путемъ забастовокъ, за сокращеніе рабочихъ часовъ и увеличеніе платы. Члены кружка устраивали сходки, на которыхъ читали нелегальныя изданія и вывѣшивали флагъ съ надписями преступнаго характера. Руководителемъ кружка былъ частный учитель Самуилъ Молчанъ, который, между прочимъ, купилъ матерію для упомянутаго флага и принималъ участіе въ его изготовленіи. На тайныхъ собраніяхъ кружка онъ говорилъ рѣчи и читалъ запрещенныя сочиненія*). Затѣмъ, членами кружка состояли: Тевель Левинъ, Мойша Бухъ, Симонъ Шнайдеръ, Аронъ Буракъ и Гиршъ Рафель (онъ же Рафаловичъ); послѣдній, сверхъ того, позволилъ себѣ въ крайне дерзкой формѣ высказывать угрозы относительно священной особы Государя Императора.

30-го іюля 1902 года, въ г. Ковно, на мѣстномъ еврейскомъ кладбищѣ, у могилы самоубійцы Шлемы Рогута, обвинявшагося въ государственномъ преступленіи, еврейская молодежь произвела демонстрацію, во время которой неизвѣстная женщина произнесла рѣчь противоправительственнаго содержанія. Послѣ этого Шмуль Іофанъ также что-то говорилъ толпѣ, закончивъ свои слова возгласомъ: «долой правительство, долой Царя, да здравствуетъ свобода, ура!» Сборище подхватило крики и съ ними двинулось къ выходу съ кладбища.

Вскорѣ послѣ этой демонстраціи появились летучіе листки, изъ коихъ видно, что она была устроена «Всеобщимъ еврейскимъ рабочимъ союзомъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи».

Дознаніемъ установлено, что названный Іофанъ принадлежалъ къ тайному сообществу и былъ организаторомъ описанной манифестаціи. Что же касается обвиняемыхъ: Ревекки Вайнерманъ, Меры Эдельштейнъ, Гени Трахтенбергъ, Бейнеса Кербера и Давида Веллера, то въ дѣлѣ не имѣется данныхъ, указывающихъ на прикосновенность ихъ къ какому-либо преступному кружку, и они являются виновными лишь какъ участники означенной демонстраціи.

24-го сентября 1902 года на станціи Ковно былъ задержанъ крестьянинъ Фрицъ Штейнбергъ съ большой корзиной, чемоданомъ, двумя деревянными ящиками и холщевымъ мѣшкомъ, въ ко-

*) Молчанъ привлеченъ къ дознанію о безпорядкахъ, произведенныхъ въ ковенской тюрьмѣ политическими заключенными. Установлено, что онъ во время безпорядковъ пѣлъ „Марсельезу“ и кричалъ „Долой Николая II.“

торомъ оказалось 4866 изданій революціоннаго содержанія на русскомъ, латышскомъ и польскомъ языкахъ*).

Разслѣдованіемъ установлено, что Штейнбергъ означеннаго числа сдалъ на товарной станціи «Ковно» два ящика, для отправленія въ г. Елецъ, орловской губерніи, на имя предъявителя дубликата отъ Э. Фрейерберга, извѣстнаго торговца чаемъ, но такъ какъ ящики были для чая слишкомъ тяжелы, то и явилось подозрѣніе относительно ихъ содержимаго.

Штейнбергъ доставилъ всѣ изданія изъ-за границы черезъ Сувалкскую губернію, съ цѣлью направить ихъ въ другія мѣста Россіи, но куда именно—указать не пожелалъ. Такое распространеніе преступной литературы Штейнбергъ принялъ на себя исключительно по сочувствію революціонному движенію въ Имперіи, хотя, по его словамъ, онъ и не принадлежалъ къ какой-либо опредѣленной противоправительственной группѣ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ разъѣзжалъ по разнымъ губерніямъ и вездѣ торговалъ запрещенными изданіями. Судя по отмѣткамъ на паспортѣ Штейнбергъ около полугода жилъ въ Баку, а незадолго до ареста пріѣзжалъ въ Вильно.

Гродно. Въ концѣ февраля 1902 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что, по иниціативѣ «Спб. комитета союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», рѣшено собрать въ теченіе слѣдующаго марта мѣсяца въ г. Бѣлостокѣ представителей различныхъ революціонныхъ группъ, чтобы выработать общую программу ихъ дальнѣйшей дѣятельности. Въ указанное время, дѣйствительно, стали прибывать въ Бѣлостокъ лица, извѣстныя своимъ нелегальнымъ направленіемъ; такъ 21-го марта явился Іосифъ Коганъ, а 21-го Михаилъ Коганъ. Далѣе было замѣчено, что между 21 и 28 числами марта въ Бѣлостокѣ находились Федоръ Гурвичъ и Шендеръ Зельдовой, и что эти названныя лица часто собирались въ квартирѣ доктора Пинхуса Розенталя**).

4-го апрѣля 1902 года Гурвичъ былъ задержанъ въ Москвѣ, причемъ назвался врачемъ Броннеромъ. Въ потайномъ помѣщеніи его чемодана найдено: 1) отпечатанный въ типографіи «Искры» корректурный экземпляръ прокламаціи «Ко всѣмъ рабочимъ Россіи», съ поправками и добавленіями, сдѣланными чернилами, за подписью «Конференціи представителей комитетовъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи»: а) «С.-Петербургскаго комитета союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», б) «Центральнаго комитета Бунда», в) „Союза южныхъ комитетовъ и организацій», г) организаціи «Искра», д) «Союза русскихъ соціалъ-демократовъ

*) Въ томъ числѣ: „Долой царя“, Вл. Бурцева; „Земля и воля“, Серебрякова; „Изъ жизни духовенства“; „Профессіональные союзы рабочихъ“; „Слово вѣрующаго къ народу“; „Новообращенный“ Степняка; „Вѣстникъ русской революціи“; журналъ „Жизнь“; листки „Жизни“; „Задачи русской рабочей партіи“; листки „Рабочаго дѣла“; листки „Послѣднія извѣстія“ и др.; польскія—„Майскій праздникъ“, „Разсвѣтъ“ и др.

**) Изъ нихъ раньше привлекались къ дознаніямъ: Гурвичъ въ 1896 г. въ Петербургѣ, Розенталь—въ 1893 году въ Варшавѣ, Іосифъ Коганъ въ 1887 г. участвовалъ въ безпорядкахъ въ Новороссійскомъ университетѣ.

за границей» и е) «Заграничнаго комитета Бунда». Прокламація эта призываетъ рабочихъ къ празднованію 1-го мая и устройству въ этотъ день противоправительственныхъ демонстрацій, оканчиваясь словами: «Да здравствуетъ россійская соціалъ-демократія! Да здравствуетъ 8-ми-часовой рабочій день! Да здравствуетъ политическая свобода! Долой царское самодержавіе!»; 2) Рукопись, озаглавленная «Конституированіе собранія», представляющая собою протоколъ засѣданія упомянутой конференціи, обсуждавшей редакцію означеннаго воззванія и 3) нѣсколько экземпляровъ разныхъ революціонныхъ брошюръ и газетъ.

Къ дознанію кромѣ названныхъ лицъ, были привлечены: Анна Розенталь, Сарра Лейбовичъ, Нахелія Шейпяцкій, Хацкель Мунвесъ, Цецилія Белохъ и Цадикъ Файгельштейнъ*). Въ квартирѣ Пинхуса и Анны Розенталь оказалось нѣсколько революціонныхъ брошюръ и письмо, въ которомъ говорится о присылкѣ типографскаго шрифта, а у Сарры Лейбовичъ найдены письма, заключающія въ себѣ очевидно условныя выраженія. У Михаила Когана оказался паспортъ на имя нидерландскаго подданнаго фонъ-Вальхерана, именемъ котораго онъ назвался при его задержаніи.

Дознаніемъ выяснено, что упомянутые Гурвичъ, Іосифъ и Михаилъ Коганы, Зельдовой, Пинхусъ и Анна Розенталь принимали участіе въ происходившемъ въ г. Бѣлостокѣ съѣздѣ представителей различныхъ противоправительственныхъ сообществъ. На этомъ съѣздѣ были выработаны: общая программа дѣятельности для всѣхъ партій, задавшихся измѣненіемъ существующаго въ Россіи образа правленія, и текстъ прокламаціи «Ко всѣмъ рабочимъ Россіи», которая и была распространена впослѣдствіи во многихъ мѣстностяхъ Имперіи. На съѣздѣ обвиняемые были представителями слѣдующихъ сообществъ: Гурвичъ—заграничной организаціи «Искра», Іосифъ Коганъ—«Южнаго союза Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», Михаилъ Коганъ—«Заграничнаго союза русскихъ соціалъ-демократовъ», Зельдовой—«С.-Петербургскаго комитета союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», Пинхусъ и Анна Розентал—«Бѣлостокскаго комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи». Упомянутые Мунвесъ, Шейпяцкій, Лейбовичъ, а также Реввека Панцъ**) и Исаакъ Бомштейнъ, вмѣстѣ съ другими не обнаруженными при дознаніи лицами принадлежали къ тайному кружку, имѣвшему цѣлью возбужденіе вражды между предпринимателями и рабочими. Для этого устраивались собранія кружка, на которыхъ читали разныя подпольныя сочиненія и обсуждали вопросы по организаціи стачекъ. Затѣмъ почти всѣ названные обвиняемые занимались распространеніемъ нелегальной литературы въ рабочей средѣ.

Варшава. Въ половинѣ 1902 года были получены свѣдѣнія о томъ, что послѣ арестовъ въ ноябрѣ 1901 г. и апрѣля 1902 г.

*) Белохъ принимала участіе въ демонстраціи 4 марта 1901 года въ Петербургѣ, а Файгельштейнъ—въ демонстраціи 25 іюля 1900 года въ Варшавѣ.

**) Панцъ участвовала въ демонстраціи 25-го іюля 1900 года въ Варшавѣ.

членовъ партіи «Соціалъ-демократовъ королевства Польскаго и Литвы», остатки ея сплотились около двухъ уцѣлѣвшихъ видныхъ агитаторовъ Мечислава Вычленскаго—по кличкѣ «Маркусъ»—и Іосифа Козловскаго*), называвшагося «Малиной».

Въ первыхъ числахъ сентября 1902 г. появилось въ обращеніи большое количество изданій названной партіи, что въ связи съ приведенными данными послужило основаніемъ къ принятію мѣръ относительно ея членовъ.

У Максимиліана Уншлихта обнаружены: 1) два чистые бланка «Подписного листа на агитаціонныя цѣли соціалъ-демократіи Королевства Польскаго и Литвы», съ печатями «Центральнаго комитета этой партіи»; 2) рукописное воззваніе, приглашающее рабочихъ «всѣхъ національностей не поддаваться враждѣ, возбуждаемой подлой царской властью между поляками и евреями, русскими и поляками, латышами и нѣмцами», а самое важное, чтобы «всѣ рабочіе проявили свои стремленія къ свободѣ и непримиримую ненависть къ царской власти»; 3) рукописная программа для корреспонденцій въ нелегальныя изданія и семь сообщеній, составленныхъ по этой программѣ, о положеніи рабочихъ и 4) нѣсколько печатныхъ подпольныхъ брошюръ.

Въ квартирѣ Іосифа Козловскаго найдено около двадцати изданій «Бунда», а въ помѣщеніи его матери, Теодоры Козловской, при ея лавкѣ въ дер. Чистѣ, подъ Варшавой, оказались: 1) красный флагъ съ польскими надписями: «да здравствуетъ конституція», «да здравствуетъ 8-ми-часовой рабочій день»; 2) гектографъ со всѣми къ нему принадлежностями, 3) цѣлый складъ печатныхъ революціонныхъ изданій и большое количество рукописей преступнаго содержанія**); 4) оттискъ штемпеля «Центральнаго комитета соціалъ-демократіи въ Королевствѣ Польскомъ и Литвѣ» и 5) каучуковая печать съ надписью: «Комитетъ Ченстоховскій—соціалъ-демократія Королевства Польскаго и Литвы».

Разслѣдованіемъ выяснено, что упомянутый Уншлихтъ и Іосифъ Козловскій, а также Владиславъ Ковальскій,—называвшійся „Пробощемъ“,—принадлежали къ названному сообществу, причемъ первые двое, будучи выдающимися агитаторами партіи, руководили мѣстными рабочими кружками и распространеніемъ нелегальной литературы. Послѣ высылки Козловскаго безвозвратно за-границу, лѣтомъ 1900 г. онъ самовольно вернулся оттуда и поселился въ Варшавѣ съ паспортомъ Теодора Пашке. Послѣ неудавшейся май-

*) Привлекался въ 1895 г. къ дознанію въ Варшавѣ и высланъ безвозвратно за границу.

**) Въ числѣ брошюръ и воззваній: 26 экземпляровъ „Почему мы соціалисты?“; 10 экз. „Исторія еврейскаго рабочаго движенія въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“; 43 экз. „Манифестъ союза кожевниковъ“; 93 экз. воззванія Центральнаго комитета „Бунда“; 6 экз. воззванія „Варшавскаго соціалъ-демократическаго комитета“; 6 экз. воззванія „Главнаго управленія соціалъ-демократіей Королевства Польскаго и Литвы“ и др.; изъ рукописей: „Уставъ спеціальныхъ сообществъ соціалъ-демократической партіи Королевства Польскаго и Литвы“; прокламація, призывающая къ демонстраціи на Уяздовской аллеѣ; „О значеніи и цѣли польскаго соціалъ-демократическаго товарищества“ и др.

ской демонстраціи 1902 г., подъ руководствомъ Козловскаго стали формироваться кружки, куда въ качествѣ интеллигента являлось лицо, извѣстное подъ именемъ «Чернаго», впослѣдствіи оказавшееся упомянутымъ Уншлихтомъ. Кружки эти время отъ времени собирались на общія сходки въ частныхъ квартирахъ, а иногда за городомъ, причемъ были произносимы рѣзкія противоправительственныя рѣчи и пѣлись революціонныя пѣсни. Изъ числа нѣсколькихъ сотъ участниковъ въ загородныхъ сходкахъ дознаніемъ установлено, что на одной изъ нихъ, кромѣ названныхъ Іосифа Козловскаго и Вычленскаго, присутствовали: сестры Фрейда и Брайдля Есіотръ, Шейна Гуревичъ, Рейза Тененбаумъ и Викентій Ничманъ, называвшійся «Стефаномъ». У всѣхъ этихъ лицъ, кромѣ Тененбаумъ, оставшейся неразысканною, найдены при обыскахъ различныя нелегальныя изданія, но въ дѣлѣ нѣтъ указаній на прикосновенность ихъ къ вышеупомянутой партіи; точно также какъ и нѣтъ данныхъ къ обвиненію остальныхъ привлеченныхъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ.

23-го іюля 1902 г., вслѣдствіе имѣвшихся свѣдѣній о предположеніи отправить изъ Варшавы въ гор. Соколовъ, Сѣдлецкой губерніи, большую партію революціонныхъ воззваній, на петербургскомъ вокзалѣ былъ задержанъ Юліанъ Ядчукъ, онъ же Яцковскій, при которомъ найдены 237 только что отпечатанныхъ и еще влажныхъ прокламацій на польскомъ языкѣ, два запечатанныхъ пакета съ непонятными помѣтками и клочекъ бумаги съ фамиліями «Готовицкій, Маевскій, Фр. Бохна». Яцковскій объяснилъ, что все это дано ему сапожникомъ Блажіемъ Чарнецкимъ. У послѣдняго, какъ равно и у находившихся съ нимъ въ сношеніяхъ Карла Маевскаго и Теофиля Багинскаго, обнаружены по обыскамъ разныя преступныя изданія «Польской соціалистической партіи» и сообщества «Пролетаріатъ». Въ замѣткахъ Чарнецкаго оказался адресъ Андрея Готовицкаго, которому предназначались воззванія, отобранныя у Ядчука и названнаго Багинскаго.

Возбужденнымъ дознаніемъ установлено, что упомянутые Чарнецкій, Готовицкій, Багинскій, Ядчукъ, а также Іосифъ Ярошинскій, Михаилъ Толтыржевскій и Францъ Хоецкій принадлежали къ тайному революціонному сообществу, задавшемуся измѣненіемъ существующаго въ Россіи образа правленія. Чарнецкій и Багинскій были особенно энергичными агитаторами партіи, способствуя расширенію ея дѣятельности, остальные же обвиняемые являлись исполнителями ихъ порученій.

Въ виду полученныхъ указаній, что нѣкоторые изъ проживавшихъ въ г. Варшавѣ евреевъ распространяютъ между рабочими подпольную литературу, за ними было установлено наблюденіе, которымъ обнаружено слѣдующее. 8-го августа 1902 г., вечеромъ, въ предмѣстьѣ Воля, подъ Варшавой, чины полиціи застали въ домѣ крестьянина Стефана Круликовскаго евреевъ Адама Шрейбера и Пелте Гольдфарба за чтеніемъ запрещенныхъ изданій; при этомъ на столѣ лежали 4 экземпляра революціонной газеты «Курьеръ закордонный и заграничный», еврейская газета «Работникъ» и нѣсколько книгъ заграничнаго изданія на польскомъ языкѣ. Въ квар-

тирѣ Круликовскаго найдены также разныя нелегальныя брошюры и газеты.

8 декабря, того же года, еврей Тобіашъ Коренцинъ былъ застигнутъ въ одной изъ квартиръ, куда онъ часто являлся, соблюдая разныя предосторожности, причемъ у него оказалось большое количество революціонныхъ брошюръ, журналовъ, газетъ и стихотвореній на польскомъ и еврейскомъ языкахъ.

Дознаніемъ выяснено, что названные Шрейберъ, Гольдфарбъ и Коренцинъ, а также Хаимъ Прагеръ, Рубинъ Пупковичъ, Шлема Альтеръ, Вольфъ Кожуховичъ, Ноихъ Гите, Шлема Зизіе, Давидъ Маковскій, Ицко Розенталь, Сруль Хуръ, Аронъ Швальбергъ, Левекъ Сандровичъ и Янкель Законъ принадлежали къ тайному сообществу «Бундъ» и дѣятельно агитировали въ его интересахъ, распространяя его изданія и устраивая мѣстные кружки рабочихъ. Пупковичъ, Коренцинъ и Альтеръ были руководителями такихъ кружковъ, а двое послѣднихъ, сверхъ того, устроили многолюдную сходку, съ цѣлью возможно широкой пропаганды революціонныхъ идей.

Затѣмъ у Іосифа Прагера обнаружены при обыскѣ нелегальныя изданія, хотя участіе его въ названномъ сообществѣ осталось недоказаннымъ.

Осенью 1902 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что въ одномъ изъ домовъ г. Варшавы собираются еврейскіе рабочіе для совмѣстнаго чтенія нелегальной литературы, подъ руководствомъ молодого интеллигентнаго еврея. 21-го сентября въ указанной квартирѣ Беніамина Рубановича чины полиціи застали 12 молодыхъ евреевъ, и въ числѣ ихъ окончившаго курсъ варшавскаго реальнаго училища Шлему Померанца; остальные были ремесленники: Хиль Розенбергъ, Мошка Тыкочинскій, Юшка Ясколка, Янкель Камера, Лейзеръ Аккерманъ, Кельманъ Шкопъ, Лейзеръ Виноградъ, Сруль Нихтфинстеръ, Шія Гольдшварцъ, Сруль Зельцеръ и Мендель Кутнеръ. На полу найдены двѣ нелегальныя брошюры, изданныя «Бундомъ», а на стѣнѣ было прибито воззваніе «Ко всѣмъ варшавскимъ работникамъ и работницамъ».

Въ квартирѣ Розенберга и жившаго съ нимъ Абрама Зайдмана обнаружено нѣсколько соціалистическихъ брошюръ, газетъ и воззваній.

Разслѣдованіе подтвердило, что названныя лица, подъ предлогомъ изученія русскаго языка, собирались для ознакомленія съ соціалистической литературой по рабочему вопросу и съ печатными воззваніями къ мѣстнымъ рабочимъ, въ цѣляхъ распространенія среди трудящейся массы революціонныхъ идей. Руководилъ означеннымъ кружкомъ упомянутый Померанцъ, котораго называли «учителемъ русскаго языка», а ближайшими его сотрудниками были Рубановичъ, Аккерманъ и Розенбергъ.

Въ концѣ ноября 1902 года были получены свѣдѣнія, что у проживавшаго въ г. Варшавѣ маляра Менделя Ратута собирается по субботамъ кружокъ рабочихъ-евреевъ, руководимый интеллигентною еврейкою, извѣстною подъ кличкою «Тамара». 14 декабря чины полиціи застали въ означенной квартирѣ не проживавшихъ

тамъ евреевъ: Израиля Рабиновича, Альтера Фельмана, Іосифа Якобсона, Арона Рапопорта, Рахмиля Шабшеса, Симху Добримана, Израиля Рошкина, Моршку Ревинскаго, Янкеля Финкельштейна, Исаака Цымеса, Виктора Бранштейна и упомянутую «Тамару», оказавшуюся Эстерой Рискиной. Изъ нихъ у Рапопорта, Цимиса и Якобсона оказались разныя нелегальныя сочиненія и воззванія, изданныя «Бундомъ» и «Польской соціалистической партіей».

Дознаніемъ выяснено, что Рискина, Рошкинъ, Добриманъ, Рабиновичъ, Янкель Финкельштейнъ, Якобсонъ, Шабшесъ, Ревинскій, Фельманъ, Цымесъ, Бранштейнъ и Рапопортъ состояли членами кружковъ сообщества «Бундъ», причемъ первые трое занимали въ кружкахъ выдающееся положеніе, остальные же бывали на сходкахъ и распространяли подпольную литературу. Рискина, кромѣ того, посѣщала собранія рабочихъ, гдѣ произносила рѣчи, читала соціалистическія сочиненія и разъясняла прочитанное. Затѣмъ, изъ числа обвиняемыхъ Гершъ Финкельштейнъ, Симха Какетъ и Аронъ Лефельдъ хранили у себя преступныя изданія.

Въ началѣ декабря 1902 года въ одномъ изъ домовъ г. Варшавы занялъ квартиру еврей Аронъ Баеръ, у котораго вскорѣ поселился другой еврей Мошка Крымъ. Продолжительное уклоненіе послѣдняго отъ прописки обратило вниманіе на означенную квартиру, причемъ было замѣчено, что туда является много евреевъ, а по субботамъ происходятъ тамъ многолюдныя собранія.

24 декабря была сдѣлана провѣрка жильцовъ квартиры Баера, гдѣ, кромѣ послѣдняго и Мошки Крыма, оказались ночующими Рувинъ Казиницкій и Кальманъ Шрайбербергъ, а затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ помѣщенія найдено 59 экземпляровъ брошюръ, журналовъ, газетъ и воззваній, изданныхъ сообществомъ «Бундъ».

Данными разслѣдованія установлено существованіе въ Варшавѣ нѣсколькихъ кружковъ «Бунда», коего центральный комитетъ находится за-границей. Кружки эти, состоящіе изъ 20-25 членовъ, собирались по пятницамъ вечеромъ и по субботамъ для чтенія нелегальныхъ произведеній и распространенія ихъ среди рабочихъ.

Изъ руководителей кружковъ обнаруженъ Хаимъ Каплинскій, а изъ числа выдающихся членовъ—Мордухъ Любовскій*), Мовша Лапе, Абрамъ Черный, Хаимъ Борнштейнъ и названные Крымъ, Баеръ и Шрайбербергъ. Затѣмъ, менѣе активными участниками отдѣльныхъ группъ «Бунда» были Исаакъ Берандъ, Зальманъ Жакъ, Элья Златкинъ, Айзикъ Гинзбургъ и упомянутый Казиницкій**).

У Каплинскаго, Чернаго, Любовскаго, Борнштейна, Лапе, Берманда, Златкина, Жака и Айзика Гинзбурга найдены разныя революціонныя сочиненія, большею частію изданныя «Бундомъ», и на нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются штемпеля «Варшавскаго соціалъ-демократическаго комитета».

---

*) Каплинскій привлекался въ 1899 г. къ дознанію въ Гродно, а Любовскій—въ 1898 г. въ Варшавѣ.

**) Баеръ и Шрайбербергъ участвовали въ 1900 г. въ демонстраціи въ Варшавѣ, а Казиницкій—въ Кіевѣ.

Каплинскій и Черный отъ всякихъ объясненій по дѣлу отказались, остальные же обвиняемые, кромѣ одного—дали отрицательныя или уклончивыя объясненія.

Прикосновенность къ означенному сообществу привлеченныхъ къ дознанію Исаака Гинзбурга и Янкеля Нусбаума осталась недоказанною, но у послѣдняго найдено преступное воззваніе, а Гинзбургу было извѣстно о храненіи его братомъ Айзикомъ значительнаго количества революціонныхъ изданій.

Петроковъ. «Польская соціалистическая партія» впервые проявила свою дѣятельность въ 1893 г., сосредоточивъ свою пропаганду въ Лодзи, Сосновицахъ и другихъ фабричныхъ пунктахъ Привислянскаго края. Принявъ на себя общую задачу всѣхъ соціалистическихъ организацій, партія присоединила къ ней возстановленіе Польши, какъ независимаго государства.

Выполнить указанную программу предназначался пролетаріатъ, который партія и стремилась организовать сообразно намѣченнымъ цѣлямъ. Въ смыслѣ подготовительной работы, названное сообщество стало заявлять о себѣ посредствомъ манифестацій, стачекъ, многолюдныхъ сходокъ и насильственныхъ дѣйствій надъ лицами, неугодными партіи. Организація послѣдней обставлена строгою тайной для большинства ея членовъ. Во главѣ партіи стоитъ «Варшавскій центральный комитетъ», а въ разныхъ промышленныхъ центрахъ учреждены мѣстные «комитеты», какъ напримѣръ—лодзинскій, радомскій и другіе; они представляютъ собою исполнительные органы, а законодательнымъ является общій съѣздъ ихъ представителей. Сношенія съ заграницей партія ведетъ черезъ заграничный союзъ польскихъ соціалистовъ. Затѣмъ организованы кружки изъ небольшого числа членовъ, не имѣющіе между собою непосредственной связи, но тщательно контролируемые мѣстными «комитетами», какъ равно и варшавскимъ. Кружки основаны исключительно въ фабричной средѣ, и во главѣ каждаго изъ нихъ поставленъ наиболѣе развитой рабочій.

«Польская соціалистическая партія» вообще придаетъ большое значеніе пропагандѣ печатнымъ словомъ, а потому издаетъ нѣсколько органовъ, какъ «Разсвѣтъ», «Работникъ» и другіе, а для Лодзи назначена спеціальная газета «Лодзянинъ». На крестьянское населеніе партія дѣйствуетъ путемъ изданія цѣлой серіи революціонныхъ брошюръ—«Отецъ Шимонъ», «Что долженъ знать каждый крестьянинъ» и массы другихъ, большими количествами передаваемыхъ народу близъ костеловъ, во время гуляній и т. д.

Матеріальныя средства партіи составляютъ добровольные взносы, плата рабочихъ за чтеніе революціонныхъ изданій, доходы отъ продажи напитковъ во время разныхъ собраній, а также всякаго рода лотереи. Сверхъ того, есть такъ называемый «Красный крестъ» партіи, собирающій пожертвованія въ пользу политическихъ арестантовъ и ихъ семействъ.

Означенное сообщество, при стремленіи сдѣлаться единственнымъ руководителемъ всего польскаго рабочаго движенія, ищетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сближенія съ различными революціонными груп-

пами другихъ національностей въ предѣлахъ Россіи. Съ этою цѣлью, партія провозитъ для нихъ транспорты нелегальной литературы, относясь съ особымъ вниманіемъ къ движенію среди евреевъ.

Въ теченіе лѣта 1901 г. была замѣчена въ г. Лодзи систематическая пропаганда «Польской соціалистической партіи» и выяснено, что руководитъ ею Станиславъ Піонтковскій, пріѣхавшій изъ-за границы въ февралѣ того же года.

При задержаніи Піонтковскаго, у него оказались замѣтки о расходѣ различныхъ нелегальныхъ изданій и записи денежныхъ пожертвованій.

Дознаніемъ установлено, что Піонтковскій, будучи представителемъ „Польской соціалистической партіи“ въ Лодзи, дѣйствовалъ тамъ, какъ членъ ея „комитета“. Съ февраля по ноябрь 1901 г. онъ широко развилъ пропаганду партіи, привлекъ многолицъ къ участію въ распространеніи нелегальной литературы,— которую самъ доставлялъ изъ Варшавы,—собиралъ въ пользу партіи денежныя пожертвованія и устроилъ школу агитаторовъ, для подготовки членовъ партіи къ самостоятельной дѣятельности.

Ближайшими сотрудниками Піонтковскаго были: Александръ Сулькевичъ, Адольфъ Левандовскій, Адамъ Буйно, Іуда Герцманъ, Феликсъ Пѣнтка, Романъ Гальскій, Людовикъ Гриневецкій, Марія Роговская*). Виновность этихъ лицъ, независимо отъ обнаруженія у большинства изъ нихъ революціонныхъ изданій, подтверждается и другими данными. Такъ, у Сулькевича оказалась записка Піонтковскаго о расходѣ нелегальной литературы; Левандовскій, по порученію Піонтковскаго, разносилъ подпольныя изданія и читалъ лекціи въ кружковыхъ собраніяхъ рабочихъ; тѣмъ же занимался и Буйно, агитировавшій среди рабочихъ до появленія въ Лодзи Піонтковскаго. Герцманъ и Роговская также читали лекціи въ кружкахъ, а Гальскій помогалъ Піонтковскому въ организаціи кружковъ и устраивалъ ихъ собранія въ своей квартирѣ. Съ Гриневецкимъ у Піонтковскаго были постоянныя конспиративныя сношенія; по обыску же у Гриневецкаго, жившаго въ Варшавѣ, найдены въ большомъ количествѣ разныя революціонныя сочиненія. Складъ нелегальной литературы въ Лодзи помѣщался въ квартирѣ Пѣнтки, куда безпрестанно являлся Піонтковскій.

Къ тому же преступному сообществу были причастны: Теофиль Шафранскій**), Сандеръ Вайсъ, Исидоръ Рубинштейнъ, Іосифъ Биренцвейгъ, Маркусъ Гарфинкель, Ицекъ Таца, Леонъ Фогелевичъ, Давидъ Фрайфельдъ и Витольдъ Левандовскій; изъ нихъ содѣйствовали Піонтковскому въ пропагандѣ: между рабочими—Шафранскій, а остальные—въ средѣ учащейся молодежи. Такъ, Рубинштейнъ, Гарфинкель, Таца, Вайсъ, Биренцвейгъ, Фогелевичъ, Фрайфельдъ и Витольдъ Левандовскій принимали къ себѣ

*) Гальскій и Буйно привлекались по дѣлу о „Пролетаріатѣ“, Роговская—въ 1900 и 1901 гг. въ Варшавѣ по обвиненію въ храненіи запрещенныхъ изданій, а Гриневецкій—въ 1899—1901 гг. въ Варшавѣ за участіе въ демонстраціи.

**) Шафранскій былъ привлеченъ къ дознанію о сообществѣ „Пролетаріатъ“,

нелегальную литературу и надѣляли ею своихъ знакомыхъ. Особенно большое количество преступныхъ изданій найдено у Гарфинкеля и Тацы.

Затѣмъ, Сигизмундъ Рачковскій*), Леонъ Бродзскій, Томашъ Пыташъ, Натанъ и Розалія Гольдблюмъ, Марія Бабицкая, Иванъ и Тадеушъ Гарболевскіе и Мечеславъ Френкель являются виновными лишь въ храненіи запрещенныхъ сочиненій.

Русская эмиграція въ 1902 году.

Сравнительно съ ближайшими предыдущими годами, въ 1902 г. не произошло существенныхъ перемѣнъ въ общемъ положеніи русскихъ революціонныхъ организацій за-границею. Наблюдавшаяся въ 1901 г. интенсивность агитаціи внутри Имперіи сопровождалась аналогичными явленіями и среди эмигрантовъ, безъ проявленія болѣе тревожныхъ симптомовъ, чѣмъ въ 1901 году. По прежнему революціонные выходцы группировались въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Бернѣ, Женевѣ и Цюрихѣ, причемъ замѣчалось тяготѣніе эмигрантовъ-единомышленниковъ къ извѣстному центру. Такъ, въ городахъ Швейцаріи собирались преимущественно «соціалисты революціонеры», въ Берлинѣ—«соціалъ-демократы», въ Лондонѣ—наиболѣе серьезные дѣятели польской, латышской и армянской революціонныхъ партій, а также—русскіе анархисты. Въ Парижъ стекались приверженцы всякихъ нелегальныхъ группъ, среди коихъ «русская высшая школа экономическихъ наукъ» выдѣлялась своей задачей—подготовлять антиправительственныхъ дѣятелей.

Изъ названныхъ центровъ, по степени воздѣйствія на революціонное движеніе внутри Имперіи, имѣли особо серьезное значеніе города Швейцаріи и Берлинъ: первые — какъ мѣстопребываніе большинства покинувшихъ Россію «соціалистовъ-революціонеровъ», наиболѣе опасныхъ по своей программѣ, а послѣдній—какъ пунктъ откуда идетъ умѣло организованное и широкое вбдвореніе черезъ границу революціонной литературы.

Заграничныя подпольныя изданія, какъ равно и личная агитаторская дѣятельность пріѣзжавшихъ нелегально въ Россію эмигрантовъ, въ значительной мѣрѣ подняли уровень революціоннаго движенія въ Имперіи. Тѣмъ не менѣе, наблюденія минувшаго года указали, что центръ тяжести преступной пропаганды, долгое время находившійся въ эмиграціи — перешелъ къ внутреннимъ организаціямъ.

Въ отчетномъ году обращали на себя вниманіе:

Берлинъ. Главными дѣятелями берлинской группы Лиги русскихъ «соціалъ-демократовъ» (группа «Искры» и «Зари») продолжали состоять тѣ же лица, какъ и въ предыдущемъ году: Хаимъ Левиди, Михаилъ Вечесловъ, Федоръ Гуревичъ, Наталья Бахъ Михаилъ Леманъ, именовавшій себя Павломъ Байновымъ, жена, его Инна, рожденная Смидовичъ, Михаилъ Безруковъ, Анна

*) Рачковскій привлекался въ Варшавѣ по дѣлу о заграничныхъ сообществахъ.

Елизарова, Петръ Смидовичъ (онъ же Червинскій), Александра Калмыкова, Владимиръ Шашенъ, Михаилъ Шерговъ и Евгеній Флеровъ. Въ теченіе минувшаго года въ берлинскій кружокъ «Искры» вступили слѣдующіе серьезные дѣятели: пріѣхавшій въ іюнѣ изъ Вѣны врачъ Соломонъ Рубинштейнъ, близко стоявшій къ заграничному центру этой группы, бѣжавшіе въ августѣ изъ кіевской тюрьмы и нашедшіе себѣ пріютъ въ Шарлоттенбургѣ, близъ Берлина, въ квартирѣ Алоиса Штингофера — Левикъ Гальперинъ, Владимиръ Бобровскій и Іосель Таршисъ, пріѣхавшій въ октябрѣ изъ Смоленска студентъ Илларіонъ Чернышевъ и, наконецъ, Юлій Цедербаумъ — одинъ изъ главнѣйшихъ представителей центральной организаціи «Искры», называвшійся Сергѣевымъ и Мартовымъ.

Дѣятельность группы состояла по прежнему въ пропагандѣ соціалъ-демократическихъ идей среди пребывающихъ въ Берлинѣ и его окрестностяхъ русскихъ подданныхъ, въ тайномъ водвореніи въ Имперію нелегальной литературы, въ оказаніи матеріальной помощи политическимъ арестантамъ и ссыльнымъ, а также въ организаціи побѣга изъ Россіи единомышленниковъ группы. Въ цѣляхъ выполненія послѣдней задачи, названный Левиди и Вильгельмъ Бухгольцъ основали спеціальное «общество для устройства побѣговъ изъ Россіи и для выдачи помощи бѣжавшимъ», и дѣятельность его имѣла въ 1902 году крупный успѣхъ: въ августѣ былъ устроенъ побѣгъ изъ кіевской тюрьмы за-границу одиннадцати политическихъ заключенныхъ, въ томъ числѣ вышеупомянутыхъ Гальперина, Бобровскаго и Таршиса. Съ соціалъ-демократическими организаціями внутри Имперіи берлинская группа поддерживала частыя сношенія, и для этой цѣли неоднократно посылала своихъ делегатовъ. Такъ, въ числѣ другихъ искровцевъ, ѣздили съ конспиративными порученіями въ Россію: Федоръ Гуревичъ, Рона Дымшицъ, Раиса Лурье, упомянутый Петръ Смидовичъ, студентка Разумовская, Андрей Ляпуновъ, Николай Радивоевъ, Ревекка Бухгольцъ, жена Вильгельма Бухгольца, Николай Банинъ, Ревекка Доберъ, Моисей Шаргородскій и др. Изъ нихъ удалось обнаружить и задержать въ Россіи Ревекку Бухгольцъ, Банина, Шаргородскаго и Гуревича.

Осенью группа стала заниматься организаціей кружковъ самообразованія изъ болѣе радикальныхъ элементовъ русской колоніи въ Берлинѣ, для подготовки будущихъ революціонныхъ дѣятелей. Этими кружками руководили Владимиръ Шанинъ, Михаилъ Шерговъ, Инна Леманъ и Алексѣй Никитинъ.

Періодическіе печатные органы партіи «Искра» и «Заря» по прежнему печатались у Дитца въ Штутгардѣ, причемъ въ составѣ редакцій этихъ изданій не произошло никакихъ перемѣнъ.

Къ проявленіямъ нелегальной дѣятельности названной группы слѣдуетъ отнести и условіе, заключенное лѣтомъ 1902 г. Александрой Калмыковой съ проживающими въ городѣ Мюнхенѣ докторами философіи Бальтазаромъ Мархлевскимъ, Израилемъ Гельфондомъ и женою послѣдняго Татьяной, рожденной Берманъ, объ изданіи въ Мюнхенѣ неразрѣшенныхъ къ печатанію въ Россіи

сочиненій. Завѣдывать этимъ предназначался бывшій редакторъ книгоиздательской фирмы «Знанія»—Поссе.

Отложившаяся отъ «Лиги русскихъ соціалъ-демократовъ» группа «Борьба», — главными руководителями которой оставались Давидъ-Симка Гольдендахъ, названный Бухгольцъ и Аронъ Сандомирскій,—привлекла болѣе серьезные элементы соціалистическаго кружка, издававшаго «Студенческій бюллетень». Благодаря этому, послѣдній кружокъ распался и, хотя группа «Борьба» увеличилась численно, но не пріобрѣла серьезнаго значенія, тѣмъ болѣе, что постоянный недостатокъ въ денежныхъ средствахъ дѣлалъ невозможною болѣе или менѣе широкую пропаганду путемъ печати. Группа «Борьба» организовала нѣсколько кружковъ среди учащейся молодежи, преимущественно уроженцевъ Юга Россіи, и, между прочимъ, гор. Кишинева. Въ концѣ марта всѣ мелкіе кружки слились въ два—берлинскій и кишиневскій. Болѣе видными членами этихъ кружковъ были: Александръ Зомбе, Людвигъ Зоммерфельдъ, Фелицата Гусева, завѣдывавшая кишиневскимъ кружкомъ, Михаилъ Бордуковъ, Лео Армандъ, сестры Геня и Цица Ривлины, Алексѣй Авраамовъ, Григорій Тартаковскій, Мейеръ Доброницкій и нѣкоторые другіе.

Кромѣ этихъ кружковъ Бухгольцъ основалъ особый кружокъ «для подготовленія активныхъ революціонныхъ дѣятелей», на собраніяхъ котораго присутствовавшіе занимались обсужденіемъ способовъ практическаго осуществленія революціонной пропаганды.

Группою «Борьба» изданы «Календарь на 1902 г. для русскихъ рабочихъ» и «Судебный приговоръ по дѣлу обуховцевъ». Въ іюнѣ вышелъ № 1 періодическаго изданія «Летучій листокъ Борьбы» и тогда же готовилась къ печати брошюра «Солдатская памятка».

Между членами «Борьбы» и берлинскими «Искровцами» существовалъ въ 1902 году весьма замѣтный антагонизмъ.

Во главѣ берлинской группы «Союза русскихъ соціалъ-демократовъ» находился Викторъ Залле, къ которому близко стояли: Сруль Шихеръ (онъ же Зильберманъ), Роза Зельдовичъ, Моисей Моносзонъ, Моисей Земберга, съ женою Раисою, рожденною Лифшицъ, Зельда Эмдина, Тимофей и Леонъ Сегаловы. Дѣятельность «Союза» имѣла болѣе теоретическій, чѣмъ практическій характеръ, и состояла почти исключительно въ выпускѣ и распространеніи печатныхъ изданій, въ духѣ программы «Союза», а также въ устройствѣ собраній для теоретическаго обсужденія соціальныхъ вопросовъ.

Есть, впрочемъ, указанія и на то, что Залле въ мартѣ нелегально ѣздилъ въ Россію и доставлялъ въ С.-Петербургъ транспортъ подпольныхъ изданій.

Періодическимъ печатнымъ органомъ «Союза» продолжало быть „Рабочее дѣло“.

Установившаяся въ 1901 году близость группы „Союза“ съ берлинской организаціей «Бунда» или „Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“ продолжалась и въ 1902 году. Это выражалось, между прочимъ, въ томъ, что платные вечера для усиленія агитаціоннаго фонда устраивались совмѣ-

стно членами обѣихъ группъ. Были также и совмѣстныя собранія для обсужденія вопросовъ относительно программы и дѣятельности обѣихъ партій.

Группа „Бунда“ по числу примкнувшихъ къ ней лицъ представлялась самой многочисленной изъ всѣхъ русскихъ революціонныхъ организацій въ Берлинѣ. Это объясняется тѣмъ, что кромѣ значительнаго числа русскихъ евреевъ-интеллигентовъ къ группѣ примкнули почти всѣ пребывающіе въ Берлинѣ русскіе евреи-рабочіе.

Во главѣ берлинской группы „Бунда“ стояли Цемахъ Копельзонъ, Іосифъ Миль и Исаакъ Бискъ; затѣмъ болѣе видными дѣятелями были: братья Юдка и Абрамъ Гройсманы, Фрида-Лея Пружинина, Бейла Вольфсонъ, Хая-Анна Госпе, Роза Левитъ, Исай Левитманъ и его жена Любовь, рожденная Бернштейнъ, Борисъ Меерович, Берта Вольфсонъ, Фанни Бѣлоцерковская, Роза Райхенштейнъ, Давидъ Малинъ, Давидъ Райгородецкій, сестры Фейга и Хайка Коссъ. Члены этой группы занимались дѣятельно устной пропагандой соціалъ-демократическихъ идей, преимущественно среди проживающихъ въ Берлинѣ русскихъ евреевъ, и въ широкихъ размѣрахъ водворяли въ Россію преступныя изданія «Бунда» и другихъ революціонныхъ организацій, пользуясь для этого услугами, главнымъ образомъ, еврейскаго населенія нашей западной границы.

Кромѣ Берлина, мѣстные «бундисты», и въ частности Копельзонъ, проявляли свою агитаторскую дѣятельность и въ другихъ городахъ.

Такимъ образомъ, возникли кружки „Бунда“ въ Митвейдѣ, Фрейбургѣ и Мюнхенѣ.

Польскіе Кружки. Въ февралѣ 1901 г. берлинскою полиціею были получены указанія на существованіе въ Берлинѣ тайнаго національно-польскаго сообщества. Послѣдующіе обыски и аресты обнаружили «соціалъ-демократическій кружокъ «Technе», дѣйствовавшій подъ руководствомъ «національной польской лиги» въ Варшавѣ. Большинство членовъ кружка оказалось русскими подданными и руководилъ имъ студентъ Густавъ Симонъ, по своимъ убѣжденіямъ крайній радикалъ. Всѣ русскіе члены кружка были тотчасъ же высланы изъ Германіи, причемъ вернулись въ Россію: Феликсъ Гжебскій, Михаилъ Майбаумъ, Иванъ Гульбинъ, Стефанъ Черновскій, Лузеръ Спиро, Мечиславъ Конъ, Яковъ Сегалъ, Станиславъ Левандовскій, Адель Зильберштейнъ, Регина Окснеръ, Владиславъ Генигъ и Морицъ Прегеръ.

Революціонныя цѣли въ предѣлахъ Россіи преслѣдовало также и «Общество соціалъ-демократическихъ рабочихъ Королевства Польши и Литвы». Хотя въ большинствѣ оно состояло изъ нѣмецкихъ поляковъ, но занималось распространеніемъ польской революціонной литературы исключительно въ Россіи. Изданія печатались въ Шарлоттенбургѣ, близъ Берлина, въ типографіи Залаховскаго, но снабжались они штемпелемъ цюрихскаго издателя Станислава Гута. Руководителемъ сообщества былъ высланный изъ

имперіи, уроженецъ Варшавы прусскій подданный Давидъ Драба.

Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о прибытіи въ Берлинъ транспорта революціонныхъ изданій по адресу варшавскаго уроженца Якова Фюрстенберга, мѣстная полиція установила существованіе въ названномъ городѣ кружка «Соціалистической партіи Королевства Польши и Литвы», для которой и предназначался упомянутый транспортъ, полученный отъ Ольшевскаго изъ Парижа. Во главѣ партіи находилась Роза Люксембургъ, Іоганъ Главацкій и Войцехъ Грегорчикъ-Поплавскій, агентомъ же для заграничныхъ сношеній состоялъ докторъ Валевскій, въ Краковѣ.

Берлинская группа «соціалистовъ-революціонеровъ». Къ числу членовъ этой группы принадлежали: Владимиръ Азевъ, Марія Семокъ, Александръ Машицкій, Сруль-Нухимъ Мунблитъ, Хацкель Канторъ, Ольга Лифшицъ, Мендель Витенбергъ, Мендель Левинъ, Михаилъ Медвѣдевъ, Раиса Разумовская, Кронъ Вайнштейнъ, Анатолій Бжозовскій, Николай Банинъ, Петръ Китаевъ, Михаилъ Зябкинъ, Михаилъ Ильинскій, Ольга Виноградова, и, во время своего пребыванія въ Берлинѣ—Абрамъ Гоцъ. Занимаясь агитаціей въ духѣ программы своей партіи, кружокъ этотъ, главнымъ образомъ, водворялъ въ Имперію революціонныя изданія, уступая первенство въ активной дѣятельности и рѣшеніи партійныхъ вопросовъ соціалистамъ-революціонерамъ, проживавшимъ въ Швейцаріи.

Болѣе важнымъ событіемъ для группы въ 1901 году былъ пріѣздъ въ Берлинъ извѣстнаго организатора кружковъ соціалистовъ-революціонеровъ внутри Имперіи Григорія Гершуни, который послѣ частыхъ совѣщаній съ главнымъ руководителемъ группы «Искры» и «Зари» Ефимомъ Левиди вернулся въ Россію. Затѣмъ прибылъ изъ Лейпцига соціалистъ-революціонеръ Викторъ Черновъ, съ цѣлью объединенія разнородныхъ революціонныхъ элементовъ въ Берлинѣ, хотя прочитанные имъ на эту тему рефераты не имѣли успѣха, такъ какъ идеи его о необходимости примѣненія въ политической борьбѣ систематическаго террора не встрѣтили сочувствія въ соціалъ-демократахъ. При содѣйствіи Левиди, Калмыковой, Елизаровой, Лемана (Байнова), Бухгольца и Залле, названные берлинскіе кружки поддерживали сношенія съ нѣмецкой соціалъ-демократической партіей, члены которой оказывали имъ, между прочимъ, содѣйствіе тѣмъ, что снабжали революціонеровъ, отправлявшихся нелегально въ Россію, прусскими паспортами.

Калмыкова, Бухгольцъ, Сандомирскій и Нисонъ Неминовъ сообщали редакціямъ нѣмецкихъ газетъ, особенно соціалистической прессѣ, свѣдѣнія о ходѣ революціоннаго движенія въ Россіи.

Журналы «Жизнь» и «Освобожденіе». Знаменательнымъ событіемъ для русскихъ соціалъ-демократическихъ организацій заграницею было появленіе въ 1902 году новыхъ періодическихъ изданій: «Жизнь», подъ редакціей бывшаго участника фирмы «Знаніе» Поссе и журнала «Освобожденіе», основаннаго бывшимъ приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета Петромъ Струве. «Освобожденіе» сразу заняло прочное положеніе и стало распростра-

няться въ широкихъ размѣрахъ, являясь органомъ вновь образовавшейся въ Россіи политической группы «конституціоналистовъ», поставившихъ себѣ задачей проводить въ русскомъ обществѣ идею о необходимости политическихъ реформъ. Изъ членовъ этой группы извѣстенъ приватъ-доцентъ Евгеній Тарле.

Съ появленіемъ «Жизни» и «Освобожденія» былъ опять возбужденъ вопросъ о сліяніи всѣхъ соціалъ-демократическихъ фракцій, мотивированный опасеніемъ, что новыя изданія отвлекутъ часть денежныхъ средствъ, которыми ранѣе пользовались другія партіи. По этому поводу происходили въ революціонныхъ сферахъ оживленные переговоры, которые, однако же, кончились ничѣмъ.

Дрезденъ. По иниціативѣ берлинскихъ оппозиціонныхъ группъ, въ Дрезденѣ образовался среди русскихъ студентовъ революціонный кружокъ, число членовъ котораго доходило до 50 человѣкъ. Главарями этого кружка были: «соціалистъ-революціонеръ» Нахманъ Хайкинъ, его сожитель Мордко-Гершъ Зейдлеръ, членъ «Искры» Александръ Беркенгеймъ, его близкій пріятель Абрамъ Шурто и Соломонъ-Михаилъ Вильпанъ. Подобные же кружки, соединявшіе революціонныхъ дѣятелей разныхъ направленій, существовали и въ Мюнхенѣ, Лейпцигѣ и Митвейдѣ.

Вслѣдствіе разнородности личнаго состава этихъ кружковъ и отсутствія въ нихъ выдающихся политическихъ дѣятелей, они не имѣли сколько-нибудь существеннаго вліянія на революціонную пропаганду внутри Имперіи.

Швейцарія. Швейцарія, какъ и прежде, служила излюбленнымъ мѣстопребываніемъ русскихъ эмигрантовъ, принадлежавшихъ къ разнымъ революціоннымъ группамъ, находившимся подъ вліяніемъ и руководствомъ трехъ выдающихся по уму и энергіи дѣятелей, сторонниковъ политическаго террора—Владимира Бурцева, Хаима Житловскаго и Виктора Чернова, проживавшихъ: первый въ мѣстечкѣ Шадьи, близъ Кіарана, а послѣдніе двое—въ г. Бернѣ. Наибольшимъ авторитетомъ пользовался Бурцевъ, который продолжалъ издавать журналы «Народоволецъ» и «Былое», проповѣдуя въ нихъ идею цѣлесообразности систематическаго террора. Бурцева посѣщали и пользовались его совѣтами многіе пріѣзжавшіе изъ Имперіи выдающіеся соціалисты-революціонеры. Такъ, пріѣзжали къ нему Павелъ Краковъ, Нота Гезенцвей и др. Между прочимъ, Бурцевъ сообщилъ одному изъ пріѣзжихъ соціалистовъ-революціонеровъ полученныя имъ отъ эмигранта Льва Гартмана указанія относительно изготовленія разрывныхъ снарядовъ и устройства подкоповъ. Какъ и въ предыдущіе годы, Бурцевъ поддерживалъ сношенія съ болѣе видными революціонерами въ другихъ городахъ: Владимиромъ Азевымъ—въ Берлинѣ, Алексѣемъ Тепловымъ—въ Лондонѣ, Николаемъ Русановымъ и Тихономъ Михѣевымъ—въ Парижѣ, Иваномъ Кашинцевымъ — Софіи и названнымъ Гартманомъ въ Америкѣ, а также—съ Михаиломъ Гоцомъ, жившимъ послѣдовательно въ Берлинѣ, Швейцаріи, Парижѣ, Ниццѣ и другихъ городахъ.

Среди швейцарскихъ эмигрантовъ выдающимися дѣятелями были Черновъ и Житловскій, находясь въ то же время въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ Азева. Первый изъ нихъ продолжалъ редактировать органъ «соціалистовъ-революціонеровъ» «Революціонную Россію», и хотя она печаталась въ типографіи Бохановскаго въ Женевѣ, но ей умышленно придавали видъ газеты, печатаемой въ Россіи.

Вслѣдствіе личнаго авторитета Бурцева, Чернова и Житловскаго, къ нимъ тяготѣли швейцарскіе эмигранты всѣхъ оттѣнковъ, не разбиваясь на обособленные кружки, какъ въ Берлинѣ. Впрочемъ, этому способствовало и то, что большинство означенныхъ выходцевъ раздѣляло взгляды группы «соціалистовъ-революціонеровъ».

Изъ русскихъ эмигрантовъ, проживавшихъ въ Швейцаріи, кромѣ Бурцева, Житловскаго и Чернова, обращали на себя вниманіе: въ Женевѣ—Вѣра Аксельродъ, Іосифъ Миноръ, Фанни Бѣлоцерковская, Евгеній Зеленскій, Доминикъ Петровскій, Викторъ Накашидзе, Михаилъ Сущинскій, Владиміръ Махновецъ, Николай Надеждинъ, князь Дмитрій Хилковъ, Николай Величкинъ, Владиміръ Бончъ-Бруевичъ, Іосифъ Блюменфельдъ; въ Бернѣ—названные Павелъ Краковъ и Нота Гезенцвей, а также Аронъ Аронзонъ, Роза Шабатъ (по мужу Гавронская), Сара-Рива Левіашъ; въ Цюрихѣ—Иванъ Мейснеръ, Ицекъ-Симонъ Хаитъ, Эдуардъ-Эмилій Скубинъ, Левъ Дейчъ, Исаія Горовицъ, Владиміръ Бобровскій, Мееръ Валлахъ, Елисавета Варыпаева, Аронъ Глязбергъ, Перля Гордонъ, дѣвица Сементковская-Курилло, Давидъ Когенъ, Мстиславъ Лукинъ, еврей Чулокъ и его жена Рахиль, рожденная Вайнштейнъ; въ Лозаннѣ—Николай Степановъ, Владиміръ Ивашинъ, Александръ Машицкій, Энта Моргулева, Платонъ Некрасовъ съ его женой; въ Шальи—Аронъ Ханджи; въ Кларанѣ—Егоръ Лазаревъ, Марія Жебунева, близко стоящая къ «Боевой организаціи» партіи «соціалистовъ-революціонеровъ», и убѣжденный террористъ Артемій-Іосифъ Теръ-Арутюновъ; въ Меезенгенѣ, на Тунскомъ озерѣ—Владиславъ Гольдбергъ (онъ же Кобылянскій).

Изъ названныхъ лицъ принадлежали: къ группѣ «соціалистовъ-революціонеровъ»—Зеленскій, Лазаревъ, Петровскій, Сущинскій, Надеждинъ, Краковъ, Гезенцвей, Аронзонъ, Фрейдина, Шабатъ, Левіашъ, Мейснеръ, Хаитъ, Скубинъ, Глазбергъ, Сементковская-Курилло, Когенъ, Чулокъ, съ женою, супруги Некрасовы, Ханджи и Жебунева, а къ «Лигѣ аграрнаго соціализма» Миноръ, князь Хилковъ и Гоцъ; Константинъ Аркадакскій перешелъ изъ «Лиги» въ партію «соціалистовъ-революціонеровъ».

Изъ болѣе видныхъ соціалъ-демократовъ слѣдуетъ назвать Величкина, Бончъ-Бруевича, Дейча, Аксельрода, Валлаха, Варыпаева, Гордона и Лукина.

Въ началѣ года, вслѣдствіе сочувствія большинства членовъ «Аграрной лиги» взглядамъ «соціалистовъ-революціонеровъ», казалось весьма вѣроятнымъ, что эти двѣ группы сольются въ одну организацію. Для обсужденія этого вопроса, поднятаго Житловскимъ и Черновымъ, въ Бернѣ состоялся съѣздъ представителей означен-

ныхъ группъ; но возникшія разногласія привели лишь къ большему ихъ разъединенію, вызвавшему изданіе за-границей новаго періодическаго органа «Лиги»—«Рабочее дѣло», редакція котораго была поручена Минору. Кромѣ того, «Лига» выпустила воззванія: «Долой самодержавіе», «Долой полицію», «Ко всему рабочему люду», «Къ студентамъ и рабочимъ» и «Долой убійцъ и тюремщиковъ». Деньги на эти изданія были даны извѣстнымъ эмигрантомъ Петромъ Алисовымъ, проживавшимъ въ Ниццѣ, и бывшимъ профессоромъ Московскаго университета Максимомъ Ковалевскимъ. Присоединившійся къ «Лигѣ» князь Хилковъ продолжалъ издавать «Народные Листки» и выпустилъ въ 1902 году «Солдатскую памятку» Толстого «О лжи, властяхъ и начальствѣ», № 6-й вновь отпечатаннаго изданія «Царское поученіе» и перепечатанную съ Бурцевскаго изданія брошюру «Бѣлый терроръ». Изданія эти были отпечатаны въ типографіи Михаила Сущинскаго, въ Женевѣ, гдѣ печатались изданія какъ «народовольцевъ», такъ и «соціалистовъ-революціонеровъ». Средства на изданія этихъ послѣднихъ группъ доставлялись, главнымъ образомъ, Гоцомъ, Броннеромъ, Гершуни и Азевымъ. Гоцъ, кромѣ того, оказалъ существенное содѣйствіе расширенію типографіи пріобрѣтеніемъ черезъ Эли Рубановича значительнаго количества русскаго шрифта, оставшагося послѣ выставочнаго журнала «Русскій парижанинъ». Въ типографіи Сущинскаго печатались: «Народоволецъ», «Вѣстникъ Русской Революціи», „Революціонная Россія“, „Народное дѣло“, „Библіотека Народнаго дѣла“, „Борьба“ и разныя революціонныя брошюры и воззванія.

Между сторонниками группы «соціалистовъ-революціонеровъ» въ Россіи и ихъ единомышленниками въ Швейцаріи произошло существенное разногласіе: въ Имперіи считали цѣлесообразнымъ временно пріостановить террористическую дѣятельность, какъ могущую вызвать нежелательный для общаго революціоннаго движенія антагонизмъ съ болѣе умѣренными политическими группами; швейцарскіе же эмигранты, подъ вліяніемъ Бурцева, Житловскаго и Чернова, горячо отстаивали необходимость продолжать терроръ, какъ для устрашенія русскаго правительства, такъ и съ цѣлью встревожить общественное мнѣніе и вызвать смуту. Въ этомъ смыслѣ Бурцевъ, послѣ личнаго свиданія и переговоровъ съ Машицкимъ, составилъ рѣзкую прокламацію, которая была отпечатана въ количествѣ 10,000 экземпляровъ и распространялась за-границею и въ Россіи. Упомянутое разногласіе возникло, впрочемъ, уже во второй половинѣ года; а еще въ февралѣ пріѣзжалъ изъ Россіи делегатъ «соціалистовъ-революціонеровъ», видѣлся съ Бурцевымъ, Житловскимъ и Черновымъ, и старался установить съ ними постоянныя сношенія, причемъ настаивалъ на необходимости террора, какъ единственнаго средства для достиженія политической свободы въ Россіи. Изъ Швейцаріи этотъ делегатъ проѣхалъ въ Парижъ и Берлинъ, гдѣ имѣлъ переговоры съ представителями другихъ революціонныхъ организацій.

Центральная группа «соціалистовъ-революціонеровъ»*), нахо-

*) Во главѣ этой группы стояли названные: Эли Рубановичъ и Гоцъ—въ Парижѣ, Чулокъ съ женою въ Цюрихѣ, Бохаповскій—въ Женевѣ.

дя, что для террористическихъ цѣлей разрывные снаряды представляются болѣе удобными, чѣмъ холодное и огнестрѣльное оружіе, поручила «народовольцу» Ивану Мейснеру заняться ихъ изготовленіемъ. Независимо отъ исполненія этого порученія, Мейснеръ организовалъ среди нѣмцевъ въ Ригѣ небольшой кружокъ для пропаганды сепаративнаго движенія на революціонной почвѣ. Съ этою цѣлью были отпечатаны въ переводѣ на нѣмецкій языкъ «Надгробное слово Александру II»—изъ «Календаря Народной воли»—и всѣ выдающіяся статьи изъ соціалъ-демократической и народовольческой литературъ.

Въ Цюрихѣ «соціалисты-революціонеры» Черновъ, Чулокъ и Глазбергъ устраивали общія собранія русскихъ студентовъ, на которыхъ читали рефераты, чѣмъ и достигли образованія среди учащейся молодежи особаго кружка сторонниковъ ихъ тенденцій.

Въ сторонѣ отъ массы швейцарскихъ «соціалистовъ-революціонеровъ» стояла, по прежнему, группа «Свобода», имѣвшая въ Цюрихѣ свою небольшую типографію, которою завѣдывалъ Доминикъ Петровскій. Редакторомъ изданій «Свободы» состоялъ Зеленскій, переѣхавшій, по болѣзни, изъ Женевы къ Лазареву, въ Кларанъ. Не пользуясь сочувствіемъ большинства революціонеровъ, группа эта имѣла мало значенія въ дѣлѣ пропаганды и, въ виду полнаго отсутствія денежныхъ средствъ на ея изданія, была вынуждена обратиться съ особымъ воззваніемъ объ оказаніи матеріальной помощи.

Дѣятельность соціалъ-демократическихъ кружковъ въ Швейцаріи была мало замѣтна. Болѣе выдающимися фактами были: 1) состоявшійся въ Цюрихѣ въ концѣ апрѣля «соціалъ-демократическій» съѣздъ, на которомъ обсуждался, хотя и безъ практическихъ результатовъ, вопросъ сліянія всѣхъ заграничныхъ «соціалъ-демократическихъ» группъ въ одну общую организацію, и 2) пріѣздъ въ Бернъ, Женеву, Лозанну и Цюрихъ извѣстнаго соціалъ-демократа Владимира Ульянова (онъ же Ленинъ), который прочелъ рядъ рефератовъ, съ рѣзкой критикой террористическихъ тенденцій «соціалистовъ-революціонеровъ», проведя мысль, что терроръ отвлекаетъ рабочихъ отъ правильныхъ организацій и способствуетъ преждевременному «разряженію народныхъ возстаній». Въ концѣ іюня былъ намѣченъ второй съѣздъ членовъ партіи, но онъ не состоялся.

Въ Цюрихѣ, по иниціативѣ Дейча, образовался отдѣльный соціалъ-демократическій кружокъ, къ которому примкнули: Александръ Шооръ, Сруль Айзенштейнъ, Дина Быстрицкая, Елизавета Варыпаева, Иванъ Козинъ, Вѣра Фалькнеръ и др.

Весною прибылъ изъ Берлина въ Лозанну упомянутый Машицкій, съ рекомендаціями отъ представителей „Союза русскихъ соціалъ-демократовъ“ въ Россіи, и вскорѣ занялъ выдающееся положеніе въ заграничной организаціи „Союза“. Несмотря на принадлежность свою къ соціалъ-демократической группѣ, Машицкій, будучи сторонникомъ политическаго террора, вошелъ въ сношенія съ Бурцевымъ и Лазаревымъ, для объединенія болѣе активныхъ русскихъ соціалъ-демократическихъ кружковъ съ „народовольцами“

и „соціалистами-революціонерами“, чтобы, создавъ такимъ путемъ начало „рабочаго террора“—привлечь къ нему исключительно рабочихъ. Планъ этотъ встрѣтилъ полное сочувствіе какъ со стороны „народовольцевъ“ и „соціалистовъ-революціонеровъ“, такъ и заграничныхъ представителей „Рабочаго дѣла“. Въ Лозаннѣ Машицкій сошелся съ сестрой сожительницы Михаила Сущинскаго —Эптой Моргулевой, и успѣлъ привлечь на свою сторону еврея Либмана, дѣвицъ Эдельсонъ, Безбокую и Бродскую. Кромѣ указанной агитаторской дѣятельности, онъ взялъ на себя устройство пограничнаго пункта для водворенія революціонной контрабанды въ Имперіи. Побывавъ затѣмъ и въ Парижѣ, Машицкій близко сошелся тамъ съ Иваномъ Мейснеромъ.

Франція. Благодаря народнымъ симпатіямъ во Франціи при посѣщеніи ея въ 1901 г. Ихъ Величествами, русскіе революціонеры въ Парижѣ временно пріостановили свою дѣятельность, но въ слѣдующемъ году она вновь проявилась участіемъ въ пропагандѣ весьма многихъ лицъ, фанатически настроенныхъ и опытныхъ въ дѣлѣ агитаціи. Однако же, значительная отдаленность Парижа отъ русской границы, какъ и раньше, мѣшала парижскимъ революціоннымъ кружкамъ непосредственно водворять въ Имперію преступныя изданія. Такимъ образомъ, работа ихъ сводилась къ революціонизированію русскихъ, пребывающихъ въ Парижѣ, и къ участію въ теоретической разработкѣ вопросовъ пропаганды.

Выдающееся положеніе въ парижскихъ кружкахъ занимали, попрежнему, старые „народовольцы“ Русановъ и Рубановичъ, въ 1902 году окончательно примкнувшіе къ группѣ „соціалистовъ-революціонеровъ“, оставаясь убѣжденными сторонниками политическаго террора. Не менѣе ихъ имѣли вліяніе на русскую молодежь въ Парижѣ „молодые народовольцы“ Антонъ Гнатовскій, Михаилъ Михѣевъ (онъ же Александровъ) и Николай Голощаповъ, которые выработали планъ революціонной пропаганды среди крестьянъ и рабочихъ въ Россіи. Выдающіяся способности Михѣева, его горячая преданность революціонному дѣлу и энергія снискали ему особое уваженіе въ революціонной средѣ, и съ нимъ постоянно переписывались такіе революціонные главари, какъ Ханджи, Бухгольцъ, Тепловъ и Бурцевъ. Въ февралѣ Михѣевъ организовалъ въ Парижѣ среди учащихся тамъ русскихъ студентовъ кружокъ, назвавшійся „Группа студентовъ“, который задался подготовкою „практическихъ революціонеровъ“ и издалъ прокламацію „Къ учащейся молодежи“. Вскорѣ послѣ того этой группой былъ отправленъ нелегально въ Россію Голощаповъ, для организаціи пропаганды среди крестьянъ рязанской губерніи, а затѣмъ — Семенъ Мазуренко—для агитаціи среди рабочихъ. Была намѣчена поѣздка въ Россію и Михѣева, послѣ проектированнаго имъ свиданія съ Тепловымъ и Бурцевымъ; приготовляясь къ этой поѣздкѣ, Михѣевъ велъ обширную конспиративную переписку съ революціонерами въ Россіи.

На одной квартирѣ съ Михѣевымъ проживалъ нѣкто Лихачевъ, и оба они устроили небольшую типографію, которая печатала бюллетени „Рабочаго дѣла“ о противоправительственномъ

движеніи въ Россіи. Къ названной группѣ присоединился и пріѣхавшій изъ Берлина Адольфъ Гроссманъ.

Несмотря на многочисленность парижской группы „соціалистовъ-революціонеровъ", она не имѣла, какъ въ Швейцаріи, перевѣса надъ другими мѣстными организаціями. Ея руководители Русановъ и Рубановичъ, вмѣстѣ съ переѣхавшимъ въ 1902 г. въ Женеву Богдановскимъ, издавали въ Парижѣ „Вѣстникъ Русской Революціи", который разъяснялъ вопросы революціонной борьбы и проводилъ мысль о необходимости полнаго объединенія „народовольцевъ" съ „соціалистами-революціонерами". Тѣмъ не менѣе, „Вѣстникъ" навлекъ на себя неудовольствіе берлинской группы „соціалистовъ-революціонеровъ", признававшей его направленіе недостаточно радикальнымъ, и редакціи его, чрезъ Хаима Левиди, было предъявлено требованіе придать ему безусловно террористическій характеръ.

Въ октябрѣ прибылъ въ Парижъ и вступилъ въ мѣстный кружокъ «соціалистовъ-революціонеровъ» бѣжавшій изъ Сибири политическій ссыльный Викторъ Вейнштокъ.

Затѣмъ, въ Парижѣ продолжалъ существовать, руководимый эмигрантомъ Желковскимъ, небольшой кружокъ русскихъ анархистовъ, изъ которыхъ обращалъ на себя вниманіе Георгій Гегелія, поддерживавшій сношенія съ наиболѣе серьезными международными анархистами въ Женевѣ Людовикомъ Бутани, Нено Самойа и Савяно Баркези.

Среди проживающихъ въ Парижѣ русскихъ «соціалъ-демократовъ» особенно выдѣлялись: Юрій Нахамкисъ, Зельманъ-Беръ Кричевскій, Владимиръ Иваншинъ, Степанъ Романовъ, Марцелій Петрашкевичъ, Антонъ Васильевъ и Юлій Вульфовичъ. Въ своей дѣятельности они хотя и придерживались общей соціалъ-демократической программы, но въ частностяхъ существенно расходились во взглядахъ. Такъ, Васильевъ и Петрашкевичъ относительно способовъ революціонной борьбы ближе подходили къ «соціалистамъ-революціонерамъ», признавая политическій терроръ. Явившись въ Парижъ отъ имени соціалъ-демократическихъ кружковъ въ Россіи, Петрашкевичъ предлагалъ организовать въ Парижѣ особый соціалъ-демократическій кружокъ, въ программу котораго былъ бы включенъ терроръ.

Во второй половинѣ 1902 года Васильевъ и Вульфовичъ основали новую группу «Свобода», поставивъ себѣ цѣлью объединить отдѣльныя соціалъ-демократическія организаціи въ одну общую, уничтоживъ, такимъ образомъ, партійную вражду. Взгляды свои Васильевъ изложилъ въ прокламаціи, подъ заглавіемъ «Въ единеніи наша сила» и за подписью: «Революціонная соціалъ-демократическая группа Свобода», но, за неимѣніемъ у ея иниціаторовъ достаточныхъ связей, она не имѣла успѣха въ революціонной средѣ. Духъ розни не замедлилъ проявиться и въ настоящемъ случаѣ: едва успѣлъ зародиться въ Парижѣ кружокъ «Свобода», какъ группа, основанная подъ тою же кличкою въ Женевѣ еще въ 1901 г., поспѣшила печатно заявить о своей несолидарности съ парижскимъ кружкомъ. Въ скоромъ времени Васильевъ переѣхалъ

въ Лондонъ, и, по неимѣнію средствъ для продолженія своего изданія, вынужденъ былъ прекратить его, а его сторонники присоединились: нѣкоторые къ «Рабочему дѣлу» въ Парижѣ, а другіе—къ женевской «Борьбѣ».

Внутренняя рознь въ соціалъ-демократическихъ организаціяхъ рельефно проявилась и въ отдѣленіи отъ «Лиги соціалъ-демократовъ» новой группы, основавшей въ Парижѣ свой печатный органъ «Красное Знамя», съ цѣлью замѣнить журналъ «Рабочее Дѣло». Въ составъ редакціи вошли парижскіе эмигранты Кричевскій, Иваншинъ и проживавшій въ Женевѣ Владиміръ Махновецъ. Новое изданіе печаталось въ типографіи «Союза русскихъ соціалъ-демократовъ» въ Женевѣ, подъ наблюденіемъ бывшаго издателя «Русскаго рабочаго»—Машицкаго. «Красное знамя», однако же, скоро потеряло почти всякое значеніе, благодаря неблагосклонности къ нему вновь преобразованной «Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», которая заявила свою несолидарность и съ группой «Борьба».

Въ началѣ іюня, послѣ упомянутаго посѣщенія Швейцаріи Ульяновымъ; послѣдній, вмѣстѣ съ Юліемъ Цедербаумомъ, пріѣхали въ Парижъ, съ цѣлью убѣдить мѣстные революціонные кружки въ несостоятельности террористическихъ теорій «соціалистовъ-революціонеровъ», но эта попытка осталась безуспѣшною. Та же участь постигла и стремленіе Виктора Чернова добиться признанія другими революціонными группами террористической программы «соціалистовъ-революціонеровъ».

Зимою въ Парижѣ стали распространяться слухи о предстоящемъ посѣщеніи Государемъ Императоромъ Италіи; это дало поводъ соціалистическому польско-русскому кружку въ Парижѣ обратиться съ воззваніемъ къ итальянскимъ студентамъ и соціалистамъ объ устройствѣ, въ случаѣ пріѣзда Его Величества, враждебныхъ манифестацій.

«Бундъ», или «Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи», имѣлъ большое число сто, онниковъ среди русскихъ евреевъ въ Парижѣ; но дѣятельность его, направленная преимущественно въ сторону экономическихъ интересовъ, не проявлялась ярко политическими фактами, тѣмъ болѣе, что кружки «Бунда» естественно тяготѣли къ своей центральной организаціи въ Лондонѣ, откуда и исходили всѣ болѣе значительныя проявленія дѣятельности названной группы.

Соотвѣтственно двумъ существующимъ въ Привислянскомъ краѣ противоправительственнымъ партіямъ —«Польской соціалистической партіи» и «Пролетаріату»,—польскіе революціонеры въ Парижѣ также дѣлились на двѣ группы. Представителемъ парижской группы «Польской соціалистической партіи» былъ Марсель Шарата, авторъ вышеупомянутаго воззванія по п воду Высочайшаго путешествія въ Римъ, а членами группы «Пролетаріатъ» были студенты Чернышевскій, Реммеръ и Носковскій.

Наконецъ, въ Парижѣ продолжала существовать «Русская высшая школа соціальныхъ наукъ», лекторами которой состояли бывшіе профессора русскихъ университетовъ—Илья Мечниковъ,

Максимъ Ковалевскій, Юрій Гамбаровъ, Иванъ Лучицкій, Евгеній Аничковъ, Николай Карѣевъ и Андрей Исаевъ, а также Евгеній Де-Роберти, эмигрантъ Федоръ Волковъ, Гавріилъ Лайтайзенъ и др. Отсутствіе въ «школѣ» всякаго порядка нерѣдко проявлялось рѣзкими столкновеніями между профессорами и слушателями. Послѣдніе были недовольны безсистемностью лекцій и малою ихъ научностью; лекторы же, въ виду общей распущенности слушателей, не надѣясь достичь сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ обученія, замѣтно разочаровались въ пользѣ «школы», и уже не разъ возбуждался вопросъ о ея закрытіи.

Среди слушателей «школы», также какъ и между русскими студентами парижскаго университета, существовали особые революціонные кружки, въ которыхъ игралъ руководящую роль студентъ-медикъ Яковъ Ингберъ.

Ницца. За послѣднее время нѣкоторые русскіе эмигранты поселились въ Ниццѣ; изъ нихъ особаго вниманія заслуживаетъ крайній революціонеръ Петръ Алисовъ, находящійся въ близкихъ сношеніяхъ съ Бурцевымъ и другими вожаками радикальныхъ группъ. Въ Ниццу же пріѣзжалъ для свиданій съ Алисовымъ извѣстный террористъ Гоцъ. Въ концѣ 1901 г. «соціалъ-демократъ» Янкель Клейдманъ открылъ въ Ниццѣ русскую книжную торговлю, и всѣ русскія революціонныя группы стали высылать туда свои изданія для продажи. Благодаря умѣлой постановкѣ дѣла и особымъ стараніямъ Клейдмана, нелегальная литература имѣла большой сбытъ, вслѣдствіе чего онъ рѣшилъ издавать соціалъ-демократическія сочиненія за свой собственный счетъ.

Кромѣ того, въ Ниццу переѣхалъ изъ Женевы народоволецъ Евгеній Кисляковскій съ женою Наталіей, намѣревавшійся открыть русскій книжный магазинъ, для котораго пріобрѣлъ въ Женевѣ большое количество революціонныхъ изданій; узнавъ же, что такой магазинъ уже существуетъ въ Ниццѣ, они открыли ресторанъ. Кисляковскіе поддерживали сношенія съ членомъ «Аграрной лиги» княземъ Хилковымъ и другими болѣе извѣстными революціонерами.

Брюссель, Амстердамъ, Генуя. Въ близкихъ отношеніяхъ съ главарями революціонныхъ группъ въ Парижѣ и Швейцаріи находились, хотя и не входили непосредственно въ мѣстные кружки, «соціалистка-революціонерка» Анна Деканская (она же Диканская), проживавшая въ Брюсселѣ, бывшая ссыльно-каторжная Анисья Болотина, проживавшая въ Амстердамѣ, и эмигрантъ Владиміръ Грюнбергъ, выѣхавшій изъ Россіи въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и поселившійся въ Генуѣ. Находясь въ дружбѣ съ извѣстными революціонерами Касперомъ Турскимъ, жившимъ въ Жерсѣ, княземъ Петромъ Крапоткинымъ, проживавшимъ въ Англіи, и располагая матеріальными средствами—Грюнбергъ помогалъ деньгами Бурцеву и его сторонникамъ въ ихъ издательствѣ.

Англія. Русскіе эмигранты, поселившіеся въ Англіи, почти всецѣло сосредоточивались въ Лондонѣ, откуда, какъ и въ минувшіе годы, многочисленные русскіе революціонеры болѣе или менѣе интенсивно проявляли свою дѣятельность. Въ Лондонѣ центральными лицами были упомянутые: Тепловъ, князь Крапоткинъ, Кульчицкій, Гольдбергъ, а также—Болеславъ Іендржіевскій (онъ же Іендржижовскій), Леонъ Василевскій (онъ же Плохоцкій, Филипповичъ, Вагнеръ, Бобровскій, Иноревскій и Каневскій), Владимиръ Чертковъ, Феликсъ Волховскій и Николай Чайковскій; изъ нихъ Тепловъ, Волховскій и Чайковскій — сторонники «соціалистовъ-революціонеровъ», Кульчицкій же, Гольдбергъ, Іендржіевскій и Василевскій—представители польскихъ революціонныхъ группъ: первые двое—«Пролетаріата», а послѣдніе—«Польской соціалистической партіи». Чертковъ стоялъ во главѣ послѣдователей графа Льва Толстого, брошюры котораго, запрещенныя въ Россіи, онъ издавалъ за-границею, а князь Крапоткинъ, какъ и раньше, принадлежалъ къ интернаціональнымъ анархистамъ. По авторитету въ революціонной средѣ и энергіи самыми серьезными дѣятелями являлись Тепловъ, Волховскій и Чайковскій.

Группируясь вокругъ названныхъ лицъ и нѣкоторыхъ другихъ вожаковъ, русскіе революціонеры въ Лондонѣ дѣлились на слѣдующія группы:

1) «Анархисты»: Городня, Стефанъ-Антоній Гиляръ, Гольденбергъ (онъ же Егеръ), портной Гаазе, Иванъ Лебединскій, Ольшевскій, Сигизмундъ Площанскій, Аронъ Рафи, Рудерманъ, инженеръ-механикъ Фрумкинъ.

2) „Соціалъ-демократы“ и „соціалисты-революціонеры“: Николай Алексѣевъ (онъ же Алексовъ), Леонъ Баронъ, Павелъ Дворковичъ, Леонъ Гольденбергъ, Вѣра Засуличъ (она же Бельдинская), Евгеній Степановъ и его жена Дора, рожденная Вейсъ, Симонъ Каганъ (онъ же Луганъ) и его братья Борухъ и Севастьянъ, Константинъ Ларіоновъ, два брата Любошицъ, Владимиръ Малкинъ, Владимиръ Раухъ, Левъ Селитряный, Іосифъ Снарскій, Финкельштейнъ (онъ же Литвиновъ и Литвинопольскій), Генрихъ Цыновскій, Войничъ (онъ же Кельчевскій), Федоръ Ротштейнъ, Эсперъ Серебряковъ и др.; изъ нихъ обращали на себя особое вниманіе Раухъ и Снарскій, какъ пріятели Владимира Бурцева, Дворковичъ и Цыновскій, какъ друзья Теплова, и Симонъ Каганъ—вслѣдствіе устройства на его квартирѣ самыхъ интимныхъ революціонныхъ сборищъ. Войничъ содержалъ международную соціалистическую библіотеку, а бывшій издатель журнала „Накануне“ Серебряковъ являлся связующимъ звеномъ между отдѣльными русскими кружками въ Лондонѣ.

3) Послѣдователи „Бунда“ или „Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“: Абрамъ Натанзонъ—главный агентъ партіи, издатель „Послѣднихъ извѣстій“ и многихъ брошюръ на еврейскомъ жаргонѣ, Іосифъ Блятъ, Исаакъ Голдинъ, предложившій свои услуги для водворенія въ Россію политической контрабанды, и Викторъ Крохмаль.

4) Національно-польскія революціонныя группы: а) „Польской соціалистической партіи“: Михаилъ Антоновичъ, Стефанъ Карскій, Рафаилъ Перль, Владиславъ Пискарскій, портной Сикорскій, нѣкто Симарскій, Іосифъ Пильсудскій и его жена Марія, бѣжавшіе изъ С.-Петербурга въ іюлѣ 1901 г., но появившіеся въ Лондонѣ лишь въ апрѣлѣ 1902 г.; б) „Пролетаріатъ“: Климентъ Вержбицкій, Ванда Войнаровская и др. Среди послѣднихъ двухъ группъ, въ виду существеннаго различія ихъ цѣлей*), возникъ глубокій разладъ, который привелъ къ тому, что разоблаченіями „Польской соціалистической партіи“ сторонники „Пролетаріата“ были окончательно дискредитированы въ либеральныхъ слояхъ польскаго общества, вслѣдствіе чего партія лишилась прежняго источника матеріальныхъ средствъ.

5) „Латышская революціонная группа“: Вербунасъ, Іосифъ Вайзнеръ, издававшій ранѣе въ Парижѣ соціалистическій журналъ на латышскомъ языкѣ „Латышскій рабочій“, Іосифъ Милевскій и Игнатій Кажинскій,—причастные также и къ польскимъ революціонерамъ,—писецъ Строфанъ и др.

6) Литовская революціонная группа: Іосифъ Микка, нѣкто Михеловичъ и Петрушкевичъ, у котораго происходятъ собранія всей группы.

7) Армянскіе революціонеры: Викторъ Накашидзе, Аветисъ Казарбековъ—одинъ изъ главныхъ дѣятелей армянско-революціоннаго движенія и близкій пріятель многихъ русскихъ революціонеровъ, нѣкто Оганьянъ, Семенъ Саларидзе и др.

8) „Толстовцы“, среди которыхъ, послѣ Черткова, болѣе виднымъ дѣятелемъ былъ Иванъ Трегубовъ.

Въ 1902 г. въ Лондонѣ печатались слѣдующія, враждебныя русскому правительству періодическія изданія:

1) „The Anglo-Russian“, органъ группы „Преобразованія Россіи“; 2) „Свободная Россія“ („Free Russia“), органъ „Фонда вольной русской прессы“ и группы Волховскаго, который былъ его редакторомъ вмѣстѣ съ И. Ф. Гриномъ; 3) „Латышскій рабочій“ („Zatweeschu Strahdneeks“), подъ редакціей Вайзнера; 4) „Послѣднія извѣстія“, печатавшіяся бундистомъ Натанзономъ; 5) „Разсвѣтъ“ („Przedswit“) и „Свѣтъ“ („Swiatlo“)—органы группы „Польской соціалистической партіи“; 6) „Толстовецъ“ („Thé Toisltoyan“), издававшійся Даніелемъ; 7) „Свобода“, подъ редакціей Антона Васильева; 8) „Жизнь“—органъ соціалъ-демократической группы того же названія, образовавшейся въ апрѣлѣ при участіи Алексѣя Теплова; журналъ этотъ возникъ по иниціативѣ Владимира Поссе, который и состоялъ его редакторомъ, но по причинѣ скуднаго притока денежныхъ пожертвованій на изданіе не успѣлъ окрѣпнуть. Осенью названная организація выработала проектъ новой программы „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“, который

---

*) „Польская соціалистическая партія“ ставитъ на первомъ планѣ возрожденіе самостоятельной Польши, „Пролетаріатъ“ же преслѣдуетъ общія революціонныя цѣли, не касаясь національныхъ, и признаетъ терроръ наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ въ политической борьбѣ.

для свѣдѣнія и критики былъ разосланъ вожакамъ русскихъ революціонныхъ кружковъ за-границею.

Дѣятельность національныхъ революціонныхъ организацій въ Лондонѣ—польскихъ, латышской, литовской и армянской—была весьма интенсивна и проявлялась, кромѣ образованія кружковъ, печатаніемъ упомянутыхъ періодическихъ изданій и большого количества подпольныхъ брошюръ и прокламацій, и водвореніемъ въ Имперію цѣлыхъ транспортовъ революціонной литературы; исключительно же русскіе революц онные кружки въ Лондонѣ въ этомъ отношеніи почти совершенно бездѣйствовали.

Австро-Венгрія, Вѣна. Въ Вѣнѣ, несмотря на малочисленность русской колоніи, существовалъ кружокъ „соціалистовъ-революціонеровъ", въ которомъ выдѣлялись Беньяминъ Вегманъ-Вайсманъ, Перецъ-Пейса Ротенштернъ (онъ же Ройтенштернъ) и Симонъ Вайсманъ. Среди членовъ этого кружка осенью вращалась и высказывала анархистическія тенденціи жена московскаго адвоката Анастасія Грандіевская, временно пріѣхавшая въ Вѣну для леченія и, повидимому, близкая къ „Боевой организаціи партіи соціалистовъ революціонеровъ": по ея настоянію, среди русскихъ революціонеровъ въ Вѣнѣ былъ сдѣланъ денежный сборъ на надобности этого сообщества. Къ упомянутому кружку принадлежалъ и посел вшійся въ Вѣнѣ бывшій студентъ харьковскаго университета Василій Бендтъ, по нѣкоторымъ указаніямъ—также не чуждый названной „Боевой организаціи".

Въ апрѣлѣ появился въ Вѣнѣ среди соціалистовъ Юдка Горенштейнъ (онъ же Горенштейнъ), состоявшій подъ надзоромъ полиціи въ Одессѣ и скрывшійся оттуда за-границу. Почти въ то же время вращался въ революціонной сферѣ Шлема Раппопортъ (онъ же Кранцъ), прочитавшій на одномъ изъ собраній рефератъ, подъ заглавіемъ „Лавровъ и революція".

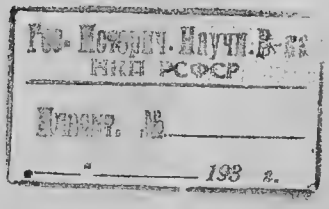
Кромѣ упомянутаго сбора денегъ, русскіе революціонеры въ Вѣнѣ не проявили активнаго участія въ революціонномъ движеніи внутри Имперіи; въ Галиціи же наоборотъ: интеллигентные слои польскаго населенія, въ общей массѣ фанатически преданные идеѣ о возстановленіи единства и независимости Польши, находились въ постоянномъ и близкомъ конспиративномъ общеніи съ національно-польскими революціонными организаціями въ Привислянскомъ краѣ. Въ Львовѣ и Краковѣ издавались революціонные журналы, брошюры и газеты, большими транспортами водворяемыя въ наши предѣлы, гдѣ онѣ широко распространялись въ польскихъ губерніяхъ.

Румынія, Сербія и Болгарія. Названныя государства, въ эпоху своего тяготѣнія къ Австріи, весьма охотно давали убѣжище русскимъ политическимъ выходцамъ, съ перемѣною же внѣшней политики измѣнилось и отношеніе ихъ къ русской эмиграціи, которая въ 1902 г. была крайне малочисленна и не проявляла активной дѣятельности, занимаясь лишь водвореніемъ въ наши

предѣлы транспортовъ нелегальной литературы, направляющихся въ Россію изъ Швейцаріи.

Болѣе видное положеніе среди русскихъ эмигрантовъ занимали: въ Софіи—упомянутый Кашинцевъ, Андрей Брейтфусъ, Евгеній Іогансонъ (онъ же Иванъ Ивановъ и Абрамъ Менахимъ), Шлема-Зельманъ Шацъ, Ульрихъ Левинсонъ; въ Рущукѣ—Николай Музиль и его жена Ольга, рожденная Малицкая, Евгеній Степановъ (онъ же Бородинъ), Ольга Урсъ; въ Старой Загорѣ—Владимиръ Дебагоріо-Мокріевичъ; въ Яссахъ—Владимиръ Грабовскій; въ Плоешти—Михаилъ Кацъ (онъ же Константинъ Дображанъ) и Витольдъ Пекарскій, и Земфирій Ралли-Арборе—въ Бухарестѣ. Болѣе вліятельнымъ изъ нихъ былъ Кашинцевъ, какъ по своему опыту въ дѣлѣ агитаціи, такъ и по связямъ съ центрами русской революціи въ Имперіи и за-границей, особенно съ Бурцевымъ, которому онъ постоянно высылалъ статьи для революціонныхъ изданій. Дѣятельными агитаторами были также Музиль и Дебагоріо-Мокріевичъ.

По иниціативѣ Кашинцева и Дебагоріо-Мокріевича, въ революціонныхъ кружкахъ рѣшено было созвать въ сентябрѣ, во время шипкинскихъ торжествъ, съѣздъ и распространить среди народа и войскъ прокламаціи и подпольныя брошюры; но, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, попытки манифестацій и пропаганды не удались.



Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

Книгоиздательство „Донская Рѣчь“

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, Сборникъ, извлеченныхъ изъ офиціальныхъ изданій, правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** 1825—1876 г.г. Цѣна **1 р. 50 к.**

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Цѣна **75 к.**

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева.** Цѣна **60 к.**

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева.** Выпускъ I. (1900—1902 гг.). Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго.** Цѣна **50 к.**

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева.** Выпускъ 2-й. Цѣна **50 к.**

6) „Государственныя преступленія въ Россіи. **ТОМЪ ВТОРОЙ.** Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** (1877 г. **Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.**) Цѣна **1 р.**

7) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).**

8) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ТРЕТІЙ.** (1877 г. **Процессъ 193-хъ и др.**) Цѣна **1 р.**

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Выпускъ 1-й. Ц. **1 р.**

10) То-же самое. Выпускъ второй. Цѣна **75 к.**

11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго.** Цѣна **30 к.**

12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. Цѣна **50 к.**

13) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева.** Цѣна **6 к.**

14) Убійство императора Павла. (Разсказы современниковъ). Цѣна **20 к.**

ПЕЧАТАЮТСЯ 15 и 16:

15) Пестель, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. **Н. П. Сильванскаго.**

16) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева.**

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрѣ 1905 года, получатъ за внесенную ими плату ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ и ТРЕТІЙ тома „Государственныхъ преступленій“ и ТРИ тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“. Всего ШЕСТЬ томовъ.

Всѣ остальныя изданія „Русской исторической Библіотеки“ пріобрѣтаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.